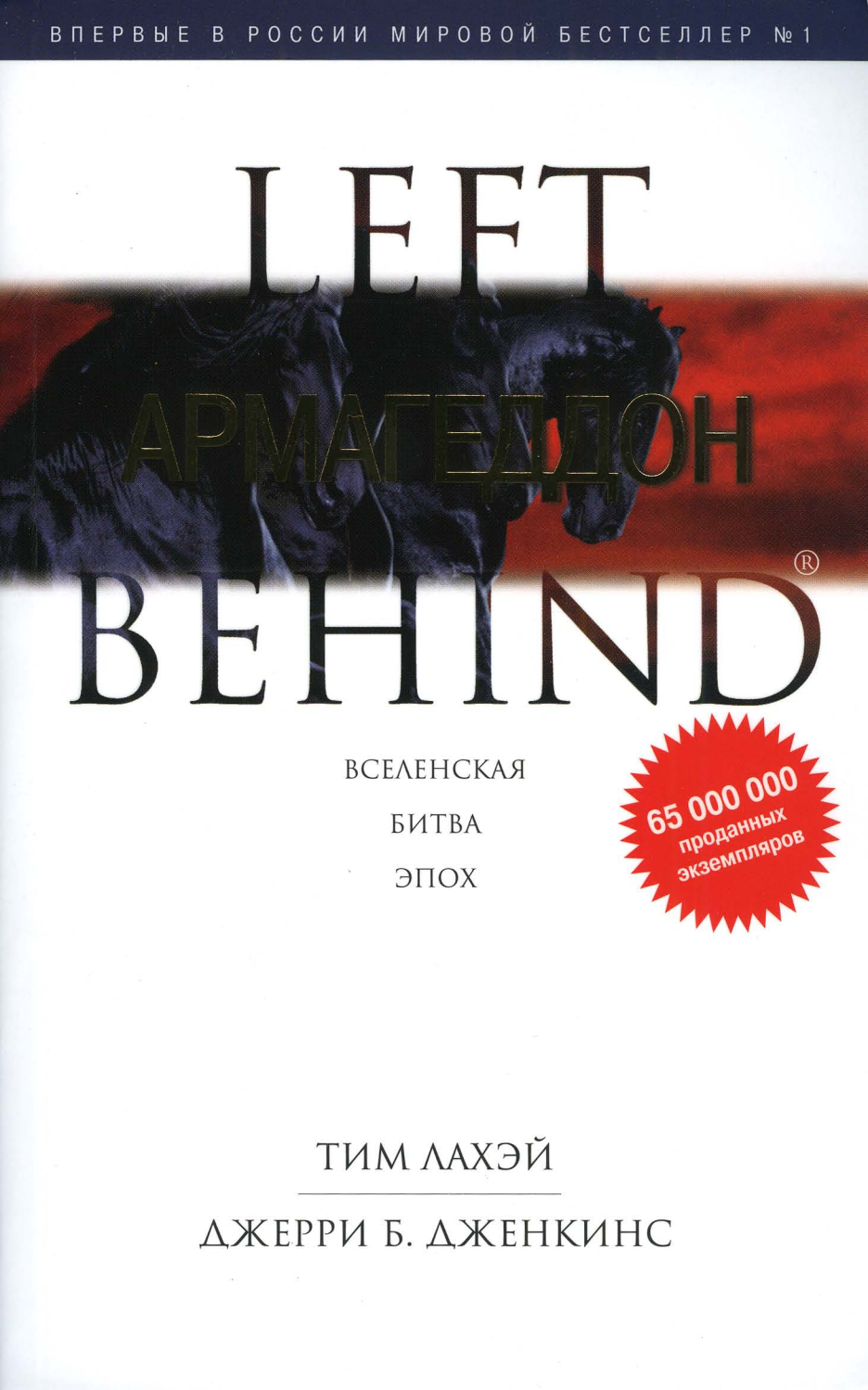

LEFT АРМАГЕДДОН BEHIND[®]

ВСЕЛЕНСКАЯ
БИТВА
ЭПОХ

65 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

АРМАГЕДДОН

ВСЕЛЕНСКАЯ

БИТВА

ЭПОХ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Λ29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Λ29 Армагеддон: Роман / Пер. с англ. Н. Некрасовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 464 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0517-6

В одиннадцатой книге серии «Left Behind®» — «Армагеддон» — отряд Скорби собирается на Ближнем Востоке в предверии самой грандиозной битвы в истории человечества. В последний год перед Армагеддоном все тайные убежища верующих перестали быть безопасными, ибо политика Николае Карпати поощряет предательство и доносы.

Тем временем над всеми членами отряда Скорби нависла серьезная опасность, и неизвестно, кому из них удастся пережить Армагеддон.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Тим ЛаХэй Джерри Б. Дженкинс

АРМАГЕДДОН

Редактор *Н. Занозина*. Художественный редактор *А. Балашова*

Перевод *Н. Некрасова*. Консультант *А. Коныхова*

Технический редактор *О. Стоскова*. Корректор *О. Бубликова*

Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 23.03.12 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.

Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 16,28.

Книжный Клуб Книговек. 127206, Москва, Чуксин тупик, 9. www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт" Logotipas Company www.baltoprint.ru

Left Behind # 11: Армагеддон, Russian
Copyright © 2003 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovok Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

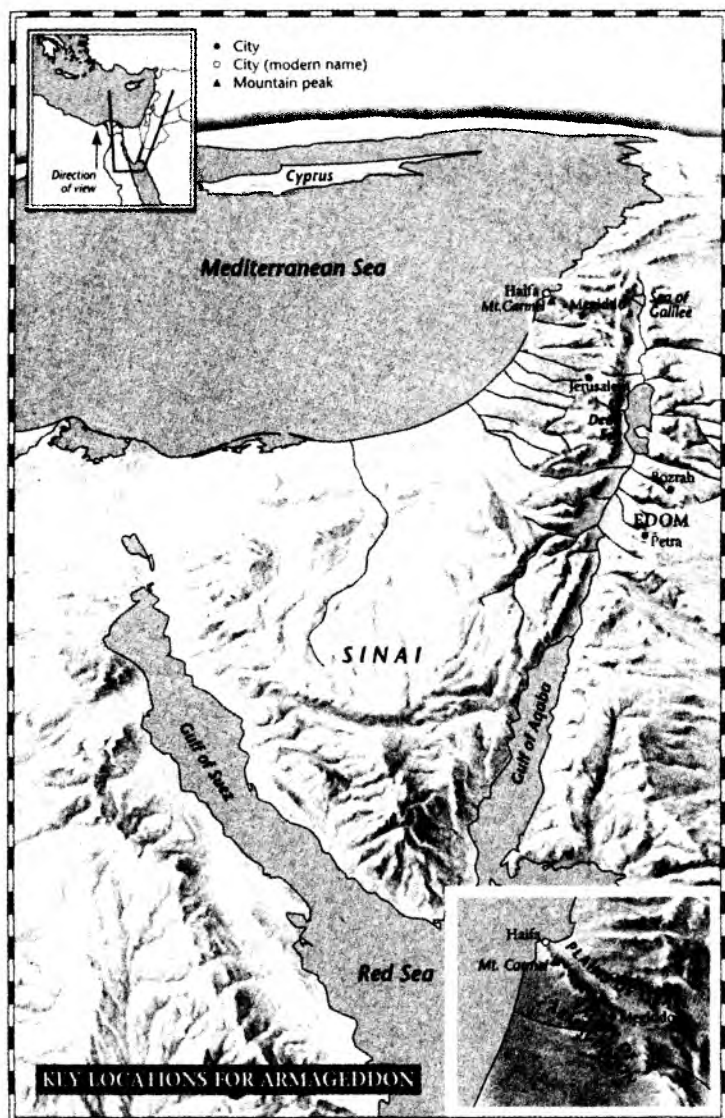
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

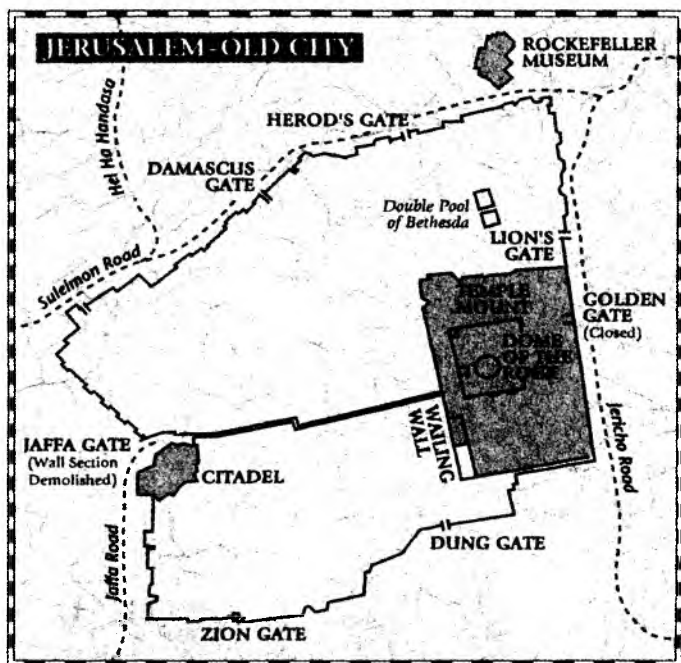
ISBN 978-5-4224-0517-6

© Книжный Клуб Книговек, 2012

*В память о А.В. Тоцере,
который посвятил себя Богу*

*Особая благодарность Давиду Аллену
за профессиональную
техническую консультацию*

ШЕСТОЙ ГОД
ВРЕМЕНИ СКОРБИ.
ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА
ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

В е р у ю щ и е

Рэйфорд Стил, примерно сорок пять лет, летчик, бывший капитан «Боинга-747» компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Восхищения. Бывший пилот патента Мирового Сообщества Николае Карпати, один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске, скрывается в Петре.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, тридцати с небольшим лет. Бывший старший репортер «Глобал уикли», бывший редактор «Глобал коммьюнити уикли», издания Карпати. Один из первых членов отряда Скорби, издатель интернет-журнала «Истина», его оперативный псевдоним — служащий МС Джек

Дженсен — раскрыт. Скрывается в убежище в Сан-Диего.

Хлоя Стил Уильямс, двадцати с небольшим лет, бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Восхищения. Дочь Рэйфорда, жена Бизона, мать Кенни Брюса пятнадцати месяцев от роду. Заведует управлением делами Международного общества взаимопомощи, подпольной сети верных. Один из первых членов отряда Скорби. Скрывается в убежище в Сан-Диего.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет, бывший ученый теолог-иудаист и израильский политический деятель. Открыто выступил по телевидению с заявлением, что считает Иисуса Мессией. Его жена и двое детей-подростков были после этого убиты. Бежал в США. Духовный лидер и наставник отряда Скорби. Находится в Петре вместе с Остатком еврейского народа.

Доктор Хаим Розенцвейг, около семидесяти лет. Израильский ботаник и политический деятель, лауреат Нобелевской премии. Бывшая «Персона года» по версии журнала «Глобал уикли». Убийца Карпати. Скрывается под псевдонимом Михей, предводитель Остатка еврейского народа в Петре.

Лия Роуз, около сорока лет, бывшая старшая сиделка Мемориального госпиталя Артура Янга, Палатин, Иллинойс.

Аль Б. (Альби), около пятидесяти лет, уроженец Аль-Басры к северу от Кувейта, пилот, бывший международный контрабандист. Оперативный псевдоним — и.о. командующего МС Маркус Эльбаз раскрыт. Находится в подземном убежище в Аль-Басре.

Мак МакКаллам, за пятьдесят. Пилот Карпати. Считается погибшим в авиакатастрофе. Находится в подземном убежище в Аль-Басре.

Абдулла Смит, тридцать с небольшим лет. Бывший иорданский летчик-истребитель, второй пилот «Феникса-216». Считается погибшим в авиакатастрофе, находится на задании в Петре.

Ханна Пэйлмун, около тридцати лет, медсестра МС, считается погибшей в авиакатастрофе. Скрывается под именем служащей МС. Находится в подземном убежище в штате Иллинойс.

Минь Той, двадцати с небольшим лет, вдова. Бывшая охранница бельгийского женского реабилитационного центра. В самовольной отлучке из сил МС. Скрывается в убежище в Сан-Диего.

Чань Вонг, семнадцать лет. Брат Минь Той, агент отряда Скорби в штаб-квартире Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Густав Цукермандель-младший (Зик или просто Зи), двадцать с небольшим лет, специалист по подделке документов. Скрывается в убежище в штате Висконсин.

Ри Ву, около двадцати пяти лет, пилот Общества взаимопомощи. Находится в подземном убежище в Сан-Диего.

Лайонел Уолум, сильно за сорок, бизнесмен, пилот Общества взаимопомощи. Находится в убежище в штате Иллинойс.

Георгиана Ставрос, шестнадцать лет. Сбежала из центра внедрения лояльности в Птолемаиде, в Греции, при помощи Бизона и Альби. Схвачена силами МС. Где она находится и что с ней — неизвестно.

Джордж Себастиан, примерно двадцать пять лет. Бывший пилот военного вертолета на базе ВВС США в Сан-Диего. Находится в убежище отряда Скорби в Сан-Диего.

В р а г и

Николае Джетти Карпати, примерно тридцать пять лет. Бывший президент Румынии, бывший Генеральный секретарь ООН, самоназначенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме, воскрес в дворцовом комплексе МС в Новом Вавилоне.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим. Бывший верховный командующий и правая рука Карпати. Ныне — достопочтеннейший отец карпатианства, провозгласивший потентата богом воскресшим. Находится во дворце МС, Новый Вавилон.

Вив Айвинз, около шестидесяти пяти лет, друг Карпати с самого рождения, агент МС. Находится во дворце МС в Новом Вавилоне.

Сухайль Акбар, сорок с небольшим лет, начальник отдела разведки и безопасности Карпати, находится во дворце МС, Новый Вавилон.

ПРОЛОГ

Из романа «Остаток»

— В первый раз за долгое время, — сказал Николае, — мы играем белыми. Водные источники со временем исцелятся, нам придется восстанавливать инфраструктуру. Давайте же начнем с того, чтобы верные нам граждане снова встали в одном строю с нами. А вот для всяких инакомыслящих на всех уровнях у нас с директором Акбаром припасены специальные сюрпризы. Мы возвращаемся к работе. Пора залечить раны и начать наносить удары нашим врагам.

* * *

Радостное настроение продержалось три дня. Затем пришел конец света. В буквальном смысле. Померкло все. Не только

солнце, но и луна, и звезды, уличные фонари, электрический свет, фары. Все, что прежде испускало свет, теперь было темным. Клавиатуры, телефоны, карманные фонари. Не осталось ничего, светящегося в темноте. Указатели аварийного выхода, кнопки тревоги и пожарной сирены — все. Абсолютная темнота.

Теперь поговорка «Собственной руки не разглядеть» стала буквальной. Все равно, какой был час — люди ничего не видели. Ни часов, ни будильников, ни огня, ни спичек, ни газовых духовок, электрогрилей. Свет не просто исчез — впечатление было такое, что самому его существованию больше не было места во Вселенной.

Люди орали от ужаса, окруженные самыми страшными кошмарами своей жизни — а им было из чего выбирать.

Они ослепли — полностью, абсолютно, совершенно, окончательно утратили способность видеть что-либо, кроме полнейшей темноты двадцать четыре часа в сутки.

Они ощупью бродили по дворцу, выбирались наружу. Они пытались нажимать каждый выключатель, на какой только натыкались или вспоминали. Они звали друг друга, чтобы понять, у них ли одних такая беда, или накрыло всех. Найти свечку! Потереть две палочки! Пошаркать по ковру, чтобы увидеть искры статического электричества! Хоть что-то сделать! Хоть что-то, чтобы получить хоть какой-то намек на свет.

Все напрасно.

Чаня так и тянуло расхохотаться. Завыть в голос. Рассказать всем и везде, что Господь снова обрушил проклятие на землю, которое поразило только тех, кто отмечен клеймом зверя. Чань — видел. Это было не так, как прежде. Он тоже не видел света. Он просто видел все как бы в сером цвете, словно кто-то приглушил свет люстры.

Он видел то, что ему было нужно, включая его компьютер, экран, часы и комнату. Еду, раковину, микроволновку — все. Более того, он мог передвигаться по дворцу на цыпочках, обходя нащупывающих себе дорогу сослуживцев.

Не прошло и нескольких часов, как случилось что-то еще более странное. Люди не умирали от голода или жажды. Вот к еде и питью они как-то находили путь. Но работать они не могли. Все разговоры были только об этой проклятой темноте. А еще они начали ощущать боль.

Зуд. Люди чесались. Расчесы начинали гореть, люди чесались еще сильнее, вопя от боли. Для некоторых боль была настолько нестерпимой, что люди падали на четвереньки, ощупывая вокруг себя пол, чтобы случайно не упасть в лестничный пролет или шахту, затем валились на пол и лежали там, корчась и скребясь.

Чем дольше это продолжалось, тем хуже становилось, люди начали проклинать Бога и кусать свой язык. Они ползали по коридорам, искали оружие, умоляли друзей или даже первых встречных прикончить их.

Многие покончили с собой. Весь дворцовый комплекс превратился в психушку, полную воплей, стонов, утробного воя. Люди были уверены, что это — конец мира.

Но это было, увы, не так. Если им хватало средств и выдержки обходиться своими силами, они просто страдали. И страдания усиливались с каждым часом. С каждым днем. Это все продолжалось и продолжалось. И в самый разгар всего этого Чаню пришла в голову самая блестящая идея во всей его жизни.

Сейчас самое лучшее время для побега. Надо связаться с Рэйфордом или Маком, с любым, кто готов и может сейчас забрать его. Все остальные члены отряда Скорби — да и все верующие в мире с печатью Господа на челе — сейчас пользуются теми же преимуществами, что и он.

Кто-то наверняка сможет пригнать сюда самолет и посадить его прямо тут, в Новом Вавилоне, а эмэсовцы побегут прятаться, не понимая, кто способен сделать такое в полной темноте. Если прибывшие будут молчать, никого из них не смогут распознать по голосу. У отряда есть реквизированное оружие и самолеты, все, что им нужно.

Если кто-нибудь заговорит с ними или попытается напасть, то у отряда Скорби есть огромное преимущество — они могут видеть. Они могут всыпать всем и каждому. Чань подумал, что за год до Явления во Славе хорошие парни наконец-то получили даже большее преимущество, чем в те дни, когда светлые часы принадлежали исключительно им.

Сейчас, пока Господь медлит, пока Он считает нужным погасить свет, все работало на руку верующим.

— Господи, — сказал Чань, — дай мне еще пару таких дней, и большего не прошу.

* * *

Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих.

Откровение 16:10—11

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впервые с момента взлета Рэйфорд Стил пожалел, что они с Абдуллой Смитом взяли на борт пассажирку.

— Не надо было нам брать ее, Смитти, — сказал он. Он бросил украдкой взгляд на Абдуллу, сидевшего за управлением.

Иорданец покачал головой:

— Извини, капитан, но решал ты. Я пытался сказать тебе, насколько она важна для Петры.

Тьма окутывала только Новый Вавилон, но видна она была с расстояния многих сотен миль. Такого зрелища Рэйфорд в жизни не видел. Когда «Гольфстрим IX» оказался над Ираком и Абдулла начал снижение, на часах было 12:00 по дворцовому времени.

Обычно грандиозные сооружения новой мировой столицы ослепительно сверкали в лучах полуденного солнца. Но теперь из Но-

вого Вавилонa вырастал и уходил в безоблачное небо столп абсолютной черноты.

Чань Вонг был агентом Рэйфорда во дворце. Положившись на заверения молодого человека, что они, в отличие от прочих, смогут видеть во тьме, Рэйфорд с Абдуллой переглянулись, и Абдулла повел самолет во тьму из белого света, отражавшегося от песка пустыни. Абдулла включил посадочные огни.

Рэйфорд прищурился.

— Садимся по приборам?

— По приборам? — сказал Абдулла. — Вряд ли, капитан. Я вполне неплохо вижу.

Рэйфорд сравнил странную тьму с красотой дня Петры. Обернулся и посмотрел на Наоми Тибериас. Он думал, что она будет испугана, но оказалось, что нет.

— Мы еще можем повернуть обратно, — сказал он. — Твой отец не особо радовался, когда мы поднимались на борт.

— Думаю, он беспокоился за вас, — ответила Наоми. — Он знает, что со мной все будет в порядке.

Эта юная компьютерная волшебница была известна своим чувством юмора и самообладанием. При старших она вела себя робко и застенчиво, пока осваивалась в их кругу, а вот потом уже начинала общаться с ними на равных. Рэйфорд знал, что она сумела быстро научить Абдуллу обращаться с компьютером и почти постоянно находилась в контакте с Чанем с того момента, как в Новом Вавилоне наступил конец света.

— Почему тьма стоит только здесь? — спросила Наоми. — Это так странно.

— Не знаю, — ответил Рэйфорд. — Пророчество гласит, что тьма охватит только престол зверя и «царство его делается мрачно». Большого мы не знаем.

С каждым своим визитом в Петру Рэйфорд видел, как Наоми набирает влияние среди Остатка народа Израиля и все большая ответственность ложится на ее плечи. Она рано проявила себя как вундеркинд в области техники. Обучая других, Наоми фактически стала главой большого компьютерного центра. Быстро поднявшись от должности девочки на подхвате до руководителя, она стала, наконец, учителем учителей.

Центр был спроектирован предшественником Чаня, покойным Давидом Хассидом. Теперь он стал узлом, соединяющим Петру более чем с миллиардом человек ежедневно. Тысячи компьютеров позволяли наставникам связываться с мировой интернет-аудиторией Циона Бен-Иегуды. Наоми лично координировала связь между Чанем в Новом Вавилоне и членами отряда Скорби в любых точках мира.

Взять ее в полет было идеей Чаня. Поначалу Рэйфорд отверг это предложение. Ему хватило хлопот, чтобы выбить себе разрешение на полет дальностью более семидесяти пяти сотен миль от Сан-Диего до Петры. Последние пять сотен миль до Нового Вавилона за штурвалом уже должен был сидеть Абдулла. Джордж Себастиан с его военной подготовкой был бы тут больше к месту, но Рэйфорд подумал, что

здоровяку и так уже много досталось. Ему и в Сан-Диего хватало забот, и в любом случае Рэйфорд хотел приберечь Джорджа для того, что доктор Бен-Иегуда называл «битвой в великий день Господа Всемогущего». До этого момента оставалось меньше года.

МакКаллам и Альби, которые сидели в Аль-Басре — чуть дальше двух сотен миль от Нового Вавилона, — находились в боевой готовности. Но у Рэйфорда и на них были другие планы.

Дочь и зять Рэйфорда, Хлоя и Бизон Уильямс, оба горели желанием вытащить Чаня из логова врага, что было неудивительно. Однако Рэйфорду удалось убедить Бизона, что вскоре он будет необходим в Израиле. Что же до Хлои, то Международное общество взаимопомощи всегда страдало, когда не она стояла у руля. К тому же кому-то надо присматривать за маленьким Кенни.

— Чань, пока я буду в пути, собери все оборудование, которое тебе понадобится, — говорил Рэйфорд в телефон, прижимая его к уху плечом и пакуя вещи. — Мы со Смитти прилетим за тобой через пару дней.

Чань объяснил, что дело очень большое и если они привезут на подмогу Наоми, то они смогут собраться куда быстрее.

— Я не хочу ничего упустить. Она поможет мне. Я хочу сохранить возможность мониторить этот дворец из любой точки мира.

— Не беспокойся, — сказал Рэйфорд. — Скоро ты ее увидишь.

— Я не знаю, о ком вы.

— Ее отец, понимаешь ли, один из старейшин Петры.

— И что?

— Изо всей семьи остались только они вдвоем. Он очень за нее беспокоится.

— У нас очень много работы.

— Ох.

— Я не шучу, капитан Стил. Пожалуйста, привезите ее. Я ведь все равно уже видел ее на экране.

— И что скажешь?

— Я уже сказал вам. У нас очень много работы.

Наоми подалась вперед, потянув на себя спинку кресла Рэйфорда.

— Мистер Смит достаточно хорошо видит, чтобы сесть?

— Пока не уверен, — сказал Рэйфорд. — Впечатление такое, будто у нас окна стали тонированными. Посмотрим, сможешь ли ты расшевелить нашего парня.

Чань был уверен, что взлетно-посадочные полосы Нового Вавилона свободны, но по телефону он говорить не мог, опасаясь, что его подслушают. Наоми достала маленький тонкий компьютер из алюминиевой коробки и набросилась на клавиатуру.

— Избегайте полосы три левой и полосы три правой, — сказала она. — И еще

он хочет знать, какую вы выберете, чтобы ждать вас там.

Рэйфорд бросил взгляд на Абдуллу.

— Он серьезно, Наоми?

Она кивнула.

— Скажи ему, что диспетчерская закрыта, а мы о нашем прибытии сообщать вроде как не собираемся. Мы не можем видеть полосу отсюда, так что ему придется давать нам координаты и...

— Минуточку, — снова защелкала клавиатурой Наоми. — Он прикрепил все, что вам надо. — Она передала компьютер Рэйфорду и указала на вложение. — Тут голосовая активация. Просто скажите, что вам надо.

— И он узнает мой голос? — сказал Рэйфорд, изучая экран.

— Да, — отозвался компьютер.

Наоми хихикнула.

— Пожалуйста, открой вложение, — сказал Рэйфорд.

Появилась подробная сетка с видом летного поля Нового Вавилона.

— Сейчас задам тебе координаты, — сказал Рэйфорд, запуская программу для системы управления полетом.

— Эта система может сделать все, кроме обеда, капитан Стил, — сказала Наоми. — У вас есть инфракрасный порт?

— Думаю, да. У нас он есть, Смитти?

Абдулла показал на точку на панели управления.

— Ага, — сказала Наоми. — Пустите меня. — Она перегнулась через плечо Рэйфорда и

направила туда заднюю панель компьютера. — Готовы к посадке, капитан? — сказала она.

— Готов.

— Запускайте очередность посадки, — сказала она и нажала кнопку.

— Выбор полосы? — спросил компьютер.

Наоми посмотрела на Рэйфорда, тот — на Абдуллу.

— А он что, и мой акцент разбирает? — сказал иорданец.

— Да, — ответил компьютер. — Полосы три левая и правая перегружены. Пожалуй-ста, выберите полосы одиннадцать или шестнадцать.

— Одиннадцать, — сказал Абдулла.

— Правая или левая? — спросил компьютер.

— Левая, — ответил Абдулла. — Почему бы нет?

Абдулла запустил забытый автопилот и убрал руки от пульта управления.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответил компьютер.

Через шесть минут «гольфстрим» приземлился.

Ровно в девять утра в Сан-Диего Бизон резко проснулся и сел в постели.

Хлоя пошевелилась.

— Поспи еще, милый, — сказала она. — Ты три ночи подряд дежурил. Сегодня спи.

Он поднял руку.

— Тебе надо поспать, Бизон.

— Мне показалось, я что-то услышал.

Зачирикала маленькая рация на ночном столике. Контрольный код Себастиана. Бизон схватил рацию:

— Слушаю, Джордж.

— Детектор движения, — прошептал Себастиан.

Теперь села и Хлоя.

— Я проверю перископ, — сказал Бизон.

— Только осторожно, — сказал Себастиан. — Не поднимай его и не вращай.

— Понял. Остальные знают?

— Нет.

— Принято.

Хлоя уже встала с постели и натянула трикотажную рубашку. Она открыла шкафчик, достала оттуда два «узи» и бросила один Бизону, направлявшемуся к перископу, установленному рядом с маленькой комнаткой Кенни. Он положил автомат на пол, сунул в карман пижамных штанов рацию и нагнулся посмотреть в перископ. Когда его глаза привыкли к темноте, он услышал, как Хлоя открыла и закрыла дверь в комнату Кенни. Ему шел уже четвертый год, и он спал хотя и дольше, чем обычно, но уже не так крепко.

— Спит? — прошептал Бизон, не отрываясь от перископа.

— Как младенец, — ответила Хлоя, небрасывая Бизону на плечи свитер. — Тебе бы так.

— Если бы я мог, — ответил тот.

— Да уж. — Она положила ладони ему на плечи. — Что-нибудь видно?

— Ничего. Джордж считает, что я не должен двигать перископ. Он направлен на запад на уровне земли. Очень хотелось бы поднять его на шесть дюймов и повернуть на триста шестьдесят градусов.

— Он прав, малыш, — сказала она. — Ты же знаешь, что он жужжит, когда двигается. Любой, кто снаружи, услышит.

— Не думаю, чтобы там кто-то был, — сказал Бизон, отрываясь от перископа и протирая глаза.

Она вздохнула.

— Стул дать?

Он кивнул и вернулся к перископу.

— Может, там животное. Или просто ветер.

Хлоя пододвинула ему под колени стул и усадила его.

— Вот потому и дай мне...

— О нет, — сказал он.

— Что там?

Он поднес к губам палец и вытащил рацию.

— Джордж, — прошептал он. — Шесть, семь, восемь, девять эмэсовцев в форме и с оружием идут точно на запад.

— Что делают?

— Ничего особенного. Пинают вентиляционные отверстия. Вид усталый. Может, что-то привлекло их внимание по дороге.

— Машины?

— Мне придется поднять и повернуть перископ.

— Нет. Что еще?

— Под этим углом не видно. Больше никто не проходил. Теперь на виду только трое.

— Прислушайся — нет ли звука моторов. Бизон несколько мгновений помолчал.

— Да, одна машина есть, — сказал он. — И еще одна.

— Я их слышу, — сказал Джордж. — Видимо, уезжают. Могу я выйти?

— Скажи ему, чтобы не высовывался, — прошептала Хлоя.

* * *

Сквозь стекло кабины Рэйфорд видел на фоне странного пейзажа цвета сепии некоторых служащих дворца. Казалось, они корчатся в муках. Чань сообщал им прежде, что тут все извиваются и стонут, но вой реактивного двигателя откровенно напугал их. Они, наверное, подумали, что машина вот-вот разобьется, как и те, что загромождали посадочные полосы номер 3, правую и левую.

Похоже было, что люди даже перестали пытаться что-нибудь увидеть. Все, кто был вблизи «Гольфстрима IX», старались во мраке убраться подальше, спотыкались, падали или просто лежали на земле.

— Наверное, это Чань, — сказал Рэйфорд, показывая на хрупкого азиата, который бежал к ним и размахивал руками, прося открыть дверь.

— Позвольте мне, мисс Наоми, — сказал Абдулла. Он отстегнул ремень и обошел ее сзади. Открыв дверь и спустив трап, Рэйфорд увидел, что Чань обернулся к группке мужчин и женщин в темных комбинезонах, которые ощупью шли следом за ним.

— Не приближайтесь! — крикнул он. — Опасность! Горячие двигатели! Утечка топлива!

Они бросились прочь и разбежались во все стороны.

— Как он вообще сел? — крикнул кто-то.

— Да чудом! — ответил другой.

— Вы не забыли обувь на резиновой подошве? — сказал Чань, протягивая им руки, чтобы помочь выйти из самолета.

— Рад познакомиться, мистер Вонг, — сказал Абдулла.

Чань жестом показал ему говорить потише.

— Они слепые, — прошептал он, — но не глухие.

— Чань, — начал было Рэйфорд, но юноша застенчиво поздоровался с Наоми. — Ладно, вы двое познакомитесь как следует, когда вернетесь. Давай сделаем, что требуется, и уберемся отсюда.

— Мне переодеться? — спросил Бизон, увидев Себастиана в форме.

— Не-а. Я всегда ношу это, когда дежурю. Дай-ка посмотрю. — Он выглянул в пе-

рископ. — Ничего. Давай поднимем и поворачиваем. А, Бизон?

— Пожалуйста.

— Чисто. Ложная тревога.

Хлоя фыркнула.

— Не надо меня успокаивать. Тут прошли как минимум девять эмэсовцев, и, насколько мы знаем, их было больше, и они вернутся.

— Слушай, — сказал Себастиан, — ну почему ты предполагаешь не лучшее, а худшее?

— Может, я такая, — сказала она. — Присцилла и Бет Энн все это проспали?

Он кивнул.

— Я, может, даже и не скажу ничего Присс, потому я был бы весьма благодарен...

— ...если я тоже промолчу? Здравая мысль, Джордж. Пусть малышка живет себе, не зная, что пора уносить ноги, — сказала Хлоя.

— Уносить ноги? — сказал Бизон. — Даже думать об этом не хочу.

— Значит, будем сидеть тут и ждать, пока они нас найдут. Может, они уже нас обнаружили?

— Хлоя, послушай, — начал Бизон. — Надо было мне дать тебе посмотреть на этих типов. Они ничего не заподозрили. Вероятно, они рассуждали насчет того, как тут вообще могла быть военная база. Они не держались настороже, они даже по сторонам толком не смотрели. Они просто увидели вентиляционные выходы и проверили их, вот и все.

Хлоя покачала головой и опустилась на стул.

— Ненавижу такую жизнь.

— Я тоже — сказал Себастиан. — Но какой у нас выбор? Вчера в развалинах Лос-Анджелеса эмэсовцы нашли группу людей без клейма зверя. Казнено более двадцати человек.

— Верующие? — ахнула Хлоя.

— Вряд ли. Обычно они сообщают, если это иегудайты. Мне показалось, что они уклонисты. Как-то так.

— Это люди, до которых мы пытаемся достучаться, — сказала Хлоя. — Мы сидим на заднице, боимся нос высунуть, растим детей, которые почти не видят солнца. Неужели нигде нет места, где эмэсовцы никогда не узнали бы о нашем существовании?

— Лучше всего в Петре, — сказал Бизон. — Они знают, кто там, но ничего поделать не могут.

— Мне эта идея начинает нравиться все больше и больше. Как бы то ни было, что нам делать в связи с тем, что только что произошло?

Бизон с Себастианом переглянулись.

— Ну же, ребята, — подбодрила Хлоя. — Вы считаете, что Присцилла не знает, что вы уходили, и не станет спрашивать, где вы были?

— Она знает, что я на дежурстве.

— Но ты сюда не приходишь, если все в порядке.

— Надеюсь, что она все проспала.

Хлоя встала и подошла к Бизону.

— Понимаешь, я же не занудствую. Бизон, ну скажи ему!

— Хлоя Стил Уильямс не занудствует, — заявил он.

— Ладно, — пробормотал Себастиан. — Я поверил.

Хлоя покачала головой:

— Джордж, не надо. Ты ведь знаешь, что, по мне, ты одно из лучших приобретений отряда Скорби. У тебя дар, которого нет у других, ты не раз спасал нас от беды. Но все, кто здесь живет, должны узнать о том, что вы сегодня ночью видели. Если вы ничего никому не расскажете, сделаете вид, будто бы ничего и не было, то это же не отменит факта, что нас чуть не обнаружили?

— Но ведь нас не обнаружили, Хлоя, — сказал Себастиан. — Зачем людей-то пугать?

— Да мы и так живем в страхе! Я весь день общаюсь с этими женщинами и детьми. Даже если бы у нас по головам среди ночи не шлялись шайки эмэсовцев, мы живем как суслики. Детишки дышат свежим воздухом, только если им случается проснуться до рассвета и кто-нибудь выведет их из транспортного отсека. Вам приходится выползать тайком и ехать за тридцать миль, чтобы добраться до ваших самолетов, надеясь, что никто по дороге не сядет вам на хвост. Я всего лишь говорю, что, если мы хотим защитить себя, мы должны иметь право быть наготове.

* * *

Рэйфорд подумал, что надо будет расспросить об этом явлении Циона. Что же это за тьма такая, что ее жертвы так страдают? Он слышал, что на местах катастроф — крушений поездов, землетрясений, битв — спасателей годами преследуют крики и стоны раненых. Пока они с Абдуллой и двумя молодыми людьми шли на цыпочках по широченной полосе, обходили тяжелое оборудование, проскальзывали между корчащимися в муках служащими, к нему приходило понимание, что эти люди предпочли бы умереть. И некоторые уже были мертвы. Останки двух разбившихся самолетов еще дымились, обутленные тела еще сидели в своих креслах.

Рэйфорд не мог этого вынести. Вопли пронзали его душу, и он замедлил шаг, ему очень хотелось помочь этим людям. Но что он мог сделать?

— О-о-о! Кто-нибудь! — вопила женщина средних лет. — Кто-нибудь! Помогите мне! Умоляю!

Рэйфорд остановился и уставился на нее. Она лежала на боку на бетонной площадке неподалеку от терминала. Остальные пытались заставить ее замолчать.

— Мы тут все слепые! Все не знаем, где мы! Ты что, лучше всех, что ли?

— Я есть хочу! — скулила она. — Неужели ни у кого ничего нет поесть?

— Мы все жрать хотим! Заткнись!

— Я не хочу умирать...

— А я хочу сдохнуть!

— Где потентат? Он спасет нас!

— А где ты последний раз видела потентата? У него свои дела.

Рэйфорд не мог уйти. Он посмотрел вперед, но даже он видел не дальше двадцати футов, и остальных он уже потерял из виду. Позвонил Абдулла.

— Я не могу называть тебя по имени, капитан, но ты должен идти.

— Друг, я не могу.

— К самолету вернуться можешь?

— Да.

— Тогда встретимся там.

Абдулла закончил разговор, но даже их приглушенная беседа вызвала какофонию мучительных стонов. Кто-то крикнул:

— Кто здесь?

— Куда он идет?

— Ты видишь?

— Что ты видишь?

Снова застонала женщина:

— Господи, Господи, спаси меня! Ниспошли мне сон!

— Ты, заткнись!

— Бог велик, Бог благ! Я благодарю Его...

— Заткните ей пасть! Если ты не можешь найти свет, так заткнись!

— Господи! Господи, спаси меня!

Рэйфорд опустился на колени рядом с ней и тронул ее за плечо. Она с воплем отпрянула от него.

— Подождите, — сказал он, снова касаясь ее.

— Ой! Больно!

— Я не хотел сделать вам больно, — тихо сказал он.

— Кто вы? — простонала она, и он увидел на ее лбу вытатуированный код Европейских Соединенных Штатов, 6. — Вы ангел?

— Нет.

— Я молила об ангеле.

— Вы молились?

— Никому не говорите, сэр, обещайте мне! Умоляю вас!

— Вы молились Богу?

— Да!

— Но у вас клеймо Карпати.

— Я отвергаю его! Я знаю истину. Я всегда знала. Я просто не хотела связываться с этим.

— Бог любил вас.

— Я знаю, но уже поздно.

— Но почему вы не попросили Его простить вас и не приняли Его дар? Он хотел спасти вас!

Она всхлипнула.

— Как вы можете здесь находиться и говорить такое?

— Я не отсюда.

— Вы мой ангел!

— Нет. Но я верующий.

— И вы можете видеть?

— Достаточно, чтобы не заблудиться.

— О, сэр, отведите меня туда, где есть еда! Отведите в терминал к автомату с закусками! Умоляю!

Рэйфорд попытался поднять ее, но она закричала так, словно тело ее охватил огонь.

— Прошу вас, не прикасайтесь ко мне!

— Извините.

— Давайте я буду держать вас за рукав. Вы видите терминал?

— Едва-едва, — сказал он. — Я могу вас туда отвести.

— Пожалуйста, сэр. — Она с трудом поднялась на ноги и осторожно ухватилась за его рукав двумя пальцами. — Помедленнее, пожалуйста. — Она семенила следом за Рэйфордом. — Сколько еще? — спросила она.

— Меньше ста ярдов.

— Не знаю, смогу ли я их пройти, — сказала она, заливаясь слезами.

— Давайте я вам чего-нибудь принесу, — сказал он. — Чего бы вам хотелось?

— Чего-нибудь! — сказала она. — Сэндвич, конфетку, воду — все, что найдется!

— Ждите здесь.

Она жалко захихикала.

— Сэр, я вижу одну черноту. Я не смогу никуда уйти.

— Я вернусь. Я найду вас.

— Я молилась, чтобы Бог спас мою душу. И когда Он это сделает, я смогу видеть. — Рэйфорд не знал, что и сказать. Она ведь сама говорила, что слишком поздно. — Сначала молилась, — сказала она. — Ибо Господь так возлюбил мир. Господь мой пастырь. О, Боже мой...

Рэйфорд направился к терминалу, ступая между страдающими. Он хотел бы помочь всем им, но понимал, что это невозможно. Какой-то

человек лежал поперек, привалившись к автоматическим дверям, и не шевелился. Рэйфорд подошел достаточно близко, чтобы его заметил фотоэлемент, и дверь открылась на несколько дюймов, толкнув человека.

— Пожалуйста, не загораживайте дверь, — сказал Рэйфорд.

Мужчина либо спал, либо был мертв.

Рэйфорд нажал посильнее, но дверь едва сдвинулась. Наконец, он поднажал плечом. Нагнулся и стал толкать ногами, напрягая мышцы. Дверь медленно повернулась и отодвинула мужчину в сторону. Он застонал.

Внутри Рэйфорд обнаружил несколько торговых автоматов, но когда он сунул руку в карман, нащаривая ники, он увидел, что автоматы давно взломаны. Достаточно много людей добрались сюда ощупью, взломали автоматы и выгребли все съедобное до крошки. Рэйфорд искал хоть что-нибудь, что еще не успели разграбить. Но попадались только пустые бутылки, жестянки и обертки.

— Кто тут бродит? — спросил кто-то. — Ты куда? Ты видишь? Свет где-нибудь есть? Что случилось? Мы все умрем? Где потентат?

Рэйфорд поспешил наружу.

— Ты куда? — крикнули ему вслед. — Возьми меня с собой!

Он нашел ту женщину лежащей ничком, зарывшись лицом в ладони.

— Я вернулся, мэм, — тихо сказал он. — Но еды нигде нет. Извините.

— О, Господи, Иисусе, помоги мне!

— Мэм. — Он тронул ее за плечо. Она вскрикнула от прикосновения, но он взял ее голову в ладони и поворачивал, пока не увидел ее пустые, незрячие, полные ужаса глаза.

— Я знала еще до того, как все исчезли, — жалко прохныкала она. — А тогда я уже знала точно. Но с каждой карой и напастью я потрясала кулаками и кляла Господа. Он пытался дотянуться до меня, но я жила своей жизнью. Я не желала ни перед кем преклоняться. Но я всегда боялась темноты, и голод был моим кошмаром. Я передумала, я хочу все вернуть...

— Но вы не можете.

— Не могу! Не могу! Я слишком долго тянула!

Рэйфорд знал о пророчестве, о том, что люди будут слишком долго отвергать Бога, и от того их сердца ожесточатся, и они не смогут обратиться к Нему, даже если захотят. Но хотя Рэйфорд это и знал, понять все равно не мог. И уж точно это ему не нравилось. Он никак не мог связать происходящее с тем Богом, которого он знал, Богом любящим, милосердным, который прокладывал пути в Небеса, чтобы каждый мог прийти к Нему, а не наоборот.

Рэйфорд встал и ощутил, как кровь отлила от головы. И тут он услышал громкоговоритель.

— Говорит ваш потентат! — слышался громовой голос. — Не падайте духом. Не бойтесь. Ваши мучения почти окончились. Иди-

те на звук моего голоса к ближайшей вышке громкоговорителя. Там вы получите еду и воду, а также дальнейшие инструкции.

* * *

— Заключим соглашение, — сказала Хлоя. — Я простою остаток вахты, а ты согласишься утром рассказать всем, что ночью у нас были гости.

Бизон глянул на Джорджа, который показал на него пальцем.

— Пока твоего тестя нет, тут начальник ты, парень.

— Только по старшинству. В военном отношении я полагаюсь на тебя.

— Сейчас не сражение. Это, извини, связь с общественностью. Хочешь совета? Я скажу — честно будет рассказать людям, что ночью мы тут видели рыскавших эмэсовцев, но насколько мы знаем, пока беспокоиться не о чем. Ну как, Хло? — спросил Бизон.

Она кивнула.

— Я бы лучше помолилась и раздала боеприпасы, но — согласна. Обращайся со всеми как со взрослыми, и ты всех застроишь.

— Если ты действительно хочешь отстоять стражу, Хлоя, — сказал Себастиан, — то я пошел домой, и рацию я отключу.

— Идет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тот, кто додумался до способа организовать панически перепуганных людей Нового Вавилона, счел, что, передавая музыку через динамики, он сумеет собрать их к вышкам с громкоговорителями.

Правая рука Николае Карпати, Леон Фортунато, вел утешительные речи:

— Идите осторожно, верноподданные. Помогайте друг другу. Избегайте опасности!

Фоном к его речам была запись гимна «Слава Карпати» в исполнении полутысячного хора:

Славься, о Карпати, наш воскресший царь,
Славься, о Карпати, господь и государь.
Вечно мы будем славить тебя,
В жизни и смерти тебя любя,
Славься, о Карпати, наш воскресший царь.

Рэйфорд ненавидел эту песню. Со стороны мировой системы вещания было просто адской жестокостью крутить ее как минимум по два часа подряд. Карпати настаивал на исполнении этого гимна каждый раз при его появлении на людях. Все постановочные парады и массовые собрания всегда начинались и завершались исполнением этого гимна.

Но на сей раз творилось что-то странное. Хотя люди медленно поднимались и, преодолевая муки, пробирались на звук, никто не пел.

— Помните, — вещал Фортунато придавленным голосом, поскольку сам корчился в муках, — что те, кто обслуживает вас, несут вам воду и еду, тоже идут на звук к местам сбора. Будьте терпеливы и пропускайте ручные тележки. Если мы будем действовать заодно, всем хватит еды и воды. Теперь же пойте вместе с хором. Так вы почтите образ верховного потентата, хотя и незримый ныне.

Находившиеся по соседству с Рэйфордом люди не особенно возрадовались.

— Не буду я петь! — пробурчал один. — Пусть потентат сдохнет!

— Ты за языком-то следи, — сказал другой. — Тебя же пристрелят.

— Да Карпати сам ни фиги не видит! Он не знает, кто это говорит.

— Он не простой смертный. Не дразни судьбу.

— А что он для тебя в последнее время сделал, а?

Служащим дворца, как предположил Рэйфорд, было легче. Они, по крайней мере, могли ощупью добраться до знакомых мест, то есть к душу, кроватям и холодильникам. А из тех, кто находился снаружи, многие вообще не могли найти вход. Рэйфорд мог только предполагать степень хаоса при полном отсутствии света. Даже снизившаяся видимость уже доставляла достаточно неудобств.

— Здесь есть двенадцать вышек с громкоговорителями, — говорил Фортунато. Во время его речи музыка, слава богу, становилась тише. — Когда припасы подвезут, по возможности сохраняйте порядок. Назовите свое имя, чтобы служащие могли его записать на аудиодиск, и получите вашу порцию воды и еды.

— А мы еще ответов хотим! — заорал кто-то, словно бы Фортунато мог его услышать. — Что это такое? Это надолго? Почему это так больно?

* * *

Хлоя знала, как утром отреагирует на новую угрозу Минь Той. Они с Ри Ву сразу же захотят пожениться. Все, кроме Хлои, старались их отговорить, но Минь уже все распланировала. Она хотела, чтобы Цион Бен-Иегуда совершил обряд бракосочетания из Петры по видеосвязи.

— Я понимаю, что будет слишком большой наглостью просить об этом такого занятого человека, — доверительно говорила она Хлое. — Но я составила церемонию так, чтобы она заняла всего несколько минут.

— Думаю, он это сделает, — сказала ей Хлоя. — На его месте я бы сделала.

Те же самые люди, которые отговаривали Минь и Ри от брака с учетом всего, что им предстояло, судя по пророчествам, в свое время не советовали Хлое и Бизону заводить детей во времена Скорбей. Но с сердцем не поспоришь. Хлоя представить себе не могла, чтобы не выйти замуж за Бизона, хотя и понимала, как недолго им осталось. И не могла представить себе жизнь без их драгоценного малыша.

Если Ри и Минь хотят прожить оставшийся им год до Второго Пришествия в браке, то это их личное дело. Они прекрасно осознавали все грядущие тяготы. Заводить семью в этот момент — совсем другое дело, конечно, но Хлоя понимала, что и это тоже не ее дело, разве что Минь решит посоветоваться с ней.

Казалось, Бизон заснул за считанные секунды. Наверное, Джордж был прав, и его жена проспала все события у них в комнатах. Присцилла была одним из самых занятых людей в доме, она всегда вставала до зари и редко чувствовала себя хорошо. Она часто валилась с ног сразу после ужина и уже в девять, как правило, ложилась в постель.

Хлоя была рада постоять на дежурстве, хотя бы ради того, чтобы избавить Бизона

от бодрствования четвертую ночь подряд. Ей нравилась эта обыденная работа — следить за детектором движения, осматривать окрестности в перископ. Ее дневная работа была лихорадочной и выматывающей, она почти постоянно сидела за компьютером, связывалась с людьми и координировала отправку и доставку материалов и провизии по всему миру.

Так она еще была и в курсе новостей, только вот новости были все хуже и хуже. эмэсовцы раскрывали все больше ее людей, их ловили во время ночных рейдов, перехватывали на внезапных блокпостах. Как только выяснялось, что у этих людей нет клейма верности Карпати, их казнили на месте.

Один из очевидцев сообщал, что водитель трейлера общества взаимопомощи, ехавший с грузом распечаток бизоновской «Истины» на норвежском языке, не дал своему грузу попасть в лапы МС. Он долго отвлекал охранников на блокпосту разговорами, чтобы дать скрыться своему помощнику, а потом снял машину с тормоза, и она рухнула с высоты ста футов в глубокий фьорд. Блюстители нравственности расстреляли его на месте.

К Хлое также приходили со всего света сведения о диссидентах, по большей части евреях, которых вместо уничтожения на месте отправляли в концентрационные лагеря, где их подвергали бесчеловечным истязаниям, сознательно не доводя до смерти.

Приходили случайные сообщения о чудесном вмешательстве свыше, например о

явлении ангела возле гильотины, который предостерег нерешительных о последствиях принятия печати зверя. Принятие клейма в последний момент уже никого не спасало — нерасторопных все равно казнили, и ангел умолял нерешительных обратиться к Христу и спастись. Многие так и поступали.

Хлоя завернулась в вязаную шерстяную шаль и прошла в комнату Кенни. Он дышал глубоко и медленно, и она прикрыла его еще одним одеялом. Он не пошевелился.

Закрыв дверь, она проверила датчик движения и села перед перископом. Поскольку никого в окрестности видно не было, она смогла поднять его и прокрутить, чтобы получить полный обзор. Ей было бы больше по нраву, чтобы устройство находилось посередине ее дома. Это удовлетворило бы ее внутреннее стремление защитить — контролировать, пошутил бы Бизон, — ее друзей и близких, тех двести с лишним человек, которые ныне скрывались в подполье в Сан-Диего. Все они надеялись дожить до Явления во Славе, но еще больше им хотелось хоть как-то отвлечься от жизни в их переполненном муравейнике.

Уникальным свойством этого перископа было то, что наблюдателю не нужно было перемещаться, когда двигался сам перископ. Простая кнопка на рукоятке поднимала и опускала устройство, а также позволяла сканировать окружность во всех направлениях. Хлоя не хотела думать о серии зеркал, которые требовались для этого.

Припав лбом к окуляру и расслабившись, чтобы дать глазам привыкнуть к внешней темноте, она заметила, что Джордж Себастиан оставил перископ на уровне земли, направленным на запад. Верхние линзы были прикрыты кустарником. Перископ можно было поднять на пять футов, но сначала надо было сделать круговой обзор на уровне земли, чтобы удостовериться, что никто не следит.

Сканирование можно было провести одним плавным движением, буквально при любой скорости, но, конечно, все члены отряда в Сан-Диего знали, что чем медленнее, тем лучше, к тому же так проще для глаз и чувства равновесия. Хлоя, однако, решила передвигать механизм на дюйм зараз. С каждым движением крохотного красного рычажка на левой рукоятке очередной поворот на дюйм давал новый вид с поворотом на 45 градусов, таким образом она получала обзор на 360 градусов за девять этапов.

Не увидев ничего подозрительного на западе, Хлоя начала обзор в правую сторону. В Калифорнии только что пробило три часа утра.

Рэйфорд отошел где-то на четверть мили к северу от терминала, легко проскальзывая между мужчинами и женщинами гораздо

моложе его по возрасту, но бредшими болезненной походкой стариков.

— Желая полностью вас информировать, — заявил Фортунато, — мы хотим принести вам радостную весть. Хотя в Новом Вавилоне действительно нет света, этот загадочный феномен не повлиял на телефон или радио. Наши системы кондиционирования продолжают функционировать. Даже ваши микроволновые печи работают, если только они не на солнечной энергии. Электрические и газовые плиты по-прежнему будут работать, хотя вы не увидите этого, так что будьте чрезвычайно осторожны.

Пилоты, летевшие в Новый Вавилон или из него в момент наступления тьмы, сообщают, что тьма сосредоточена только в пределах города. Поскольку мы не знаем, сколько она простоит, будьте уверены, что если вы сумеете двигаться по маршруту, который выведет вас за пределы города, вы в конце концов выйдете на свет.

Отовсюду Рэйфорд слышал, как страдальцы пытаются определиться, куда идти.

— Я ухожу, — сказал кто-то.

— И я тоже. Не знаю куда и как, но я хочу выбраться на свет.

— А ни у кого нет компаса с системой Брайля? Мы без него кругами ходить будем.

— Внимание, — снова послышался голос Фортунато. — Все верховное командование должно собраться в кабинете потентата к трем часам.

Рэйфорд посмотрел на часы.

«Четверть второго. Как они смогут отслеживать время?»

— Пользуйтесь аудиочасами, — говорил Фортунато. — Сейчас 13:15. В 14:30 мы включим все громкоговорители, за исключением тех, которые находятся у западного входа во дворец. Идите на звук, и вы сумеете попасть на совещание. Лифты действуют. Нижняя правая кнопка — верхний этаж. Присутствие обязательно, но касается только командного состава.

— Я все равно ухожу, — сказал кто-то,

— И я тоже. Хочу разобраться до конца.

— Выяснить, в чем дело.

— Он же бог воплощенный, почему он ничего сделать не может?

Рэйфорд заморгал, затем моргнул еще раз. Вдалеке он увидел свет. Он уходил все дальше от самолета и того места, где были Чань, Наоми и Абдулла, но если все будет еще хуже, он сможет пойти за командным составом до входа во дворец в два тридцать и разыскать своих уже оттуда. Пока же он хотел понять, что это за свет.

Хлоя уже четыре раза повернула перископ, и теперь он смотрел точно на восток. Изучая темный пейзаж, она заметила пару искорок света. Она затаила дыхание, когда они стали больше. Что бы там ни было, они

приближались. Вскоре стало понятно, что это машина или грузовик. Она остановилась где-то на расстоянии квартала от их убежища, и развернулась. Теперь Хлоя видела только красные габаритные огни. Машина простояла десять минут, потом еще пять.

Хлоя торопливо сканировала оставшееся пространство. Ничего. Еще щелчок, и она снова смотрела на восток, на стоящую машину. Ради этого она ни за что не будет будить Бизона. Похоже, никто в убежище не ждал машин снаружи. Но в округе больше ничего особенного и не было, и уж точно ничего такого, ради чего можно было остановиться здесь в столь поздний час.

Хлоя жалела, что перископ не имеет функций телескопа, чтобы можно было приблизить изображение машины и посмотреть, не выходит ли кто из нее. Замаскированный автомобильный выезд из убежища открывался только по ночам, когда люди в точности были уверены, что вокруг никого нет, и выходил он как раз к востоку. Может, пойти туда и посмотреть получше? Рядом с большой дверью находилась маленькая, служебная, откуда она сможет выглянуть, если выключить внутреннее освещение. И вообще, она же не собирается на самом деле вылезать наружу?

Хлоя достала из шкафа черный пуловер с капюшоном и натянула поверх пижамных штанов и трикотажной рубашки. Поверх толстых шерстяных носков она надела высокие туристические ботинки и туго зашнурова-

ла их. Взяла «узи», но рацию оставила. А то вдруг еще в самый неподходящий момент работает. Кроме того, она не собиралась ввязываться в такую ситуацию, когда придется звать на помощь. «Узи» она взяла только для душевного спокойствия.

— Господи, прости меня или помоги мне! — взмолилась она.

Она снова тихо открыла дверь в комнатку Кенни. Он так и не пошевелился. Она коснулась его щеки. Влажная ото сна, но успокаивающе теплая. Она поцеловала его в лоб. Холодный и гладкий.

Прикрыв дверь, она подошла к спящему Бизону, оперлась коленом на матрас, и наклонилась, чтобы поцеловать его. Она взяла его голову в руки. Если бы он не спал так глубоко, она разбудила бы его. В темноте Хлою поразил контраст между ее темной одеждой и бледной кожей, которая почти не видела солнца.

Хлоя нашла перчатки и лыжную маску, и к тому времени, когда она оказалась в коридоре, выводившем из подземного жилища к выезду, ей уже стало жарко. Их жилье было в середине комплекса, еще четыре крыла вели к жилищам остальных. Она прокралась мимо дверей Себастианов, других трех семей, комнат одиночек — включая комнату Ри Ву и его отца, — мимо еще двух семейных комнат и идущих попеременно семейных и одиночных, включая комнату Минь.

Все знали, что сегодня на дежурстве Большой Джордж и что его первым сменщиком

является Бизон Уильямс, который замещает Рэйфорда в его отсутствие. Наверное, потому все так крепко спали.

* * *

Рэйфорд выбрался из идущей ощупью толпы и пошел на свет. Может, это игра его воображения? На расстоянии двадцати футов все равно уже ничего не возможно было разглядеть, и люди вокруг него вообще вряд ли что видели, не говоря уже о том, что видел он сам. Чем ближе он подходил, тем больше этот свет походил на светящийся силуэт, но больше ничего он рассмотреть не мог. Он прикинул, что это существо должно находиться примерно в пятидесяти ярдах от него. Когда он еще служил во дворце и жил неподалеку, в этом районе находились гаражи и машинный парк.

Возможно ли, чтобы кто-то нашел способ зажечь свет? Рэйфорд миновал несколько группок шатающихся людей, и теперь уже никто не стоял между ним и... чем? Призраком? На расстоянии он казался просто ярким пятном, но по мере приближения цвет ауры становился более определенным. Сначала он был красным, затем желтоватым и, наконец, ярко-оранжевым. Да, действительно, мужчина, высокий и гибкий. И он двигался.

Остальные, находившиеся в нескольких футах от него, делали что-то с машинами в ауре его света. Их тоже терзала боль, как

и остальных, но они работали торопливо, словно свет, исходящий от этого человека, придавал им сил. Плавающий человек видел на расстоянии своего свечения, то есть около трех футов. Всем, кому был нужен свет, приходилось держаться близко к нему.

Рэйфорд узнал Карпати. Доктор Бен-Иегуда часто рассказывал, что одно и то же существо в первый раз явилось в виде лживого змея, потом в образе льва рыкающего, а под конец в виде ангела света. Рэйфорд подавил смешок. Дьявол, живший в теле Николае Карпати, явно хотел бы излучать нечто большее, чем этот жалкий свет, который позволял ему видеть лишь тех, кто находился всего в нескольких футах от него.

Рэйфорд медленно продвигался, пока не оказался в небольшой толпе прямо вокруг механиков, пытавшихся подготовить несколько машин для какой-то цели, пока ему не известной.

— Все системы работают? — спросил Карпати.

— Да, потентат. Этот джип на ходу.

— Включи фары.

Механик повиновался.

— Слышно, как работает электросистема, значит, горючее подается, ваше святейшество, но как вы видите...

— Мы все видим или не видим, — сказал Карпати, — отсутствие света. Ладно, если мне придется, я пойду впереди конвоя, пока мы не выедем из тьмы к Аль-Хилле. Мне все равно, сколько времени это займет.

Что он задумал? Значит, верхушка соберется в кабинете Карпати и затем он поведет их к Аль-Хилле? Зачем? И что будет с тысячами людей, оставшимися в Новом Вавилоне? Они пойдут следом, желая избавиться от напасти?

— А что в Аль-Хилле? — спросил Рэйфорд.

— Кто это спросил? — отозвался Карпати. — И почему ты не обращаешься ко мне, как полагается, по титулу?

Николае смотрел в сторону Рэйфорда, но было очевидно, что он видит не дальше, чем все, кто находился в его адской ауре. Когда Николае шагнул вперед, Рэйфорд подался назад и влево, затем зашел Карпати за спину.

— Да, — сказал он, уже другим тоном, — что в Аль-Хилле, о величайший?

Николае резко обернулся, и Рэйфорд снова ускользнул.

— Я обращался к тому, кто первым задал вопрос! Кто спрашивает?

— Наверное, убежал от страха, — сказал Рэйфорд низким голосом, — ваше величайшество.

«Может выйти забавно», — подумал он.

* * *

Хлоя знала, что в длинных туннелях, ведущих в гаражи, почти всегда холодно и сыро, и, наверное, сейчас там точно так же. Но она

была тепло одета, да еще в возбужденном состоянии, так что быстро спускаясь по пандусу к машинам, где в цокольном этаже открывались двери, она чересчур разгорячилась. Это было неприятно. Она стянула перчатки и сняла маску, напоминая себе, что надеть их надо в любом случае. Хлоя расстегнула молнию на джемпере, затем села на корточки, привалившись спиной к грязной стене между выездом и служебной дверью, чтобы остыть и перевести дыхание.

То, что она сейчас была так близко к поверхности и открытому пространству, давало Хлое чудесное ощущение свободы.

«До настоящей свободы остался какой-то год».

Вскоре у нее заныли колени, она соскользнула на земляной пол и вытянула ноги. Положив автомат рядом с собой, она потянулась к носкам ботинок, вытягивая то правую, то левую руку. Несмотря на многочисленные травмы, она гордилась тем, что миссия в Греции показала: она еще в отличной форме. Она снова застегнула молнию джемпера, надела маску, капюшон, натянула перчатки, перекинула через голову ремень «узи», чтобы он был у нее под правой рукой, затем встала и повернулась к служебной двери.

Дверь гаража нельзя было приоткрыть — только открыть полностью. Тут либо пан, либо пропал. Маскирующие дверь песок, земля и трава сдвигались сразу же, и дверь могла либо полностью открываться, либо быть закрытой. Но служебную дверь, хотя она была

закамуфлирована точно так же, можно было открыть медленно и на такую ширину, на которую требовалось. Она выключила освещение и схватилась за дверную ручку.

* * *

Рэйфорд поспешил к дворцу. Он хотел проверить, как там остальные, и рассказать им о своем плане. Он пережил столько необычного за последние шесть лет, что даже представить трудно, и хотя те, другие события были гораздо более грандиозными, громкими и ошеломляющими, это событие было особенным. Несчастные люди! Да, конечно, они сделали свой выбор, и у них была прежде возможность обратиться к Богу. Но какова расплата!

Они страдали. Куда бы он ни шел, все больше людей оказывалось в его двадцатифутовой области видимости. Многие были мертвы. Еще больше сидели, раскачиваясь и подвывая. Все уже бросили попытки рассмотреть хоть что-то в этой тьме. Те, кто пытался идти на музыку или голос Фортунато, хромали или волочили ноги, растопырив руки, нащупывая то один, то другой путь, словно пьяные или больные. Они наталкивались друг на друга, налетали на стены, спотыкались на кучах мусора. Некоторые выдыхались, останавливались и падали. Рэйфорд очень хотел бы им помочь, но он ничего не мог сделать.

По дороге к комнате Чаня Рэйфорду в голову вдруг пришла одна мысль, и он сменил направление. Он поднялся на лифте на верхний этаж дворца. Там на цыпочках прокрался мимо нескольких чиновников и их помощников, которые говорили по телефонам или сидели перед компьютерами, пытались диктовать послания, но не видели, достигли ли они адресата.

Все телефоны звонили совершенно одинаково.

С того времени, как Рэйфорд служил здесь, у Карпати завелась новая помощница. Чань сообщил Рэйфорду, как ее зовут. Он предположил, что именно она говорит по телефону за столом у входа в новый кабинет Карпати. Рэйфорд заметил ее взгляд, когда она услышала, как он сел на диванчик напротив нее, но он ничего не сказал, и она продолжила свой разговор.

— Не знаю, — простонала она. — Он хочет, чтобы я вела себя как ни в чем не бывало. Но я страдаю, как и остальные, мамочка. Кое-что я могу делать, когда он здесь, потому что он испускает свет, и я хоть что-то могу рассмотреть. Но он созывает совещание верхушки, они тут планируют какое-то паломничество, что ли... Нет, я не должна идти, и я не хочу идти. Он даже не говорит мне, по какому рангу и в каком порядке будет уходить начальство.

— Ой... о-о-о... не знаю даже, как описать. Спазм, наверное. Голова болит так, как никогда в жизни, и шатает...

Он говорила как американка, но поскольку она сидела к Рэйфорду спиной, он не видел номера у нее на лбу или руке.

— И еще мне словно давит на спину и плечи ужасный вес. У меня болит спина, ноги, колени. Наверное, как твой артрит. Но, мам, мне же всего тридцать шесть лет! А чувствую я себя на семьдесят пять... Да, я ем. Я ощупью нахожу дорогу в мою комнату и могу обслуживать себя, но когда я ложусь, мне хочется уснуть на сто лет. Но я не могу... Да от боли! Как ни уляжешься — все плохо! Эта тьма словно сама давит на меня и вызывает все это, и со всеми так!

Рэйфорд чуть передвинулся, и женщина замерла.

— Минутку, мама. — Она обернулась к Рэйфорду, и он увидел у нее на лбу цифру 6, что подтвердило его догадку. Соединенные Американские Штаты. — Тут есть кто-нибудь? Я могу вам помочь?

Его так и тянуло спросить насчет совещания, но пока она говорит по телефону, лучше подождать. Но он понимал, что она знает, кто конкретно остался из сильно поредевшего старшего командного состава, и его голос не будет ей знаком. Как бы поговорить с ней утешительно, как мог бы говорить Иисус. Но сейчас ей уже нельзя было помочь. Никогда Рэйфорд не чувствовал себя таким беспомощным.

— Прости, мам, — сказала она. — Теперь у меня еще и слуховые галлюцинации начались. Приближается совещание, и мне даже

думать не хочется, чего он может захотеть. Никто не сможет ничего прочесть, если только не находится в его свете, а ожидается двадцать человек... Да, двадцать... Я знаю... Да, нас осталось тридцать шесть. Представь себе. В Восхищении? Нет. Уже давно. Он не такой, как я представляла... Да во всех отношениях. Мелочный, жестокий, коварный, самовлюбленный. Клянусь, мне целый словарь понадобился бы... Нет, не могу!... Нет! Конечно, не могу! Куда мне идти? Что делать? Он знает, что мне известно, и он меня не выпустит... Нет, мне просто придется жить с этим... Я не знаю, мам. Это добром не кончится. Мне уже все равно. Смерть будет освобождением... Извини, но я в прямом смысле... Не надо, мама. Ничего такого я делать не буду... Я знаю, что ты должна. Все мы должны. Кроме дяди Грегори, насколько понимаю. Он все еще держится, да?.. Как он? Ты знаешь, что будет, если его найдут... Нет, мне не рассказывай. Не хочу знать. Если меня спросят, я смогу ответить, что не знаю. Просто скажи, что я горжусь им и пусть держится. Вы с папой будьте поосторожнее. Если обнаружат, что вы ему хоть чем-то помогаете...

Рэйфорд слышал шаги в коридоре. Было понятно, что она тоже.

— Все, мама. Всего хорошего.

Она повесила трубку и повернулась навстречу открываемой двери. Вошел высокий тощий человек примерно пятидесяти лет и уставился на Рэйфорда, открыв рот. Он показал на лоб Рэйфорда, и Рэйфорд увидел печать верующего у незнакомца на лбу.

— Чем могу помочь? — спросила помощница Карпати. — Кто здесь?

Рэйфорд поднес палец к губам и показал в коридор. Проговорил одними губами:

— Пять минут. — И мужчина захлопнул дверь и убежал.

Женщина пожала плечами.

— Спасибо, что зашли, — пробормотала она, — кто бы то ни был.

— Кто бы то ни был — ушел, — сказал Рэйфорд.

Она подпрыгнула.

— И сколько вы здесь были?

— Достаточно, чтобы услышать про дядю Грегори.

— Какая я дура! Но я ведь вас не знаю, правда?

— Нет.

— Вы не из высшего состава.

— Нет.

— С вами есть кто-нибудь?

— Нет, Кристелл.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я могу помочь вашему дяде.

— Если кому-нибудь скажете, буду отрицать все до последнего слова!

— Вы не хотите, чтобы ему помогли?

— Вы хотите обдурить меня.

— Нет. Если бы я был из МС, я бы не мог видеть, разве не так?

— А вы и не можете.

— Могу. И докажу. Вы одеты не в тон.

— И что вы мне этим доказали? Я же не вижу ничего. Я уже давно одеваюсь наугад, как и все остальные.

— Ошибся. Тогда поднимите несколько пальцев, и я скажу сколько... Три, ваша правая рука повернула ладонью ко мне, и три пальца — это мизинец, безымянный и средний.

— Откуда вы знаете?

— То есть как я смог это увидеть?

— Но вы не можете видеть!

— Тогда откуда мне знать, что сейчас вы подняли шесть пальцев, все пять на левой руке и указательный на правой, обе руки ко мне тыльной стороной? По лицу вижу, что вы начинаете мне верить. Сейчас вы спрятали руки под столом.

Кристелл поджала губы, и вид у нее был такой, словно она вот-вот разрыдается. Рэйфорд встал.

— Сидите на месте, — сказала она дрожащим голосом, зажав руки в коленях.

Рэйфорд обошел ее сзади.

— Это уже несмешно, — сказал он, она подпрыгнула и повернулась в кресле. — Теперь я снова вижу ваши руки. Они сжаты в кулаки, зажаты в коленях, большие пальцы подняты.

— Ладно, вы видите меня. Но как?

— Потому что тьма — кара Господня, а я один из тех самых.

— Вы серьезно?

— Я могу помочь вашему дяде, Кристелл.

— Но как?

— Вы имели в виду, что он до сих пор не принял клейма?

— Ну и что, если так?

— То, что для него еще не поздно. Он верит в Христа?

— Не думаю. Он просто против клейма.

— Ему повезло, если он поторопится.

— Если вы думаете, что заставите меня обманом сказать, где он прячется, то...

— Мне не нужно этого знать. И с вашей стороны было бы глупо говорить мне об этом, но вы ведь сами просили вашу мать не рассказывать вам, где он?

Она не ответила.

— Если вы правда хотите помочь ему, то пусть зарегистрируется на сайте Циона Бен-Иегуды. Запомните адрес, если я вам скажу?

— Вы думаете, я не знаю этого имени и как оно пишется?

— Извините.

— Именно с его сайта я узнала, что для меня и моих родителей уже слишком поздно, для всей моей семьи... которая так мной гордилась...

— Мне очень жаль, Кристелл.

— Жаль? А мне каково, как думаете?

— Мэм, вы же никому не скажете, что я здесь был?

— А зачем? Они все равно не видят, и что они будут делать? Ловить вас вслепую, что ли?

— Хорошее замечание.

— Что вы здесь делаете?

— Есть дело. Возможность помочь вашему дяде — бонус для меня.

— И на том спасибо. Вы иегудаит, да?

— Точнее, я верю в Христа.

— Тогда скажите мне одну вещь: что значит, что для людей, принявших клеймо Карпати, уже слишком поздно? У нас больше нет свободной воли?

У Рэйфорда перехватило горло.

— Вероятно, так, — сумел выговорить он. — Я сам не могу понять этого до конца, но вы должны признать — у вас было много возможностей сделать другой выбор.

— И в течение многих лет.

— Вы сами это сказали, Кристелл.

— Значит, мой срок истек, когда я сделала главный выбор.

— Это верно. Может, даже раньше. Кому ведомы замыслы Господни?

— Я вроде начинаю постигать.

— И как это?

— Больно. Больнее, чем тьма. Я просто слишком поздно поняла, что не стоит дразнить Господа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проблема была в том, что замаскированная служебная дверь, открытая лишь на щелочку, не давала Хлое увидеть того, что ей было нужно. Поскольку дверь выходила на восток, где всего в квартале отсюда недавно стояла подозрительная машина, то через щелку ей открывалось лишь северо-западное направление. Дверь надо было открыть градусов на сорок пять, чтобы удостовериться, что машина или грузовик до сих пор там. Осмелится ли она рискнуть и открыть дверь? А вдруг металлические части блеснут в свете уличного фонаря? Или вдруг в той машине стоит переносной датчик движения?

Хлое очень хотелось верить, что машина — добрый признак, а не дурной. Может, в ней приехала еще одна группа скрывающихся в подполье верующих, которые услышали об отряде Скорби, затаившемся на бывшей во-

енной базе? Это же просто подарок Господень будет, если они обретут новых братьев и сестер, которые станут помогать им, воодушевлять, защищать! Ведь именно Хлоя нашла в Чикаго «Плейс» с группой верующих-самоучек. С другой стороны, все ее действия, их передвижение вместе с отрядом Скорби, послужили первым шагом в раскрытии местоположения убежища. Движение теплых тел в районе, поставленном МС на карантин, заставило эмэсовцев начать разнюхивать там обстановку. Если обретение новых собратьев было заслугой Хлои, то она не могла не осознавать и своей вины в том, что они лишились прекрасного убежища.

Она не могла позволить такому повториться. Их было тут слишком много, и хотя их убежище находилось под землей, оно обладало всеми преимуществами небоскреба Стронга. С одной стороны, здесь был Джордж Себастиан, который расширил знания Хлои и всех, кто был в этом заинтересован, в области военной подготовки, курс которой провел для них Мак МакКаллам во время их миссии в Греции. Разномастное учебное снаряжение, которое Джордж и Присцилла перетаскивали с военной базы, было уже устаревшим, но Джордж все равно считал его большим благом.

— Эти новомодные машинки все равно все за вас сделают, — говорил он.

Он подновил и смазал все, что им удалось добыть, и в течение шести недель отряд Скорби посвящал немало времени самоорганизованному тренажерному залу, что-

бы держать в форме мускулатуру. Но Хлое больше всего нравились тренировки под руководством Джорджа. Многие из того, чему он учил, основывалось на здравом смысле, но многое — нет. Он сам был обучен по высшему уровню и оказался еще и замечательным наставником. Хлоя поняла, что может владеть и собой, и оружием практически в любой ситуации.

Именно эти уроки сейчас и заставляли ее ощущать в закоулках сознания мысль, что она делает большую ошибку. Она не только покинула пост, но не оставила никакого указания на то, куда она делась. Отсюда она никак не могла связаться с остальными. Так что если она намеревается открыть служебную дверь достаточно широко, чтобы увидеть потенциального противника, находящегося на расстоянии квартала или — как она понимала — прямо перед ней, придется принять непростое решение. Открыть дверь быстро, выйти наружу и закрыть за собой или держаться за ручку на случай быстрого отступления?

Она прижала ухо к двери, чтобы понять, не двигается ли там кто, но «узи» стукнул по двери, и капюшон с маской мешали слушать. Она отодвинулась, чувствуя себя полной дурой.

«Дыши глубже. Успокойся. Давай тихонько выйдем и закроем за собой дверь».

Обращение к себе самой во множественном числе давало ощущение, что она не одна, хотя она и понимала, что это самообман.

Стараясь делать широкие, тихие шаги с пятки на носок, Хлоя толкнула дверь, вышла

наружу и закрыла ее за собой. Машина еще на месте? Надо немножко подождать. Если машина на месте, то, значит, задние фонари выключены. Хлоя подошла к полосе высоких кустов, прикрывавших ее с востока, затем бесшумно повернулась, чтобы убедиться, что враг не обошел ее с фланга с другой стороны. Она подождала минутку, чтобы просто насладиться свободой простого пребывания на свежем ночном предрассветном воздухе.

Когда ее глаза привыкли к темноте, рассеиваемой только уличными фонарями, Хлоя посмотрела сквозь кусты и увидела белый эмсовский автомобиль на том самом месте, где она увидела его в перископ. Не только фары были выключены, но и мотор не работал.

Вопрос был — пуста ли машина, сколько в ней приехало бойцов и где они.

* * *

Рэйфорд быстро прокрался на цыпочках в конец коридора, где и увидел высокого мужчину, который раскачивался с пятки на носок и ломал руки.

— Английский? — сказал он с сильным немецким акцентом.

— Да. Я американец.

— Брат, брат, брат! — прошептал мужчина, порывисто стиснув Рэйфорда в объятиях. — Кто ты? Как тебя зовут? Что ты здесь делаешь?

Мужчина был крепок, словно занимался физическим трудом.

— Я хотел бы о том же спросить и тебя, друг, — ответил Рэйфорд, высвобождаясь. — Но давай поговорим там, где нас не подслушают.

— Хорошо, да, да! Куда пойдём?

— У меня тут в отдельном помещении коллеги. Тебе надо с ними встретиться. Мы сможем там поговорить.

— Не уверен, что смогу долго ждать! Я в таком восторге! Долго идти?

— Шесть этажей вниз и в противоположное крыло, — сказал Рэйфорд, ведя его к лифту.

— Ты живешь здесь? В смысле, во дворце? Ты тут работаешь?

— Да, раньше жил. — Рэйфорд огляделся по сторонам и подался поближе к мужчине. — Я живу с подпольщиками в Сан-Диего, у меня связи с Петрой. Мы хотим забрать отсюда нашего агента, пока это возможно.

— А я хотел было спросить, уж не ты ли этот агент!

— Я был одним из нескольких. Теперь остался только один, или, по крайней мере, мы так считаем. Ты отсюда?

— Я менее чем в шести милях живу, представляешь?

Возле лифтов стояли трое чиновников, слегка касаясь друг друга и нащупывая кнопки. Рэйфорд с его новым другом многозначительно переглянулись и просто зашли следом за ними в первую же кабину лифта.

— Хочу вернуться туда вовремя, — сказал один.

— Да, — сказал другой. — Если бы у меня были часы с звуковым сигналом!

— Я снял свои кварцевые. Я в свое время учился ощущать время. Проблема в том, что я постоянно цеплялся рукой черт знает за что, и, насколько я знаю, они все равно верное время не показывали. — Он легко прижал два пальца к своим часам. — Наверное, 14:50. Значит, еще десять минут.

Рэйфорд заметил, что немец сверился со своими часами и поднял брови. Лифт остановился двумя этажами ниже, и трое ощупью вышли наружу. Но когда дверь начала закрываться, спутник Рэйфорда протянул вперед руки, похлопал чиновника с часами по плечу и одновременно потер пальцем его часы. Тот на мгновение замялся, и шедший за ним следом врезался в него.

— Э? — сказал он.

— Что? — отозвался третий.

Его высокий товарищ убрал руки, как раз вовремя, чтобы двери без помехи закрылись, и когда в лифте остались только они с Рэйфордом, он разразился смехом.

— Сдается, он в последний раз верно определил время, понимаешь? Теперь я могу назвать свое имя?

— Пока нет, — сказал Рэйфорд. Затем прошептал одними губами: — Большинство лифтов и коридоров прослушивается.

* * *

Глупость это или отвага? Хлоя знала, что все зависит от точки зрения и что большинство скажет, что первое. Но ей отчаянно хотелось узнать, что это за машина, и еще больше — о тех, кто в ней приехал. Держась за деревьями, подальше от уличных фонарей, она взяла левее и прошла квартал на запад, передвигаясь бесшумно, как ее учили.

Она замедлила шаг, когда машина оказалась где-то в тридцати ярдах слева от машины, ругая себя за то, что не взяла бинокля. И рации. Она ведь могла ее отключить на время на случай внезапной передачи, зато у нее была бы возможность связаться с Бизоном или кем-нибудь еще в случае крайней необходимости.

Но пока такой необходимости не возникло. Хлоя подошла поближе, убеждая себя, что если бы кто-то оставался в машине, то мотор бы работал или пара-другая окон была бы открыта. Но мотор был отключен и окна закрыты, но она даже думать не хотела о том, чтобы подойти к машине, не зная наверняка, что там. Сначала она медленно сделала круг, чтобы удостовериться, что никто к ней не идет или что она никого не упустила. Затем она, наконец, подошла к машине и посмотрела в темное окно. Никого.

Но отсюда она не могла увидеть, нет ли никого на переднем сиденье. Если кто-то там ждет, то, скорее всего, он или она сидит за ру-

лем. Она подошла с другой стороны, пригнувшись, чтобы потом внезапно быстро встать и застать жертву врасплох, если придется.

* * *

Рэйфорд был ошеломлен все возрастающим количеством страдающих людей, наполнявших коридоры, пока они с его новым товарищем вышли из лифта и направились к комнате Чаня. Некоторые забивались в углы, плача от боли. Остальные ползли, нащупывая путь, в различные комнаты. Они подтягивались, держась за дверные ручки, вставляли, нащупывали пальцами номер прежде, чем постучать, умоляли друзей впустить их.

— Сердце разрывается, — прошептал он немцу.

— А у меня — нет, — ответил тот, — но я работаю над этим.

Рэйфорд тихонько постучал в дверь Чаня и услышал, как разговор внутри мгновенно прервался.

— Это я, — почти прошептал он. — Не беспокойтесь. Я не один.

Абдулла приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы выглянуть в щель и сунуть туда дуло «глока» 45-го калибра. Абдулла убедился в том, что перед ним Рэйфорд, и внимательно осмотрел с ног до головы его спутника. Видимо, заметив печать верующего на его лбу, Абдулла распахнул дверь.

Когда они вошли внутрь, их новый собрат все никак не мог успокоиться. Осмотрев каждого, глянув на компьютеры и стопки дисков, он спросил:

— Мне можно говорить? Здесь безопасно, да?

Чань кивнул, и, хотя возбуждение немца было через край, это не помешало ему с Наоми продолжить работу.

— Отто Везер меня зовут, — сказал он. — Я немец, лесопромышленник, я иегудайт и глава маленькой группы верующих здесь, в Новом Вавилоне.

Он обнял Абдуллу.

— Какой у нас пистолет! — смеясь, сказал Отто. Он чуть не оторвал от земли Чаня. — Гляньте-ка на нас! Мы же азиаты! А наш друг в тюрбане египтянин? — Абдулла поправил его. — А, иорданец! Я почти угадал. А я немец. Мистер Стил, у вас западное имя, вы сказали, что вы американец, но вы тоже похожи на египтянина.

— Это маскировка.

— А девушка, вы же тоже с Ближнего Востока, да? Конечно же! Но я не буду обнимать вас без позволения вашего отца.

Отто сначала показал на Рэйфорда, который покачал головой, затем на Абдуллу, у которого был обиженный вид.

— Вы достаточно взрослые, чтобы быть ее отцами, хотя она может и не быть вашей дочкой. — Он повернулся к Чаню: — Я знаю, что она не ваша, разве что вы женаты.

Наоми подошла к нему, раскинув руки.

— Моего отца здесь нет, но если разрешение должно последовать от меня, то — разрешаю!

— Ах, я так люблю молодежь, которая ценит старые фильмы!

Когда Отто узнал, кого как зовут, он сказал:

— Буду краток. Я знаю, что вы тут по делу и должны уйти. Я не знал, смогу ли найти кого из братьев и сестер во дворце, и рад, что мне так повезло. Мы с друзьями считали себя подтверждением пророчества. Хотите знать почему? Мы скрывались в Германии. По большей части просто прятались. Но сражались с эмэсовцами, когда могли, и Господь — кто еще мог бы? — привел меня к Откровению, главе 18. Я был потрясен, что еще могу сказать? Вы знаете, о чем там, а я запомнил наизусть.

Я не ученый, не теолог, но я пытался идти на шаг впереди своих людей, чтобы хоть немножко учить их. В общем, глава 18 Откровения говорит о разрушении города, вот этого самого. Начиная с четвертого стиха, где говорится: «И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ее.

Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в которой она готовила вам вино, приготовьте ей вдвое.

Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: “Сию царицею, я не вдова и не увижу горести!”

За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее».

Ну, в этом вы меня, конечно, сильнее. «Выйди из нее народ Мой». Что тут может быть непонятного, это же очевидно! Люди Божии — по крайней мере, некоторые из них — должны были еще оставаться здесь до того момента, когда все это свершилось! Кто они? Я не мог себе представить, чтобы тут были верующие, а если и были, то недолго. Как такое может быть? Если эмэсовцы и блюстители нравственности уничтожают людей по всему миру за отсутствие клейма Карпати, то какой шанс у тех, кто находится здесь?

Мы этого не знали, но хотели выяснить, и, скажу вам, наша игра в прятки с эмэсовцами в Германии затянулась. Около сорока человек наших собрали вещи и отправились сюда. Знаете, нелегкое было путешествие. Мы понимали, что тут тоже будет непросто, но знали, что, когда мы придем, все будет не так. Со времени прибытия мы потеряли шестерых наших — сначала сразу четверых, потом еще двоих — по моей вине, и я не перестану корить себя за это. Но ведь мы еще увидимся с ними, правда? Жду не дождусь.

И еще я не мог дождаться, когда падет эта самая кара тьмы. Когда она пала и мы поняли, что все, кроме нас, слепы, я понял, что хочу осмотреть этот дворец — само здание, двор, все остальное — особенно кабинет потента-та. Я не мог взять с собой никого, потому вот я сам, и на кого я еще мог наткнуться, как не на вас? Что же, если мы и правда подтверж-

дение пророчества о том, что хоть кто-то из Божиих людей должен покинуть это место до того, как все кончится, то вы — ответ на мои молитвы, если он есть. Нам нужно место, куда мы можем уйти, если нам суждено отсюда выйти, и где же мы будем чувствовать себя в большей безопасности, если не в Петре? Если у вас есть связь с Петрой, то там нам и суждено быть, если они нас примут.

— Извините, Рэйфорд, — сказал Чань, — это все очень интересно и радостно, но мне нужно показать Наоми, понимаете, внутренние системы, которые здесь построил Давид, а затем, думаю, нам надо будет двигаться.

— Хорошо, — сказал Рэйфорд, — и если с вами будет Абдулла, мне будет легче на душе. Я хочу вернуться к кабинету Карпати. Возможно, мы с Отто сумеем пробраться на большое собрание и понять, что там затевается.

— О, это прекрасно! Как я уже сказал, я и так хотел посмотреть на этот кабинет. Поэтому я там и оказался, когда вы туда пришли, но я был настолько ошеломлен, увидев человека с печатью верующего, что...

— Отто, — сказал Рэйфорд, — нам надо идти.

* * *

Хлоя присела возле пассажирской двери, выжидая, и уже почти отговорила себя от задуманного. А вдруг она встанет, и ее увидит

водитель, ожидающий своих? Положим, она на него напорется, и что она будет делать? Разоружит его? Отнимет рацию? Заставит рассказать, куда пошли его товарищи и что они намерены сделать? И к чему это приведет? Она просто выдаст подземное убежище, если только не попытается прикончить врага и сбежать, пока не придут остальные. Если, конечно, он ей правду расскажет.

Наконец, она сказала себе, что, если машина пуста, она просто сделает большой круг вокруг убежища, чтобы убедиться, что эмэсовцы не подошли близко или вот-вот подойдут, и вот тогда она пойдет за подмогой.

Хлоя сняла «узи» с предохранителя, положила палец на спусковой крючок, взяла дуло в другую руку и быстро встала.

Пусто.

И тут ее накрыло. Она и не предполагала, насколько находится под адреналином с самого момента выхода из служебной двери, но в результате сейчас она почти не могла двигаться. Она привалилась к машине, чтобы взять себя в руки. Руки и ноги были словно ватные, и если бы все ее чувства сейчас не были обострены до предела, она уронила бы голову на грудь и уснула.

Хотя она не могла отделаться от ощущения, что за ней следят — ей представлялись как минимум девять эмэсовских биноклей, направленных в ее сторону, — ей очень повезло, если учесть, насколько скоропалительным был ее план. Если это вообще можно было назвать планом. И хотя она полностью

разделяла принцип отряда Скорби — «Не полагаться на удачу», — пока трудно было приписать ее безопасность защите Господа, потому как она чувствовала себя полной дурой, очередной раз испытывающей судьбу.

Хлоя встала и начала обход по периметру. Бесшумно ступая в темноте, ощущая себя беззащитной и стараясь двигаться не быстро, но осторожно, она слышала лишь свое учащенное дыхание и шум пульсирующей крови в ушах.

Когда Рэйфорд и Отто добрались до кабинета Карпати, собрание уже началось, и отставшие выходили из дверей конференц-зала. Рэйфорд увидел зловещий ореол Карпати, но было очевидно, что один Леон Фортунато стоял достаточно близко к нему, чтобы воспользоваться этим светом.

Рэйфорд осторожно коснулся людей у входа, и они расступились, чтобы он смог протиснуться. Отто последовал за ним. Чтобы быть в безопасности, они встали в дальнем углу кабинета, подальше от Карпати. Потентат приказал Кристелл огласить список, что она и сделала практически по памяти. Когда остались три последних имени, она попросила Карпати позволения прочесть их в его свете.

— Пусть лучше просто те, кого не называли, сами назовутся, — сказал Николае.

Отто коснулся плеча Рэйфорда и прошептал одними губами, что его так и тянет назвать свое имя и посмотреть, какой переполох это произведет.

— Господа, если вы будете любезны свести свои восторги к минимуму, — начал Карпати, — то директор департамента разведки и безопасности Сухайль Акбар огласит первый вопрос повестки дня.

— Благодарю вас, ваше святейшество. Ой! Простите, но и меня тоже корчит. Ай!

— Сухайль, прекратите!

— Прошу прощения, ваше святейшество, но я не знаю, что...

— Держите себя в руках!

— Попытаюсь, господин мой. Первой нашей проблемой, дамы и господа, за исключением самой очевидной, является...

— Что может быть важнее очевидного? — сказал кто-то с индийским акцентом. — Мы должны найти решение...

— Это кто? — резко перебил Карпати. — Раман Ваджпай, это вы?

— Да, сэр, просто я хотел знать...

— Раман, я прошу вас помолчать. Как вы смеее перебивать члена моего кабинета?

— Да, сэр, но разве есть что-то важнее?..

— Важнее, чтобы вы немедленно принесли извинения за ваше оскорбление.

— Прошу прощения, потентат, но...

— Это не извинение. В момент международного кризиса я не потерплю такого нарушения субординации. Я намерен...

— Что? — выкрикнул Ваджпай. — Убить меня, как любого, кто осмеливается высказать,

что у него на душе? Да лучше мне сдохнуть, чем жить вот так! В темноте! В муках! Никакого просвета впереди! И вы еще хотите...

— А ну, подойдите, Раман! Быстро!

Индиец рванулся вперед, расталкивая всех по пути. Рэйфорд понимал, что он стремится на голос Карпати, поскольку сияния он видеть не мог.

— Я здесь, на расстоянии вытянутой руки! Ну, убей меня за то, что я посмел высказать свои мысли или покажи себя трусом!

— Сухайль, — сказал Карпати, — выведите его и убейте.

— Значит, ты и правда трус! Самому духу не хватает? Ну хоть это уважение мне окажи!

— Я просто презираю тебя, Раман. Ты опозорил себя в глазах Мирового Сообщества, и...

— Убей меня, ты, слабак!

При этих словах Карпати рванулся вперед, и, наконец, они с индийцем увидели друг друга. Остальные в ужасе слушали, как эти двое боролись. Карпати удалось схватить индийца за голову, и одним быстрым движением он сломал Ваджпаю шею. Мертвое тело упало на пол.

— Еще несогласные есть? — сказал Карпати. — Кто-нибудь еще предпочитает смерть страданиям? А? Если нет, то прошу вас, Сухайль, продолжайте. Когда закончите, уберите труп отсюда.

Каким-то образом Акбар сумел взять себя в руки и преодолеть приступы боли. Он сообщил, что неизвестный самолет призем-

лился на взлетно-посадочной полосе Нового Вавилона сегодня в полдень.

— Мы можем приписать это лишь чуду автопилотирования, — сказал он, — но мы не получили сообщений о том, что это за самолет, так что будьте предельно осторожны, потому как между нами могут оказаться вражеские агенты.

— Если мы не сможем вынудить пассажиров этого самолета идентифицировать себя, — сказал Карпати, — я лично проведу инспекцию в конце собрания.

— Понятно, — шепнул Рэйфорд Отто, — надо успеть убраться до этого момента.

Когда они начали выбираться из комнаты, Карпати сказал:

— Насколько вы знаете, я намерен окончательно решить еврейский вопрос, и если среди евреев числятся засевшие в горах иегудаиты, тем лучше. Я назначаю совещание десяти лидеров мировых регионов через шесть месяцев. Мы собираемся в Багдаде, чтобы разработать стратегию для избавления мира от врагов. А пока мы переносим наш командный центр в Аль-Хиллу, где нет тьмы. Как знают многие из вас — и если это для вас новость, то я требую соблюдения полной конфиденциальности — в Аль-Хилле находится наш большой склад ядерного оружия, добровольно переданного нам мировыми державами при условии, что я соглашусь принять мой пост. Оно очень пригодится нам на нашем последнем рывке к окончательному решению проблемы.

Пока остальной мир заодно со мной, я намерен начать накопление сил в Израиле. Все способные носить оружие военные Соединенных Карпатианских Штатов, которые еще не мобилизованы в миротворческие силы или ряды блюстителей нравственности, должны явиться в долину Изреель для боевой подготовки.

Что касается передислоцирования в Аль-Хиллу. Будьте готовы к выступлению в течение двенадцати часов. Возьмите все, что может помочь вам при переезде.

— А наши работники, наши отделы?

— Они остаются. Они не должны знать, куда мы направляемся, и не должны даже догадываться о том, что мы вообще куда-то переезжаем. Я ясно выразился?

Рэйфорд был уже в дверях. Никто не ответил Карпати.

— Все поняли?

— Да, — пробормотали несколько человек.

— Тогда возвращайтесь к своим делам. Мистер Акбар, почтенный Фортунато и я отправимся к взлетной полосе.

Рэйфорд жестом приказал Отто идти следом за ним и побежал к лифтам.

— Вызови все кабины и нажми в них все кнопки. Задержи лифты насколько можно. Я побегу по лестнице. Я понятия не имею, где мои друзья, но мне нужно оставить сообщение в комнате Чаня, если они вернутся туда. Мы должны убраться прежде, чем Карпати выяснит, что это за самолет и где мы находимся. Понял?

— Понял. Спасибо за доверие.

— Вы с нами летите? Если вы не организуете самолет...

— Нет, мы разберемся с этим попозже. Без моих людей я не полечу.

— Если вдруг тебе встретится кто из моих друзей, гони их к самолету.

Рэйфорд побежал по лестнице под вопли и стоны лежавших на лестницах людей. Они звали его, спрашивали, как он может бегать вслепую. Он не отвечал, хотя это было невыносимо.

Он спустился на первый этаж, перескакивая через лежащих и лавируя между остальными. Он выскочил из дверей и побежал к самолету. Если он сумеет завести моторы и развернуть машину, останется только надеяться и молиться, что Чань, Наоми и Абдулла уже идут сюда.

* * *

Бизон проспал глубоким сном несколько часов прежде, чем ощутил какую-то тревогу. Он резко проснулся. Ощущение вины. Позволив Хлое встать на дежурство вместо него после того, как она весь день пахала на взаимопомощь и занималась их сыном — да что он за муж после этого?

Он провел пятерней по волосам и сел.

— Как дела, малышка? — позвал он.

Наверное, она занималась Кенни. Или пошла на кухню заварить себе чаю. Он на цыпочках вышел из спальни, потянулся.

— Хлоя! — позвал он. — У тебя тут что-то на детекторе движения!

Он наклонился к перископу и быстро глянул туда. Он не видел ничего, пока не повернул перископ на юго-запад, где увидел одинокую вооруженную фигуру. Он нахмурился.

— Хлоя! — позвал он. — Позови Джорджа. У меня какой-то тип на восемь часов. Хлоя?

Он замер. Встал и направился на кухню. Там было темно. И Кенни плакал. Бизон схватил телефон по дороге в комнату Кенни и набрал номер Минь.

— Здорово, парнище, — сказал Бизон, обнаружив мальчика стоящим в кровати. Тот быстро перестал плакать и заулыбался.

— Мама?

— Сейчас придет, — сказал он. — Ложись-ка спать. Еще ночь.

Минь ответила.

— Извини, что разбудил, Минь, но у нас тут маленькое ЧП.

— Все в порядке, Бизон.

— Ты не могла бы немного посидеть с Кенни? Мне кажется, Хлоя снаружи.

— Через минуту буду.

Он поблагодарил ее и взялся за рацию:

— Джордж, ты на связи?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рэйфорд завел моторы, и самолет начал разворачиваться, вдалеке показался пылающий ореол Карпати. Потентат торопился, но ему приходилось вести за собой Сухайля Акбара и Леона Фортунато, и потому он был вынужден идти медленно, чтобы освещать им дорогу на расстоянии фута. Однако без звука моторов им будет труднее ориентироваться, потому Рэйфорд отключил двигатели и стал молиться, чтобы эта полуслепая троица сбилась с пути прежде, чем его собственное трио его отыщет.

Рэйфорд включил сотовый и позвонил в Аль-Басру Маку МакКалламу, чтобы наскоро проинформировать его о ситуации.

— Вы с Альби можете прямо сегодня отправиться в Аль-Хиллу?

— Мы сидим тут как клуши.

— Как понимаю, ответ положительный. Ты после Греции все никак не утихомиришься. Как намереваешься туда пробраться?

— При помощи натиска и обаяния и, конечно, ночью. Как понимаю, ты очень хочешь узнать, что задумывает НК и компания?

— В идеале надо бы узнать, где именно они намерены устроить заседание в Багдаде и подсадить им «жучка».

— О, конечно же! Я просто приду и скажу им, что я типа новый обслуживающий персонал, и меня пустят на несколько часов в зал заседаний перед совещанием, пока остальные не придут, ага.

— Если бы все было так просто, сам бы сделал, — ответил Рэйфорд.

— Альби знает всех. Если это надо сделать, значит, будет сделано.

Появились Чань, Абдулла и Наоми, каждый с грузом коробок и контейнеров. Наоми была бледна как мел. Рэйфорд открыл дверь и спустил трап.

— Вовремя, — сказал он.

— Мы все время шли по графику, капитан, — сказал Абдулла. — Спасибо твоему юному гению.

— Я просто похвастаться хотел, — сказал Чань, передавая груз и помогая Наоми подняться на борт. — Я хотел показать ей, как Давид расположил «жучки» по всему дворцу, чтобы мы могли в прямом смысле слушать Карпати.

— Потому вы и узнали, что он идет сюда, — сказал Рэйфорд, давая Абдулле протиснуться к креслу пилота.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом? — попросила Наоми.

В воздухе повисло неловкое молчание. Рэйфорд украдкой кинул взгляд в сторону Карпати. Бледный оранжевый силуэт теперь приближался быстрее. Наверное, он бросил Акбара и Фортунато, или их снова свалил припадок. Но Карпати, видимо, эта напасть не коснулась. Может, Господь поберегал для него что-то покруче.

Рэйфорд с Абдуллой не стали проводить формальную проверку, просто посмотрели быстро показания приборов, не разгерметизировалась ли кабина.

— Заводи мотор, — сказал Рэйфорд.

Но Абдулла просто сидел, вытянув шею, и смотрел на приближающийся горящий ореол, который все приближался к самолету.

— Ты чего ждешь, Смитти? Двигаемся!

— Минуточку, капитан. Как думаешь, насколько далеко он видит?

— Не дальше круга, который сам освещает. Теперь давай.

— Минуточку.

— Что вы делаете, мистер Смит? — крикнула Наоми. — Разве это не Карпати?

— Он не знает, куда он идет. Но я знаю.

— Как только мы стартуем, он ничего не сможет сделать, — сказал Рэйфорд. — Но я предпочел бы, чтобы он не знал, кто мы такие.

— Он не узнает, — ответил Абдулла.

Рэйфорд посмотрел через плечо Абдуллы и увидел, что Карпати торопливо прошел через полосу примерно в двадцати футах позади самолета.

— А вот теперь поехали, — сказал Абдулла, заводя моторы и сбивая оранжевое пламя наземь. Карпати покатился прочь, пока не стал похож на уголек в отдалении.

Как только они оказались в воздухе, Наоми подалась вперед.

— Я могу поговорить с вами? — сказала она.

Рэйфорд снял наушники.

— Скажите, для вас такое в порядке вещей? — спросила она.

— Теперь порядка вещей больше не существует, Наоми. Ты сама много через что прошла.

— Я никогда раньше не слышала, как убивают человека. И никогда я не проходила мимо такого количества страдающих людей, которым ничем не могла помочь. Мы в Петре живем, отгородившись от мира, и мне просто хотелось побывать в деле. Но я никогда ничего подобного не видела. Ничего, все будет в порядке. И из нашего компьютерного центра мы можем сделать больше, чем в любом другом месте, что бы я там ни воображала себе.

— Мне жаль, что тебе тяжело пришлось, — сказал Рэйфорд. — Мне тоже было нелегко. — Он рассказал ей о женщине, которой он пытался помочь, и о разговоре с помощницей Карпати.

— Мы поищем ее дядю по системе, — сказала она. — И думаю, о господине Везере мы тоже еще услышим.

— Надеюсь. Это такой типаж!

Она нагнулась к нему поближе, и хотя ей пришлось повysить голос, чтобы ее было

слышно за ревом моторов, она говорила так, чтобы слышал только Рэйфорд.

— Знаете, с Чанем не все в порядке.

— Что именно?

— Это же был его дом, пусть и сумасшедший. Так что прощание с ним у него вышло тоже странное.

— Я думал, он рад убраться отсюда.

— Жаль, что мне не довелось познакомиться с мистером Хассидом, о котором Чань столько рассказывал. О том, что они сделали во дворце и сколько было сделано для организации структуры нашего центра...

Рэйфорд кивнул.

— Ты сможешь сейчас делать то же самое — то есть мониторить дворец — из Петры?

— При помощи Чаня — да. Здорово, что он будет с нами.

— Между вами будет соревнование?

— Вряд ли. Я просто позволю ему делать, что захочет. Он любит технику, работу за клавиатурой в отдельном кабинете, а не управление людьми. Но если он пожелает, то сможет обучать остальных.

Телефон Рэйфорда зазвонил. Это был Джордж Себастиан.

— Все пытался дозвониться до вас. Ваш телефон был выключен?

— Пришлось отключить, пока мы были на миссии во дворце. Я намеревался связаться с вами, когда вы проснетесь. Ведь у вас еще рано, верно?

— У нас ЧП.

- Почему ты говоришь шепотом? Ты где?
- Снаружи.
- Который час?
- Почти пять утра. Мы не можем найти Хлою.

* * *

Бизон подумал, что фигура, которую он увидел в перископе, и была Хлоя, но тогда где она конкретно? Очень в ее стиле было уйти наружу без рации или телефона, так что он счел это не беспечностью, а частью ее задумки. Но других было бы трудно в этом убедить.

Они с Джорджем разделились. Оба были вооружены и постоянно находились на связи друг с другом. Джордж нашел пустой эмэсовский грузовичок, который, видимо, и послужил для Хлои приманкой, но ни эмэсовцев, ни Хлои он не обнаружил. Бизон надеялся, что не придется вызывать подмогу и таким образом подставлять своих людей.

Через два часа, когда рассвет не оставил Бизону и Джорджу другого выхода, кроме отступления внутрь, они успели прочесать примерно две квадратных мили, но ничего не нашли. В убежище все уже были на ногах, все беспокоились, молились и с нетерпением ждали новостей. Минь Той забрала Кенни и дочку Джорджа, Бет-Энн, к себе и сказала, что будет сидеть с ними столько, сколько понадобится.

Джордж с Присциллой организовали командный центр в тренировочном зале. Ри Ву сидел за маленьким складным столом, роаясь в файлах, чтобы проверить, не осталось ли у них каких-нибудь нераскрытых или малоиспользуемых псевдонимов.

Бизон был вынужден признать, что от него толку мало.

— Я не знаю, что делать.

— Поспать, — сказал Джордж. — В таком состоянии ты ни нам, ни Хлое не поможешь.

Бизон ожег его взглядом, понимая, что Джордж прав.

— Тебе легко говорить, Себастиан. Это не твоя жена там.

Присцилла отвела взгляд. Джордж бросил бумаги и пошел к Бизону. Он положил ему руки на плечи и приблизил свое лицо к лицу Бизона.

— Повторять не буду. Если бы моя жена была там, я не сидел бы здесь сложа руки. Я много чем твоей жене обязан. Она ради меня жизнью рисковала в Греции. Я могу себе представить, каково тебе. Нет ничего хуже неведения, но мы ничего не знаем. Может, ты немного зол на нее, поскольку она не следовала протоколу и многое не выполняла.

Может, ты чувствуешь себя виноватым из-за того, что злишься на нее, потому что до смерти боишься, что она ввязалась в дело, которое ей не по плечу. Я не виню тебя. Не виню. Я говорю — мы все должны над этим

работать, особенно человек с такими мозгами, как у тебя. Теперь решай — ты хочешь найти ее, чтобы мы могли вернуть ее домой целой и невредимой, или хочешь предположить худшее и начать скорбеть уже сейчас?

— Джордж! — рявкнула Присцилла.

— Я не пытаюсь действовать грубо, — сказал Джордж. — Мы просто ничего не можем сделать снаружи днем, если не будем знать точно, что делать и не сможем выпустить наружу кого-нибудь с хорошим прикрытием. А пока мы должны перевести дух и составить план действий, и если Бизон будет тут сидеть и страдать...

— Ладно, Джордж, я понял! Доволен?

— Значит, мир?

— Мир.

— В смысле, ты думаешь, что я среди ночи вылез наружу ради собственного здоровья?

— Новости неутешительные, — сказал Ри. — Псевдоним Хлои Хлоя Айрин и маковский Хоуи Джонсон после Греции не очень-то годятся. Индира Джинна Ханны, возможно, еще держится, но годится только для нее, а она далеко. Ближневосточные паспорта на Рэйфорда и Абдуллу, возможно, еще в порядке, но Абдулла остается в Петре, а Рэйфорду, когда он сюда доберется, нужен будет отдых.

— Не думаю, — сказал Джордж. — Он бросится в бой, как только приземлится.

— Рассказывай, — ответил Бизон.

— А «командующий Эльбаз» Альби уже раскрыт? — спросил Ри.

Бизон кивнул:

— Увы, да.

— И он тоже слишком далеко, — сказал Джордж. — Кто еще у нас есть?

— Еще мужской псевдоним Минь, Чань Чоу.

— Давай не будем рисковать Минь, — сказал Бизон.

— А почему нет? — спросил Джордж. — Форма у нее еще осталась. Подстрижет волосы и ...

— Эй! — перебил Ри. — Вы о моей невесте говорите.

— И что?

— Хотя бы ее сами спросили.

— Нет, Ри, — ответил Джордж. — Мы вот сейчас пойдем, силком ее притащим и волосы острижем.

— Спокойно, мальчики, — сказала Прицилла. — Меня никто не знает. Дайте мне новое имя и ...

— Нет, ты не пойдешь! — сказал Джордж.

— Что, ролями поменялись? — сказал Бизон. — Перспектива отправить твою жену...

— Хватит! — отрезал Джордж. — Я хотел сказать, что у нее нет опыта, да и со здоровьем проблемы.

— Минь тоже не слишком крепкая, — ответил Ри. — И с оружием не умеет толком обращаться.

— Да ладно, — ответил Бизон, — она в Буфере служила.

— Командовать заключенными в женской тюрьме — это не вытаскивать человека из местного отдела МС.

— Мы в любом случае не стали бы требовать от нее такого, — сказал Джордж. — Хлою спасти придется нам с Бизоном и, возможно, Ри. Минь или кто-нибудь еще понадобятся нам только для того, чтобы выяснить, где она.

* * *

Хлоя заметила еще пару эмэсовских машин. Обе ехали в южном направлении. Она как раз наполовину обошла убежище. Пока она смотрела, оба грузовика остановились, и из каждого вышло не менее десятка миротворцев. Стало понятно, что они целенаправленно прочесывают территорию в поисках тайного убежища. И подземное укрытие было как раз у них на пути. Может, когда Бизон несколько часов назад смотрел в перископ, эти парни и выглядели усталыми, но сейчас к ним прислали подкрепление.

И эти ребята были серьезно настроены. У них были металлодетекторы, зонды и даже что-то вроде счетчиков Гейгера. Хлоя не знала, что делать — бежать ли назад к убежищу, чтобы предупредить остальных. Ведь если она ошибется, она выведет эмэсовцев прямо ко входу.

Решив отвлечь их и сбить с курса, она снова начала движение. Ей пришлось показаться им на глаза, причем сделать вид, будто она попалась им случайно. Она двигалась осторожно, но целенаправленно.

Вместо того чтобы свернуть направо на краю участка и вернуться по кругу к двери, Хлоя продолжала продвигаться на запад по южному краю. Когда она услышала, что в ее сторону направилась по крайней мере одна машина, она побежала, затем еще быстрее, а потом изо всех сил. Она не собиралась убежать от грузовика, но, возможно, она сумеет добежать до того места, где он не сможет проехать.

Хотя «узи» и был легким, он все равно оттягивал ей плечо. Если она не уверена на сто процентов в том, что с его помощью положит пару взводов, то разумнее будет припрятать его и вернуться за ним попозже. Объяснить, откуда у нее такое оружие, она никогда не сможет. Слыша за спиной рев моторов быстро приближающегося грузовика, а то и двух где-то в квартале к югу от себя, Хлоя свернула в сторону и забросила маску и «узи» в ближние кусты. Она снова ускорила бег и пробежала около четверти мили, заставив оба грузовика следовать за ней.

Хлоя была уже вне видимости подземного убежища и решила, что лучшая тактика — безразличие, потому потупила голову и продолжала бежать. Первый грузовик почти догнал ее, но она даже не попыталась обернуться.

С пассажирского сиденья из окна выглянула молодая женщина:

— Вас подбросить?

— Нет, спасибо.

— Садитесь.

- Спасибо, все в порядке.
- Мы хотим задать вам пару вопросов.
- Давайте.
- Остановитесь, сядьте в машину, и мы с вами поговорим.
- Говорите так.
- Откуда вы?
- Примерно шесть миль к западу.
- Там все затопило после недавнего цунами.
- Будто я не знаю.
- А что вы тут делаете?
- Бегаю.
- Как вы сюда добрались?
- Бегом.
- Куда вы направляетесь?
- Домой.
- Как вас зовут?
- Феба.
- «Очень библейское имя».
- Феба, а дальше?
- Феба Евангелиста.
- Национальность?
- У мужа есть. Он БАСП¹.
- У вас есть документы?
- С собой — нет.
- Хорошо, мэм, я хочу попросить вас остановиться и позволить нам побеседовать минутку.
- Нет, спасибо. Хотите — поезжайте следом за мной.
- «Буду бежать прочь от убежища, пока не упаду».

¹ Белый англосаксонский протестант.

— Мне нужно знать, откуда вы родом, и проверить ваше клеймо.

— Я не снимаю капюшон или перчатки при такой погоде, пока не остыну после пробежки.

— Что, у вас две печати?

Хлоя отмахнулась и продолжала бег. Грузовик свернул с дороги, встал перед ней и остановился. Хлоя обогнула его и продолжала бежать. Она услышала, как открылась дверь, услышала топот ботинок по плитам. Вскоре ее догнали и окружили с обеих сторон эмэсовцы в полной военной форме.

— Ладно, — сказал один. — Шутки кончились. Мэм, вы сами понимаете, что мы можем просто потащить вас силой, не принуждайте нас к этому.

Хлоя продолжала бежать. Эмэсовец справа от нее бросил оружие своему товарищу слева, а потом она почувствовала его руки у себя на шее и удар коленом в спину. Он весил не меньше двух сотен фунтов. Она споткнулась и упала. Он переместил вес прямо перед тем, как она упала, и ткнул ее лицом в землю. Хлоя сильно рассадила лицо, по лбу ее побежала кровь. Он взгромоздился на нее и придавил ей шею коленом, завел ей руки за спину и сковал наручниками.

Не в силах ничем им помешать, Хлоя позволила себе обмякнуть.

— Забирай ее, — сказал один. Он схватил ее за наручники, чтобы поволочь к машине. Она нарочно прижимала лицо к земле, чтобы камни и бетон как можно сильнее расца-

рапали его. Поскольку она лежала на земле, поднять ее за наручники можно было только вывернув руки, что с ней почти и сделали.

— Есть способ попроще, — сказал эмсо-вец помоложе, — если она этого добивается.

Он схватил ее за ноги и поднял их так, чтобы связать щиколотки с руками пластиковой стяжкой. Ее швырнули в грузовик.

Хлоя была уверена, что сломала ребро. Пока они двадцать пять минут ехали в местную штаб-квартиру МС, Хлоя молилась.

— Господи, дай мне сил. Пусть я умру прежде, чем успею что-нибудь выдать. Не оставь Кенни, Бизона и папу.

Она вспомнила, как Джордж потчевал их историями о том, как ни слова не говорил своим тюремщикам в Греции. Вот ей бы такую выдержку. Она бы предпочла забалтывать их, выводить из себя, направлять не в ту сторону. Что лучше — сидеть и терпеть или отвечать так, чтобы поняли, что ее так просто не сломаешь?

А вдруг будут пытаться? Выдержит ли она?

— Дай мне сил, Господи. Пусть я заплачу муками телесными за тех, кого люблю.

В участке ее освободили, обыскали, снова спросили имя и регион рождения. Хлоя ничего не сказала. Она ощупала лицо и почувствовала, насколько оно разодрано.

— Она уже сказала, что ее зовут Феба Евангелиста, американка.

— Значит, под этой кровищей где-то должна быть шестерка. Принеси тряпку и смой все это.

Кто-то взял Хлою за затылок и с силой провел по ее лицу мокрой тряпкой. Она вскрикнула.

— Ничего не вижу. Это не значит, что там ничего нет. Мы уже проверили ее имя и описание внешности?

— Нет. Пока ничего не нашли.

— Джок будет в девять. Пусть ее отмоют и переоденут. И снимут отпечатки пальцев.

Хлое снова захотелось обмякнуть, чтобы эмэсовцы сами ее раздевали, поливали из шланга и одевали, но она сделала все, что ее просили. Когда она вышла из душа, ее лицо саднило. Она переоделась в зеленую робу и стиснула кулаки.

Ее повели фотографироваться и снимать отпечатки пальцев. Она по-прежнему стискивала кулаки. Она так изменилась с тех пор, как шесть лет назад училась в Стэнфорде, что не боялась, что ее опознают по фотографии.

Грузная охранница-мексиканка потянула Хлою за руку:

— Сначала правую.

Хлоя покачала головой.

— Ну, давай, малышка. Ты же не будешь со мной бороться? Мы только отпечатки пальцев снимем, так что будь добра, дай мне это сделать.

Хлоя снова покачала головой.

— Я все равно это сделаю, и знаешь как? Мне позвать пару парней, чтобы они тебя держали? Потому что в таком случае мне придется воспользоваться вот этой штукой.

Она показала Хлое жутковатого вида металлический регулируемый тросик, похо-

жий на петлю, которой живоде́ры отлавливают щенков.

— Я затяну эту штуку вокруг твоего запястья. Когда она затянется, твоя рука откроется. Я не знаю, кто ты и почему ты здесь, но этого ты не выдержишь.

Хлоя снова покачала головой, и женщина по рации вызвала помощь. Хлоя стала бороться с двумя молодыми людьми, но, как и сказала тетка, игра была проиграна заранее. Когда металлический тросик затянулся вокруг ее запястья, ее рука открылась, и эмсовцы получили отпечатки пальцев, которые они отправили по Интернету с запросом в свою базу данных.

— Мы также посмотрим твою глазную сетчатку, малышка. Если у тебя были водительские права или ты училась в колледже, была замужем, то мы тебя враз определим.

Хлоя надеялась только на то, что МС, как и всем, жутко недостает персонала. Возможно, это займет достаточно много времени, чтобы Бизон и Джордж вместе с остальными сумели вытащить ее.

«И кого я пытаюсь обмануть?»

Рэйфорд надеялся отдохнуть пару дней до полета в Сан-Диего, но теперь у него не было другого выбора, кроме как покинуть Петру сразу после заправки самолета. Он был потрясен, увидев, что его ждет Мак МакКаллам.

— Я получил сообщение от Бизона, — сказал Мак. — Думаю, Цион и Хаим обязаны все узнать, чтобы все здешние помолились за нее. Альби уже нашел человека в Аль-Хилле, так что я ему не нужен. Я поведу твой самолет.

— Мак, я не могу тебя просить...

— Ну и не проси. Я добровольно вызвался. Если только ты не упрешься и не начнешь тыкать мне в нос своим старшинством, то по коням!

Рэйфорд был так ему благодарен, что даже сказать не мог. Когда они оказались в воздухе, Мак сказал ему:

— Можешь думать, молиться, спать, говорить. Я поведу машину в Сан-Диего, я надеюсь еще увидеться с теми, кто там, и встретиться с новыми. Могу поспорить — Хлоя ждет нас на месте.

— Могу согласиться со всем, кроме последнего, — сказал Рэйфорд. — У меня очень, очень нехорошие предчувствия. Если Бизон и Джордж в ближайшее время ее не найдут или обнаружат, что ее взяли эмэсовцы, нам придется всех оттуда вывозить.

— И куда?

— Я, кроме Петры, ничего предложить не могу.

— Хлоя ничего не скажет эмэсовцам. Если они не взяли ее прямо на выходе, то что они могут знать?

— Она должна быть в том районе. Если она не сумеет убедить их, что она пришла еще откуда-то, то они начнут там копать.

Рэйфорд закрыл голову руками и попытался заснуть. Безуспешно. Он мог только

молиться. Хлоя всегда была папиной дочкой. Она любила учиться, была пытливой, целеустремленной, упрямой. Она последней из всей семьи пришла к Христу, и Рэйфорд не снимал с себя ответственности на этот счет. Он учил ее верить только в то, что можно видеть, обонять и пощупать.

Хлое всегда хотелось быть в самой гуще событий, и если ее туда не пускали, то она пробивалась сама. Ему всегда хотелось выругать ее за это, особенно сейчас, но тревога и страх были сильнее. Он хотел только одного — знать, что она в безопасности вместе с Бизоном и Кенни. Он знал — что бы ни случилось, однажды они снова будут вместе, и ждать этого осталось не больше года. Но почему-то это слабо утешало.

Им суждено было пребывать с Христом после смерти, а если им доведется уцелеть, они останутся с ним на земле тысячу лет. Но смерть по-прежнему пугала — как процесс. Хотя все погибшие бойцы отряда Скорби наверняка станут мучениками Христовыми, их близкие все равно будут оплакивать их, все равно будут по ним тосковать. Хуже всего для Рэйфорда было представлять смерть близкого человека.

Страдания будут недолгими, но никто не хочет, чтобы его близкий умирал под пытками или в мучениях.

— Отче, — воззвал Рэйфорд, — пусть перебазирование будет самым тяжелым из того, что нам предстоит. Я не заслуживаю особого отношения к себе, чтобы просить Тебя дать моей дочери защиту свыше. Она не нужна Тебе, как и любой из нас. Но мы предали себя в руки Твои и верим в дела Твои.

Джок оказался высоким грузным человеком. Форма некогда была ему впору, но теперь он выглядел в ней как сарделька в оболочке. Он велел своим подчиненным привести Хлою из камеры в комнату для допросов. Показал ей на стул, и она села перед ним за металлический стол.

Джок бросил на стол папку-гармошку и снял пиджак, повесил его на спинку стула. Устало сел и выдохнул.

— Ну что, Феба Евангелиста? Как же вы дошли до жизни такой?

Хлоя уставилась на него. Она отметила австралийский акцент и увидела цифру 18 у него на лбу. На тыльной стороне его руки была татуировка с портретом Карпати.

— Я курну, вы не против?

Хлоя подняла брови и кивнула.

— Да и что мне за дело, против вы или нет? У меня, девушка, сегодня работы выше крыши, а вы меня задерживаете.

— Так идите и работайте, — ответила Хлоя.

— Значит, говорить мы умеем, — сказал Джок, доставая из кармана маленькую сигару. — Я думал, вы окажетесь из рядовых, типа имя-звание-серийный номер, за исключением двух последних пунктов. Ладно, моя работа — это ты, а ты плохо себя вела. Ты ведь наврала моим людям, так?

— Так.

— Сразу признаешься или хочешь, чтобы я сказал, что мы раскопали?

Хлоя пожала плечами.

— Мы ни слова из тебя не вытянем, так ведь?

— Конечно.

— Подожди немного, ты все нам расскажешь. Хотя нам народу не хватает, система разваливается и...

— У меня прямо сердце разрывается.

Джок взял папку.

— Ну, по тому, что мы нашли, могу представить. У меня для вас две новости, миссис Уильямс. Хорошая и плохая. С какой начать?

Вот как, значит. Всего за несколько часов они определили ее по отпечаткам пальцев и сетчатки.

— От вас я не жду хороших новостей.

— Не торопитесь. Мы люди разумные, как бы вам ни хотелось считать иначе и убеждать в этом овечек, следующих за этим фанатиком Бен-Иегудой.

«Да у Циона в одном пальце ума больше, чем у десятка эмэсовцев».

— У меня есть для вас предложение, мэм.

— Мне оно неинтересно.

— Вы ошибаетесь.

— Дайте, угадаю. Свобода в обмен на кое-какие сведения?

— Что же, можете играть в гордую непреклонность, мамаша, но, думаю, вы будете меня очень внимательно слушать, когда речь пойдет о вашем ребенке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нелегальный рынок — мир Альби — представлял собой сеть теневых дельцов, известных по большей части под кличками или инициалами. Сам Альби взял себе кличку по названию его родного города, Аль-Басры. Люди, которым он был нужен, знали достаточно, чтобы связаться с ним. Прежде чем обратиться к Христу, Альби был одним из трех главных дельцов теневого рынка на Ближнем Востоке. После его обращения их осталось двое, а когда один из оставшихся погиб предположительно от рук другого в результате «гнилой» сделки, остался только один. И вот именно его Альби и надо было найти.

Альби никогда не любил М-энд-М, или Майнью Мазду, даже когда он сам еще был таким же типом. Майнью убивал не задумываясь. Именно так он заслужил свою репутацию и достиг нынешнего положения.

Если тебе что-то нужно — это к нему. Но если кто-то хотя бы пытался обмануть его или недодать положенного — горе тому. Рассказывали, что он лично убил с десятков человек — включая одну из своих жен, — не выполнивших свою часть сделки. И никто не подсчитывал, сколько народу он мог уничтожить руками наемных убийц.

Те, кто говорил, что будто бы близко знаком с Майнью, утверждали, что тот после каждого убийства татуировал на шее очередную двойную букву «М». Он завел такой обычай лет двадцать назад, когда задушил охранника в кувейтской тюрьме. Первую татуировку он сделал сам, сделав чернила из резиновой стружки со своих подметок, крошки краски с тюремной решетки и крови. Татуировку он делал заточенной скрепкой для бумаги, нагретой на зажигалке. Первую двойную «М» он нанес прямо под адамовым яблоком. Он добавлял по одной с каждой стороны после очередного убийства, так что по числу «М» в его татуированном ожерелье можно было сказать, четное или нечетное количество покойников висит на нем.

Когда Альби видел Майнью в последний раз, в его ожерелье было на одну двойную «М» больше с левой стороны, и счет доходил до двенадцати. Последние татуировки были ярче и профессиональнее сделаны, и, похоже, та, что отмечала убийство его жены, была немного женственной.

Альби пустил слух, что он хочет встретиться с Майнью, и не прошло и двух часов, как ему под дверь подсунули записку с адресом.

Указанное место находилось в самом лабиринте торговых улочек на острове Абадан на реке Шатт-эль-Араб в юго-западном Иране.

М-энд-М всегда чуял запах денег. Трубопроводы соединяли тамошний большой нефтеперерабатывающий завод с нефтеносными месторождениями Ирана. И конечно же, Майнью вел свои дела на дне этого города.

Как и все, кто не носил клейма верности Карпати, Альби вел ночной образ жизни. Они с Маком жили вместе в одной квартире в забытом уголке Аль-Басры, где домовладелец либо не знал, либо плевал на верность жильцов Мировому Сообществу, только бы вовремя и полностью выплачивали квартплату каждый месяц. Альби объяснил Маку, что лучше всего передвигаться по городу на скутере, поскольку они достаточно легкие и небольшие, чтобы хранить их дома или в лесу, неподалеку от того места, где они прятали свой самолет.

Альби дождался темноты прежде, чем выйти наружу и отправиться к парому, который перевезет и его, и скутер на остров, где он найдет нужное место примерно в тридцати милях от его дома.

* * *

Когда здоровенный Джок сказал что-то насчет того, что Хлоя пропустила завтрак, у нее рот наполнился слюной.

— Но, как вы понимаете, мы не кормим упрямых заключенных. Нет, вы, конечно, будете получать питательные батончики, которые помогут вам продержаться до казни. — Он похлопал по большой папке. — Точно сказать не могу, пока еще не получил указаний от МС, но, похоже, это будет очень показательное шоу. Что скажете?

— Я тут при чем?

— Но ваш ребенок — как его зовут?

Хлоя в упор посмотрела на Джока и сжала губы. Как она любила произносить вслух имя своего ребенка! «Кеннет Брюс Уильямс. Кенни Би». Но этому типу она его не назовет. Официальных записей о рождении Кенни не было, и эмэсовцы даже не знали, мальчик это или девочка.

— Но ведь от вас не убудет, если я буду знать его имя.

— Феба Евангелиста младшая.

Джок посмотрел на потолок.

— Знаете, а я даже не удивился. Я очень много общался с такими, как вы. Некоторые говорят, что даже восхищаются вашим упорством, хотя в конце концов вы проиграете. И вы это сами знаете. Но мне сдается, что религиозные люди — а ведь вы к таким относитесь, не так ли? — слишком мало думают о судьбах своих детей. Это ведь девочка? И сколько ей сейчас лет?

— Слушайте, — сказала Хлоя, — вы знаете, кто я, что я и кем я не являюсь, то есть верной Карпати. Это карается смертью, так почему бы вам просто...

— Да ладно вам, мэм. Все это еще вполне обсуждаемо. Не делайте поспешных вы...

— Я не буду давать вам информации, чтобы оттянуть исполнение приговора. Меня не интересует жизнь в тюрьме. Я не соглашусь на клеймо, даже если вы пообещаете свободу для всей моей семьи. К тому же все знают, что даже тех, кто принимает клеймо, все равно казнят.

— Да где вы такое слышали? Ужас какой. Это же ложь!

— Рассказывайте!

Джок откинулся на спинку кресла и позвал:

— Найджел!

— Сэр?

— Не могли бы вы открыть окно? Тут душновато.

Вошел молодой охранник и распахнул окно за толстыми решетками. Сбежать не удастся.

— Чтобы быть честным, я должен объяснить вам наше предложение, — сказал Джок. — Понимаете, нам известно не только ваше имя. Мы знаем, что вы оставили Стэнфордский университет шесть лет назад. Мы знаем, что вы дочь первого личного пилота потентата Карпати. Мы знаем, что вы и ваш отец стали террористами и, возможно, замыслили или даже участвовали в убийстве потентата.

Ваш муж также бывший служащий его святейшества, теперь он издает нелегальный журнал. Они тесно связаны с Ционом Бен-

Иегудой и предателем и убийцей Розенцвейгом. А вы, миссис Уильямс, тоже вовсе не невинная овечка. Нет. Вы иегудаитка, вы делец черного рынка, вы поддерживаете миллионы отказавшихся от клейма, у которых нет законных прав покупать или продавать.

Нет, мэм, вам не будет предложено ничего, ни сделки с правосудием, ни побега, ничего — даже для вашего ребенка. Потому что вы, кроме всего прочего, были замешаны в операции в Греции, где вы действовали под именем офицера Мирового Сообщества.

— Откуда вам это известно? — вырвалось у Хлои прежде, чем она успела подумать. Значит, в их рядах была «крыса»? Ее не могли опознать.

— Я скажу вам — в обмен на кое-какие признания.

— Забудьте.

— Вот в чем прелесть технологии сканирования сетчатки. Обычные камеры слежения, как в нашей конторе в Птолемаиде, дают хороший скан, чтобы можно было сравнить отпечаток вашей сетчатки с тем, который у вас брали, когда вы записывались в Стэнфорд. На ней в четыре раза больше референтных точек, чем на отпечатках пальцев, и ошибок этот метод никогда не дает. Одному из вас, тому, кто положил нашего оперативника в этом самом здании, очень повезло, что мы не смогли отследить его. Но ведь он из этого города, не так ли? И где он может находиться? Как далеко от того места, где вы совершали свою пробежку?

Бизон едва мог поверить ушам своим. Услышать такое — тем более от Себастиана, который сидел тут живой и здоровый благодаря самоотверженности и героизму отряда Скорби, в частности Хлои.

— Такое нелегко говорить, Бизон, — сказал Джордж. — Но нам придется выбирать между безопасностью двух сотен человек и спасением одного, причем шансы практически нулевые.

— Во-первых, — сказал Бизон, — ты предполагаешь, что ее взяли эмэсовцы. Но она может быть где угодно. Но даже если ты и прав, неужели это ситуация более безнадешная, чем та, в которой был ты?

— Бизон, я все это знаю, хватит. И это не значит, что я не хочу ничего делать. Но есть одна большая разница между моей ситуацией и ее. В моем случае заключенный был крупным и крепким мужиком, натасканным на убийство. И припомни, несмотря на все, что сделали для меня Мак, Ханна и Хлоя, все решила моя разборка с одним из моих тюремщиков. Но даже и тогда шансы были не в нашу пользу, и все могло пойти как угодно. Скажем так — если бы я проиграл, все трое были бы раскрыты, и мы потеряли бы четверых. А если мы вломимся в здешний участок, мы можем погубить всех.

— Значит, пусть она тут гниет, пока мы не переберемся в Петру?

* * *

— Вот что я предполагаю насчет вашего ребенка, миссис Уильямс, — сказал Джок, — если вы, по здравом размышлении, все же решите нам немного помочь. Полагаю, что вы хотели бы, чтобы ваша дочь или сын воспитывался в той традиции, которой следуете вы с мужем. Естественно, это противоречит нашим целям. Мы хотели бы, чтобы все дети дошкольного возраста были записаны в юношеские силы МС. Но в вашем случае мы готовы считать вашего ребенка несуществующим до достижения ей или им двенадцати лет.

— И кто же будет его воспитывать? — поморщилась Хлоя, поняв, что голод, в конце концов, весьма эффективная тактика.

— Значит, это все же мальчик. Это хорошо. Не хотите назвать мне его имя, чтобы было удобнее вести переговоры?

Хлоя не ответила. Это не переговоры. Ей нужно было только защитить Кенни еще на год, и тогда МС уже не добьются до него.

— Ну, давайте же, миссис Уильямс. Вы же разумная женщина. Вы должны понимать, какая вы для нас ценная добыча. Да, признаю, вы, иегудайты, доставили нам много неудобств и неприятностей. Я почти не сомневаюсь, что именно вы каким-то образом причастны к той проблеме, которую мы сейчас испытываем в Новом Вавилоне. Вы можете нам помочь. Я не настолько наивен, чтобы думать, что вы это сделаете добровольно, но я

пытаюсь дать вам для этого основание. У вас хорошие козыри.

— Я могу встать?

— Можете, но я вынужден вас предупредить, что мы заперты снаружи. Я крупнее вас в три раза, но, для смеху, предположим, что вы справились со мной. Вы можете сломать мне шею, но отсюда вы не выйдете.

— Я просто хотела немного подвигаться, сэр.

— Пожалуйста. И зовите меня Джок.

«Ну да, ты теперь мой лучший друг».

— Вы не хотите ли позавтракать?

— Конечно.

— Я тоже. Что бы вы предпочли?

— Я не привередлива.

— Зато я привередлив. Я люблю старую добрую холестериновую еду. Яйца, бекон, колбасу, тосты, блинчики с вареньем. Хотите?

Наверняка он издевался. Хлоя встала, сложила руки и отвернулась.

— Ну вот! Я не могу заставить вас называть меня по имени. Не могу узнать, что бы вы предпочли на завтрак. Ну а как насчет того, чтобы поесть со мной? Вы будете есть то же, что и я?

— Я уже сказала вам, что мне все равно.

— Вы также сказали мне, что вы голодны. Я закажу нам завтрак, а, Хлоя? Вы не против?

— Вообще-то нет.

— Ну ладно, как хотите. Это ведь все для вас. Просто скажите, чего вам хочется, что вы предпочитаете. Ели у вас в камере недо-

статочно мягкая подушка — скажите мне. Или позвоните в дежурному.

Значит, маски сняты. Хлоя убедила его, что сотрудничать не собирается, так что он решил поиграть в доброго полицейского.

Или нет? Джок прошел мимо нее и снова вызвал Найджела. Она краем уха услышала, что он заказал именно то, о чем говорил. Он снова повернулся к ней.

— Тут кормежка почти такая же, как и в любой тюрьме, Хлоя, но даже повару в придорожной забегаловке приходится работать вовсю, чтобы приготовить завтрак. Теперь, пока мы ждем... Я вижу, что на вас давить не получится. Я и не ожидал иного и перестал бы вас уважать, если бы вы оказались другой. Я предлагаю вам сделку. Вам нечего сказать нам в обмен на свободу. И как мы будем выглядеть в глазах общества? Но я могу добиться замены казни пожизненным заключением и могу сделать это заключение вполне приемлемым. Даю вам слово. Охрана, конечно, будет максимально строгой, но вы сможете в полной мере заниматься вашим сыном, пока он не достигнет двенадцати лет.

Но Кенни и так был в безопасности с Бизоном, и если она сумеет сохранить ясность рассудка, то так все и останется. Если бы только передать весточку Бизону, чтобы все скорее уходило в Петру.

Хлою терзал голод, у нее кружилась голова.

— И что я должна сделать взамен?..

— Принять клеймо верности. Иначе никто нам не поверит. За это вы получите жизнь. Но в обмен на приемлемое существование и общение с сыном вы должны дать нам информацию.

— Вы думаете, что я выдам своих?

— Да, и знаете почему? Потому что вы любящая мать. Думаете, любой из вас не сдал бы вас в мгновение ока, чтобы спасти свою голову от гильотины? Да сейчас!

* * *

Альби ехал по улочкам Абадана на тряском скутере, надвинув кепку глубоко на лоб. В Аль-Басре было не лучше, но именно тут некогда находились Содом и Гоморра, которые Господь испепелил огнем. Грех и разврат во всей красе царствовали на улицах. То, что было некогда дном города, теперь стало самым городом. Бары, притоны, гадалки, бордели, секс-шопы, клубы на любой вкус и для любых склонностей были полны простых пьяниц и высоких покровителей. В воздухе пахло гашишем. Кокаином и героином торговали в открытую.

Миротворцы и блюстители нравственности некогда с шумом являлись сюда раз в неделю, чтобы поддерживать видимость бурной деятельности. Но теперь, когда их ряды сократились, они сосредоточились только на искоренении антиправительственной деятельности. Если ты трижды в день не

поклоняешься образу Карпати и не пресмыкаешься перед ним, то тебя поволокут в кутузку. Попался без клейма верности — никакого снисхождения. Эмэсовцам нравилось развлекаться, говоря людям, будто бы у них есть последний шанс. Когда жертва, рыдая от благодарности, шла к пункту клеймения, ее хватали и волокли на гильотину в качестве примера.

Хотя Абадан и превратился в дно, был в нем район еще похуже, и именно там Майнью Мазда и его собратья вели свои дела. На открытом рынке, где ежедневно громко торговались и надували друг друга, стояли временные хибары с фанерными стенками и дверьми, без крыш. На случай дождя можно было быстро натянуть брезент, закрепленный по углам, но в основном дельцы и их громилы, один из которых всегда стоял на страже снаружи, вели дела внутри закутков, встречаясь с теми, кто хотел от них услуги и был готов за это заплатить.

Альби заглушил мотор, но слезать не стал, а повел скутер по узким переулкам, отталкиваясь ногами. Среди сонных пьянчуг были и чокнутые, женщины с дурной репутацией, торговцы всякой дрянью. Все махали руками маленькому человечку в кожаном костюме, ехавшему на незаведенном скутере.

Альби не смотрел ни направо, ни налево, не смотрел никому в глаза. Он знал, куда едет, и хотел, чтобы это было понятно и другим. Он против воли испытывал некоторую гордость, что, несмотря на свой бизнес, не пал так низко. То, что он делал в течение многих лет, было незаконным, куда денешься, и он

вовсе не оправдывал себя, но по сравнению со всеми этими людьми он был птицей высокого полета. Он владел взлетно-посадочной полосой — это было его прикрытием. И его клиентуру составляли и богатые бизнесмены, и пилоты, равно как и подонки, и проходимцы.

Но он знал их мир и их язык. Ему нужен был проходимец, кто-нибудь, знавший кого-нибудь. Кого-нибудь, кто был вхож во дворец с черного хода и знал, где именно в Аль-Хилле будет проводиться заседание. Кто-нибудь, кто мог бы даже знать, где находится самый большой склад ядерного оружия. Кто-нибудь, кто мог бы до приезда Карпати и его прихвостней пробраться в зал заседания и поставить там «жучок», который передавал бы все на частоте, которую мог слушать только один человек в мире. Только Альби и его люди будут знать, что это находящийся в Петре Чань.

Если бы у него было на это дело больше одного дня, Альби сделал бы все сам, по своим собственным каналам, менее рискованным, через более надежных людей. Но бывают в жизни времена, когда приходится ставить на кон все. И хотя эта аналогия выбивалась из контекста его нынешней жизни, сейчас как раз был такой момент.

* * *

— Пожалуйста, сядьте за стол, пока мы на краткое время откроем дверь, Хлоя, — ска-

зал Джок. Запах еды охватил ее, и она села спиной к двери.

— Пожалуйста, поставь сюда, Найджел.

Джок сидел лицом к ней. Он взял чистую салфетку, сделал вид, что затыкает ее за галстук и прикрыл ею грудь и живот. Хлоя развернула свою салфетку и положила ее на колени, а Найджел поставил между ними поднос.

Найджел поставил перед Джоком стопку блинчиков. Кувшинчик сиропа. Тарелку тостов с маслом и джемом. Большую кофейную чашку, в которую налил горячего кофе и поставил рядом кофейник. Огромную тарелку яичницы с беконом. Рядом с большой тарелкой положил приборы, затем положил нож, вилку и ложку перед Хлоей. И она сидела — только с салфеткой и приборами. Найджел убрал поднос и ушел, заперев дверь.

Джок потер руки и ухмыльнулся.

— Правда ведь, прекрасно выглядит? Прямо и не знаю, с чего начать. — Он подвинул к себе чуть ближе тарелки, затем взялся за нож и вилку и занялся яичницей. Извините, — сказал он. — Совсем забыл о манерах. Не желаете помолиться? Попросить благословения? Нет. Тогда это сделаю я. Спасибо, ваше святейшество, за все, чем я сейчас собираюсь себя побаловать!

Джок закинул здоровенный пласт яичницы себе в рот, сунул за правую щеку, затем забросил в рот кусок колбасы и заговорил с набитым ртом.

— Найджел, наверное, позабыл о вас, а, Хлоя? О да. Вы же пока еще не согласились сотрудничать с нами. Это ваш выбор.

Громадина сидел перед ней, орудуя вилкой, ножом и ложкой, облизывая губы, прихлебывая кофе и ухмыляясь.

— Ведь вы не желаете есть? А? Но ведь это вкусно. Правда-правда! Все зависит от вас. В противном случае Найджел позаботится о вас, и вам в камеру принесут питательный батончик через час или два после того, как вы откажетесь от этого пиршества. Питательный — возможно, не слишком точное название. Он поможет вам не сдохнуть до казни. Он питательный, но сам по себе дрянь. Но вам он все равно понравится, вы будете очень ждать его. В смысле, это, конечно, не яичница с беконом, но другого вы не получите.

* * *

Альби остановился перед маленьким закутком, который выглядел как нагромождение кое-как выкрашенных желтой краской досок, соединенных проволокой и гвоздями. Висячий замок слишком бросался в глаза. Дверь охранял высокий, тощий желчный тип. Альби видел его когда-то. Если он не ошибался, его звали Сахиб, и он был некогда шурином Майнью. Был — потому что он приходился братом жене Майнью, которую тот убил. И вот говори теперь о верности.

Альби слез со скутера и протянул руку. Сахиб не ответил и лишь прищурился на него в темноте.

— Хочешь продать байк? Ты пришел по адресу.

— Нет. Я хочу видеть Майнью, Сахиб.

При этих словах Сахиб повнимательнее посмотрел на гостя.

— Альби, что ли?

После этого он пожал ему руку. Поднял палец, открыл дверь и исчез. Альби услышал тихий оживленный разговор. Из закутка вышел какой-то незнакомец с бегаящими колючими глазами и торопливо удалился.

Сахиб вышел, закрыл за собой дверь.

— Пару минут, Альби, — сказал он и жестом показал, что Майнью говорит по телефону. — Пятьдесят ников за охрану твоего байка.

— Двадцать.

— Двадцать пять.

— По рукам. И если с ним хоть что-то будет, я тебе череп проломлю.

— Я знаю, Альби. Деньги вперед.

— Сейчас десять, пятнадцать потом.

— Пятнадцать вперед.

Альби отсчитал ники. Торговля и угрозы — это все было ожидаемо. Покашливание за дверью побудило Сахиба пропустить Альби внутрь, но как только он направился туда, он увидел маленькую женщину, которая вышла из маленькой хибарки в сотне футов от них и направилась в их сторону.

— Подожди, — сказал он. — Сахиб. Следи за байком.

— Я сказал — послежу. Это просто гостья, войдет вместе с тобой.

Молодая женщина, закутанная с ног до головы, с огромными глазами и отвратительной цифрой 42 на лбу, несла маленький кейс. Сахиб втащил ее внутрь, когда Альби скользнул в закуток, закрывая за собой дверь.

Майню, освещенный лампочкой на батарее, сидел за шатким деревянным столом, на котором стояла кружка какого-то пойла, и сиял неожиданно белозубой улыбкой.

— Альби, друг мой, как поживаешь? — Он протянул ему обе руки.

— Я в порядке, Майню. Но у меня к тебе очень личное дело.

— Как всегда, конечно. Садись, будь любезен.

Альби сел на ржавый металлический складной стул. Женщина обошла стол, подтащила из угла деревянный ящик и села на него, открыв кейс. Альби посмотрел Майню в глаза и показал головой на женщину.

— Она? — снисходительно отозвался Майню. — Она татуировщица. И ничего не скажет.

Женщина улыбнулась, доставая свои инструменты и устанавливая лампу так, чтобы на Майню свет падал более прямо. Майню поднял подбородок, и она протерла ваткой небольшой участок возле его шеи, где татушка сравнивает количество двойных «М» с каждой стороны ожерелья.

— Знаешь, что рассказывают о моих татуировках, старина?

Альби улыбнулся:

— Кто же не знает.

- Правда это или нет, ведь впечатляет, да?
- Впечатляет. Это правда, Майнью?
- Конечно.
- Кто был последней твоей жертвой?
- В смысле, кто будет?
- Извини?
- Иногда я наношу татуировку заранее.

* * *

Несмотря ни на что, Рэйфорд задремал. Когда «гольфстрим» уже подлетал к Штатам, он начал рыться в сумках.

— Что такое, Рэйф? — сказал Мак.

— Который сейчас час в Новом Вавилоне?

— Часов десять вечера.

— Значит, в Сан-Диего уже позднее утро, а до сих пор никаких известий. Бизон обещал позвонить, как только они обнаружат, где она. Помнишь основной номер во дворце?

— Никогда и не знал. А ты?

— Когда-то знал.

— Его будет нетрудно узнать, но там уже никого нет, Рэйф. Может, тебе нужен кто-то в Петре?

— Нет. Помнишь, что говорили Давид и Чань насчет того, что эти телефоны невозможно отследить?

— Это я помню.

Он назвал Рэйфорду комбинацию букв и цифр, которая не позволяла определить место, откуда звонят по сотовому.

Рэйфорд набрал номер оператора международной связи.

— Пожалуйста, дворец Мирового Сообщества в Новом Вавилоне.

— Я вас свяжу, — сказал оператор, — но там сейчас проблемы со светом, так что могут быть задержки.

— Спасибо.

— Вы позвонили в штаб-квартиру Мирового Сообщества во дворце в Новом Вавилоне. Пожалуйста, примите во внимание наши технические проблемы, которые не позволяют нам ответить на ваш звонок немедленно.

Затем последовал хор «Слава Карпати».

— Тьфу!

— Мировое Сообщество. С кем вы желаете связаться?

— С Кристелл, будьте любезны.

— Кабинет потентата?

— Конечно.

— Сэр, рабочее время уже кончилось. Кабинеты закрыты.

— Я знаю. Позвоните в ее комнату.

— Могу я сказать ей, кто звонит?

— Я сам ей скажу.

— Я должен знать, сэр, или в это время ночи я не буду никому передавать звонок.

— Если так, то это ее дядя Грегори.

— Минуточку.

Мак глянул на Рэйфорда.

— Дядя Грегори?

— Это долгая история.

— Полет тоже долгий. Жду с нетерпением.

— Дядя Грегори? — слышался хриловатый со сна голос Кристелл.

— Линия безопасна? — спросил Рэйфорд.

— Думаю, да. Не знаю. Но ведь вы — не мой дядя, верно?

— Вы знаете, кто я.

— Вы не говорили мне.

— Вы знаете, что я друг.

— Это я буду точно знать, если вы сможете помочь моему дяде. Я передала ваше сообщение.

— Передали? Он последовал указаниям?

— Думаю, да.

— Поверьте, если он выйдет на связь с нами, наши люди сделают для него все.

— Я благодарю вас, но почему вы звоните...

— Мне нужна от вас услуга.

— Я так и поняла. Я не могу...

— Послушайте. Я не думал, что мне понадобится что-то от вас, когда я говорил с вами. Мне нужна информация, которую можете знать только вы.

— Я не могу ничего...

— Я немного прошу, и я не хочу вам неприятностей.

— Да какая разница? — сказала она. — Здесь что неприятности, что милости — все едино.

— Я хочу узнать, не говорят ли чего об аресте важного лица в Северо-Американских Соединенных Штатах. Это молодая женщина...

— Да! Да! Вечером уже, за пару часов до окончания рабочего дня — мы все еще работали из-за завтрашнего перебазирования, — пришел мистер Акбар, весь радостный из-за какой-то удачи в Сан-Диего. Местное отделение МС арестовало кого-то, связанного с иегудаитами.

— Есть ли какие-то сведения, где они планируют...

— Больше я ничего не знаю. Правда.

— Я вам так благодарен, что и высказать не могу, Кристелл. Могу ли я сделать что-нибудь для вас?

— Да что вы можете-то.

— Я просто...

— Если вы не можете прислать мне пару глаз, то больше я ничего придумать не могу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Татуировщица натянула резиновые перчатки и спросила Майнью Мазду, не желает ли он, чтобы она применила обезболивающее. Она говорила с индийским акцентом. Он откинулся назад и посмотрел на нее.

— Вы никогда такого не просите, — сказала она. — Закиньте голову и поднимите подбородок.

Альби и не ждал, чтобы встреча с таким человеком в такой части города оказалась менее эксцентричной, но он не предполагал, что ему придется говорить на фоне дерматологической процедуры.

— Говори же, друг мой, — жестом подбодрил его Майнью. — Зачем ты пришел ко мне?

Альби подался вперед, облокотившись на стол, и рассказал М-энд-М о срочном деле в Аль-Хилле. Аппликатор на батарейках, которым орудовала женщина, выпускал громкие

быстрые щелчки. Майнью кривился, но все же умудрялся отвечать на речи Альби обнадеживающими «хम्म» и «ох-ох». Наконец, он сказал:

— Минуточку, Кашмир.

Женщина отошла от него и занялась иглой при свете лампы.

— Не секрет, что ты не друг потентату, — сказал М-энд-М.

Альби улыбнулся:

— Надеюсь, что кое для кого это все же секрет.

— Почему бы тебе не дать Кашмир сделать тебе метку верности? Любой номер, по желанию!

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать, Майнью.

— О да. Ты теперь иегудаит и поклоняешься злым духам.

— Злым ду?..

Майнью отмахнулся.

— Но разве не вы говорите, что все, кто имеет метку Карпати, идет в ад или что-то вроде?

— Важнее другое — кому мы верны.

М-энд-М посмотрел на Кашмир, затем откинулся назад и одарил Альби белозубой улыбкой. Громко рассмеялся.

— Ты же не собираешься обрабатывать меня прямо сразу, мой старый друг?

— Да нет, ты уже выбрал. Только не могу понять, почему у тебя не 216, а 76.

— Ты думаешь, что я друг международному режиму?

— Да нет, мне инте...

— Ты думаешь, моя метка — настоящая? Вроде ты лучше должен меня знать. — Он сплюнул.

— Но ведь за поддельную метку карают хуже чем смертью, — ответил Альби.

— Публичная пытка, да, знаю, — ответил Майнью. — Но эмэсовцев я интересую только в одном отношении — какую они могут с меня поиметь пользу. Если бы я мог носить печать того, кому я верен, я носил бы номер 1. Как там говорил наш мексиканский друг? «Ищи пунего уно»! И если бы я не был полезен МС, меня отправили бы в долину Изреель, как миллионы других. Что мне там делать?

— И какая от тебя польза МС?

Кашмир промокнула тонкую струйку крови, побежавшую по шее Майнью.

— Я деловой человек, Альби. Я ищу максимальной выгоды при минимальных расходах, и как раз сейчас это призовые деньги.

— Ты...

— Сдаю неверных миротворцам. Конечно. Знаешь, сколько это стоит? Двадцать тысяч ников за голову, столько же за живого. Бизнес на покойниках легче. Покойник не кусается, не пытается удрать, никаких неприятностей. Если подобрать пластиковый мешок по размеру, даже машину не запачкаешь. Ты улавливаешь мысль?

— Значит, ты работаешь...

— На МС, конечно же. Если мантра настоящего бизнесмена — меньше расходов, больше доходов, так что может быть лучше бизнеса,

когда платят, почитай, за ничто? А они готовы платить за то, что я им даю.

Альби подумал, сколько из жертв Майнью, не носивших клейма, были настоящими иегудайтами.

— Тогда, значит, — сказал Альби, — моя просьба идет вразрез с твоими интересами?

— Да нет, конечно же, если ты платишь! Я не друг МС. Я просто деловой партнер. Меня интересует только прибыль.

— Я не был уверен, сколько эти услуги будут стоить.

— Да ладно, ты не так давно ушел из нашего бизнеса. И уж ты вряд ли ждешь, что я сделаю это, не получив деньги вперед, тем более когда дело не терпит отлагательств.

— У тебя есть люди, оборудование?..

— Ты же знаешь, что у меня есть все. Все будет сделано. Если у тебя есть деньги.

— Такая работа несколько лет назад стоила двадцать тысяч ников, — сказал Альби.

— Тогда, полагаю, у тебя с собой больше, учитывая инфляцию и срочность заказа.

Альби замялся.

— Конечно, так, и ты же не станешь скрывать от меня, ведь ты сам знаешь, что мне очень легко проверить, сколько при тебе денег.

— Конечно. У меня тридцать тысяч ников.

— Хммм.

— Наверняка этого достаточно. На пятьдесят процентов больше с учетом инфляции и спешки.

— Маловато, — ответил Майнью. — Не хватает двадцати тысяч.

Альби решил, что переговоры зашли в тупик. Они были в стадии торговли, и если каждая из сторон сейчас не начнет яростно спорить, это будет сочтено неуважением.

— Тридцать тысяч, у меня больше с собой нет, и столько я готов заплатить.

— Ох-ох. И все при тебе или в скутере еще есть?

— Майнью, уж ты-то должен меня знать. Кто же оставляет наличность в таком переулке?

Майнью рассмеялся:

— Сахиб!

Высокий охранник открыл дверь и сунул-ся внутрь.

— Сколько наш друг пообещал тебе за охрану скутера?

— Двадцать пять.

— И сколько он тебе должен?

— Десятку.

Майнью обернулся к Альби.

— Значит, у тебя тридцать тысяч плюс десять, которые ты должен Сахибу?

— Да.

— И больше ничего?

— Кроме одежды для возвращения домой.

— Покажи тридцать тысяч.

Альби сунул руку за пазуху и достал пачку купюр, завернутых в целлофан.

— Теперь десятку, которую ты должен Сахибу.

Из левого кармана Альби достал скомканную бумажку и горсть монет.

— Может, еще пятнадцать наберется, — сказал он.

Майню поджал губы и наклонил голову набок. Поднял бровь и посмотрел на Альби.

— Все равно недостает двадцати тысяч, — сказал он.

— Я сказал, что больше тридцати не дам.

— Тогда у нас проблема. И что нам делать еще с двадцатью?

Альби изобразил усмешку. Майню всегда жестко торговался.

— Ты серьезно не хочешь делать работу за тридцатку? — сказал Альби. — Ты хочешь, чтобы я нашел другого исполнителя?

— О нет! Отказаться от денег, которые сами в руки плывут?

— Тогда по рукам?

— Считай, что все уже сделано, друг мой. Пятьдесят тысяч практически без расходов.

— Пятьдесят?

— Кашмир, позвони от моего имени во дворец, ладно? Мистеру Акбару. Сахиб? Помнишь, чему я учил тебя в бизнесе? Креативные решения для превращения сделки в выгодную?

Сахиб кивнул:

— Да, господин Мазда.

— Тогда дай твой пистолет.

Майню Мазда взвесил его в ладони и покрутил в руках.

— У нас с моим другом не хватает двадцати тысяч ников. Вот решение этой проблемы. Сколько сейчас дадут за голову без клейма, напомни, а, Сахиб?

— Двадцать тысяч.

— В сумме получаем пятьдесят. И даже не надо делать никакой работы.

Он направил дуло между глаз Альби и нажал курок.

Камера показалась Хлое очень странной. Это была решетчатая выгородка в углу более обширной комнаты. На стене висела металлическая полка. Как она поняла, это была ее кровать. Раковина и унитаз находились на виду. Но не это ее волновало. Все было намертво закреплено. Не имелось ни стульчака, ни одеяла, ни подушки. Никакого чтива. Ничего.

Хлоя, ослабевшая от голода, вскарабкалась на полку и легла на бок, лицом к двери. Полку поддерживали металлические плетеные стропы примерно в четыре фута шириной, которые могли бы немного податься, если бы она прибавила вдруг сто фунтов. Даже вездесущего Найджела не было видно. Внешняя комната была достаточно светлой, солнце било сквозь зарешеченные окна. Но в целом она была грязно-тусклой. Кафель, линолеум и сталь были уставного зеленого цвета.

Хлое хотелось позвать кого-нибудь, сказать, что она голодна, но гордость не позволяла. Она быстро села, когда услышала, как

открылась дверь. Вошел мужчина в робе тюремного типа. На поясе рядом с мобильным телефоном висели бутылки с моющими средствами. В руках у него была тряпка, и еще одна торчала из заднего кармана.

— Привет, — сказал он. — Я и не знал, что в кутузке кто-то есть.

— Да тут и не должно было быть никого, — сказала она, изо всех сил пытаясь его обаять.

— То есть?

— Да я вот просто зашла сюда и захлопнула дверь, как идиотка.

Он рассмеялся, сияя улыбкой.

— Ага, и еще ты сдуру надела робу, навроде тюремной, и уж совсем стала похожа на заключенную. Не повезло тебе.

— Это точно, — ответила она.

— Может, тебя из-за пристрастий в одежде и закрыли?

— Наверняка.

— А я как раз пришел ведро вынести. Тебе очень повезло.

— Спасибо.

Он схватил ведро, стоявшее в углу под висевшим на стенке телевизором и пошел назад к двери. Затем остановился и повернулся на месте.

— Тебе же позволили сделать телефонный звонок, верно?

— Конечно. Со мной обращались как с королевой. Я позвонила Санта-Клаусу.

Он поставил ведро и подошел к клетке, остановившись в паре футов. Оглянувшись, понизил голос.

— Да нет, я серьезно. Вот это мне тут очень не нравится. В смысле, люди ведь должны получать по заслугам, если не соглашаются на метку и все такое, как ты. Я не такой наивный, чтобы думать, что тебя будут судить, после стольких-то лет, но что плохого, если человек разок позвонит? В конце концов, здесь все-таки все еще Америка, верно?

— Не та, которую я помню.

— Я тоже. Хочешь позвонить?

— Что?

— Только пообещай, что никому ничего не расскажешь. Иначе у меня будут большие неприятности.

— По вашему телефону?

— Ну да. Вот, бери. — Он снял телефон с пояса и просунул его между прутьями решетки. — Только один звонок, и побыстрее. Затем спрячь его. Или толкни по полу так, будто бы я обронил его. Через некоторое время я за ним приду.

— Вы серьезно?

— Ну, да. Беды-то не будет. Давай. Я устал. Ты приятная девочка. Я вернусь.

У Хлои руки тряслись, когда она забилась в угол спиной к двери.

«Они совсем душой меня считают? Наверное, эта штука вообще не работает, а если работает, то тут связь не берет».

Все равно попытаться стоило. Она не рискнула позвонить в убежище, полагая, что все это ловушка и звонки будут отслеживать.

Хлоя набрала номер отца. Сейчас он уже должен был вернуться в Петру.

Рэйфорд еще раз разбудил Кристелл, позвонив во дворец.

— Я подумал о вашей просьбе, — сказал он.

— О просьбе?

— Насчет глаз.

— Не надо шутить надо мной.

— Нет, я все думал и, наверное, знаю, какой парой вы можете воспользоваться. Помните, прямо перед тем, как я с вами заговорил, кто-то открыл дверь, затем захлопнул ее и убежал?

— Как забудешь такое? Вы меня тогда до смерти перепугали.

— Он тоже верующий и может видеть даже в Новом Вавилоне.

— Слушаю вас внимательно.

— Я, возможно, смогу уговорить его вернуться и помочь вам, когда остальные уйдут. Он сможет подсказывать вам, где что, выполнять для вас всякие дела.

— Какая вам в этом выгода?

— В ваших файлах могут оказаться сведения, которые я хотел бы знать.

— Даже больше, чем вы предполагаете.

— Понимаете? Он будет помогать вам несколько часов в день, вы даете ему доступ к тому, что поможет мне. Идет?

— А ему-то это зачем?

— Об этом я позабочусь. Я позвоню ему прямо сейчас и посмотрю, что удастся устро-

ить. Ладно, позвоню завтра. Нет смысла его будить.

— Интересно, почему это только я должна не спать в такой час?

— Извините. — Рэйфорд услышал, что к нему пробивается другой звонок. — Секундочку, Кристелл. — Он проверил номер звонившего. Местный код Сан-Диего, но номера он не знал. — Мне надо принять звонок. Если я сумею уладить нашу сделку, этот парень вам перезвонит.

Он два раза нажал кнопку, завершил один звонок и начал другой разговор.

— Стил слушает.

— Папа, это я.

— Хлоя!

— Пожалуйста, не перебивай. У тебя на телефоне еще есть это устройство для записи?

— Да, но...

— Включи. Прямо сейчас. Сделай это. Сделал? Включил?

— Да, но...

— Я знаю, что этот звонок будет отслеживаться, и после этого ваши телефоны станут бесполезны, но больше мне звонить некуда. Я в тюрьме в Сан-Диего, они пытаются заставить меня сдать остальных. Скажи Кенни и Бизону, что я их люблю всем сердцем и что, если нам не удастся свидеться в этой жизни, я буду ждать их на небесах. Папа, во всем виновата я одна, но я убежала от убежища на тридцать миль и, да, я хотела сказать тебе, что пока я в порядке. Просто сижу, предаюсь воспоминаниям о той замечательной по-

ездке в Колорадо с тобой и мамой, когда мне было шесть лет. Помнишь?

— Смутно, Хлоя, слушай...

— Папа, я не могу говорить долго. Очень важно, чтобы ты вспомнил ту поездку!

— Милая, но это же было больше двадцати лет назад! Я...

— Да! Но она особенная, и я хочу, чтобы все могли еще раз туда поехать. Если у меня и есть мечта, так это чтобы мы все попали туда как можно скорее.

— Хлоя...

— Папа, не надо. Ты знаешь, что они тоже слушают. Просто передай всем, что я их люблю и пусть молятся, чтобы я оставалась сильной до самого конца. Я ничего им не скажу. Ничего. И, папа, думай о поездке в Колорадо, чтобы я знала, что мы думаем об одном и том же в одно и то же время. Я люблю тебя, папа. Никогда не забывай об этом.

— Я тоже люблю тебя, дорогая моя. Я...

— Прощай, папа.

И она закончила разговор.

— Ты ведь должен быть бойцом, Джордж, — сказал Бизон. — А ты говоришь только о том, чтобы смыться.

— Я хочу, чтобы ты понял, Бизон, — я не виню тебя за все то, что ты успеешь мне наговорить, пока Хлоя не вернется в целости и

сохранности. А вот тогда я выскажу тебе все, что о тебе думаю.

— И она тебя урвет, — сказала Присцилла.

Бизон даже улыбнулся Джорджу. Его постоянно забавляло, как Присцилла безуспешно пытается поддержать или подправить юмор супруга. Просто сейчас Бизона ничто не могло успокоить. Его тесть подтвердил, где находится Хлоя, связавшись со своим человеком во дворце, а местную штаб-квартиру МС с налету взять было невозможно.

— Лучшее, что может получиться из этого, — говорил Себастиан, — что как только они узнают, кто она такая, она будет для них гораздо более ценной добычей, если останется живой.

Бизон понимал, что это так, но говорить о любимой женщине как о военном ресурсе было противно.

Сильно после полудня Минь привела Бет-Энн Себастиан и Кенни в тренажерный зал. Ри вскочил и неожиданно горячо обнял Минь. Бизон понимал, что его очень угнетало все, что случилось с Хлоей. Не передумает ли Ри после этого жениться?

Бет-Энн, красуясь, бегала от одного родителя к другому. Кенни, нахмурившись, подошел к Бизону и забрался к нему на колени.

— Спать хочешь, приятель? — спросил тот.

Кенни покачал головой:

— Я хочу к маме.

— Она придет попозже.

Мальчик закрыл глаза.

Бизон посмотрел на Присциллу, прикусил губу, не в силах сдержать слезы.

— Ненавижу себя, — одними губами проговорил он. Грудь его содрогалась. Кенни проснулся, но Бизон сунул голову ребенка себе под подбородок и крепко обнял его обеими руками, раскачиваясь на стуле и плача.

Присцилла подтолкнула Бет-Энн к отцу и наклонилась к Бизону:

— Не смей сдаваться, Бизон. Никто из нас не должен сдаваться.

* * *

Хлое хотелось бы позвонить всем, кого она знала, но ей надо было решить один небольшой вопрос. Все было слишком уж просто. Глобальная система навигации в телефоне ее отца покажет МС, где он находится в данный момент. Она полагала, что в Петре, но, судя по фоновым шумам, он был в воздухе. Сколько же они с Абдуллой проторчали в Новом Вавилоне, раз возвращались только сейчас? Как-то не совпадало. Конечно, им уже сообщили об ее исчезновении. Может, он возвращается домой. Она лишь могла надеяться, что он сумеет избавиться от телефона, оказавшись поблизости от Калифорнии. Меньше всего она хотела бы вывести МС на убежище.

Хлоя поднялась на цыпочки как можно выше и протолкнула телефон между прутья-

ми решетки. Он пролетел футов восемь прежде, чем упал на пол и разбился.

— Упс, — сказала она. — И это после того, как этот добрый человек доверил мне его.

Не прошло и минуты, как вернулся уборщик. Он был одет все так же, но на сей раз при нем не было никакого реквизита. Ни ведра, ни бытовой химии, ни тряпок. Улыбки тоже не было. Он опустился на колени, чтобы подобрать осколки.

— Спасибо за телефон. Это было очень предусмотрительно. Возможно, вы сумеете передать мне напильник в пироге или весточку моим людям. Извините за повреждения.

— Все в порядке, куколка, — сказал он, не глядя на нее. — Мы получили все, что хотели. Похоже, папочка только что вылетел с Ближнего Востока. Думаю, ему понадобится дозаправка. Надо будет предупредить все аэропорты. Зря ты не сотрудничаешь с Джокком. Он честный парень. Нет, правда. Не стану врать, что он от всей души беспокоится за тебя, но он реалист. Даешь ему то, что он хочет, а он платит настоящую цену.

— Тогда, друг, любым способом донеси до Джокка, что я готова на сделку. Я скажу ему все, что он хочет, поскольку знаю теперь, что он честный. В смысле, ты мне об этом сказал, а мы с тобой очень давно знакомы, чтобы я полностью тебе доверяла.

— Хами сколько хочешь, малышка. Ничего хорошего из этого не выйдет. Да, кстати, Найджел получил твой питательный батончик. Сказать ему, что ты голодна?

Хлоя села на металлической койке. Она была жутко голодна, но гордость все же была пока сильнее голода.

— Не-а. Я плотно позавтракала. Больше просто ничего в горло не лезет.

— Тогда, может, телевизор хочешь посмотреть?

— Избавьте меня от этого удовольствия. Я сыта вашей пропагандой по гроб жизни.

— Но сейчас будут новости.

— О да, и это будут новости от чрезвычайно объективной новостной сети Мирового Сообщества. Эй, хватит! И так слышно!

Он не слушал ее, включил на полную громкость и пошел к дверям.

— Сделайте потише! Сэр!

— Я тебя не слышу, — ответил он. — Телевизор говорит слишком громко!

Видимо, Джок распланировал все. В пять начались новости, Аника Янссен вела прямой эфир из Детройта.

— Добрый вечер. Тьма продолжает окутывать штаб-квартиру Мирового Сообщества в Новом Вавилоне. Но эта напасть ограничена пределами города, и мы уверены, что это акт диверсии со стороны противников нового мирового порядка.

Глава департамента безопасности и разведки МС Сухайль Акбар недавно разговаривал с нами по телефону из осажденного города. Несмотря на беспорядки, он сообщил нам хорошие новости, главные новости нашего вечернего эфира.

— Да, Аника, — сказал Акбар, — после многомесячного планирования и сотрудничества между различными правоохранительными отделениями Мирового Сообщества мы можем с радостью вам сообщить, что объединенная оперативная группа из представителей как миротворцев, так и блюстителей нравственности успешно арестовала одну из самых опасных иегудаитских террористок в мире.

Арест был совершен сегодня незадолго до рассвета в Сан-Диего после многомесячной разработки операции. Я не хотел бы вдаваться в детали, но подозреваемая была обезоружена и арестована без потерь с нашей стороны. Ее имя — Хлоя Стил Уильямс, двадцати шести лет, бывшая активистка левого студенческого движения в Стэнфордском университете в Пало-Альто в Калифорнии, откуда она была отчислена шесть лет назад за угрозу жизни администрации.

— Благодарю вас, директор Акбар. Мы также узнали, что миссис Уильямс также является дочерью Рэйфорда Стила, который некогда служил Мировому Сообществу и был личным пилотом потентата Николае Карпати. Его уволили несколько лет назад за неподчинение приказу и пьянство на службе, и разведка МС уверена, что именно обида привела его в ряды международных террористов. Он подозревается в участии в заговоре с целью убийства потентата Карпати и известен как приятель бывшего израильского государственного деятеля и одного из лидеров

иегудайтов доктора Хаима Розенцвейга. Оба входят в состав кабинета Циона Бен-Иегуды, главы иегудайтов, последнего оплота сопротивления новому мировому порядку.

Миссис Уильямс также является супругой Кэмерона Уильямса, в прошлом знаменитого американского журналиста, который тоже работал лично на потентата прежде, чем потерял работу в результате расхождения с политикой руководства. Сейчас он издает подрывной интернет-журнал, а также его печатную версию для узкой аудитории.

Уильямс, его жена и ее отец были объявлены в международный розыск в связи с обвинением в более чем тридцати убийствах по всему миру. Сама миссис Уильямс возглавляет международную подпольную торговую сеть, которая занимается хищениями товаров на миллиарды ников и распространяет их по просто неприличным ценам среди тех, кому запрещено легально покупать и продавать товары из-за их отказа выразить верность потентату.

Уильямсы, которые нажили состояние на контрабандной торговле, имеют одного ребенка после того, как миссис Уильямс дважды сделала аборт, а старшая ее дочь погибла при невыясненных обстоятельствах. Сыну, которого они называли Джебзус Сальватор Уильямс, — вы видите его на этом снимке — сейчас два года. Осведомленные люди сообщают, что Уильямсы верят в воскрешение Иисуса Христа, который якобы однажды победит Николае Карпати и вернет мир на стезю христианства.

Хлоя посмотрела на малыша, который явно не был Кенни Брюсом. Малыш держал на коленях раскрытую Библию и был одет в футболку с надписью «Убей Карпати!».

— Директор Акбар сообщает, что его люди выследили лидирующую ячейку иегудаитов в Северо-Американских Соединенных Штатах. Она находится где-то в Сан-Диего, где, видимо, сейчас и скрывается мистер Уильямс. Местные оперативники МС говорят, что арестованная уже «поет, как птичка, выдает всю информацию о своих соратниках и даже о собственной семье, чтобы избежать смертного приговора».

— С нами на связи репортер Си-эн-эн МС в Сан-Диего Сью Уэст, с ней полковник Джонатан Джок Эшмор. Сью?

— Спасибо, Аника. Полковник Эшмор, насколько важным вы считаете этот арест?

— Его невозможно переоценить, — сказал Джок, нервно одергивая форменную куртку, которая едва прикрывала его брюхо. — Миссис Уильямс оказалась типичной террористкой, которая знает, когда пора начинать торговаться за жизнь. Когда она осознала, что ее опознали, и мы сообщили ей обо всех обвинениях против нее, она уже через несколько минут начала предлагать различную информацию, чтобы спасти свою шкуру.

— Вы можете сказать, в чем именно состоит эта информация?

— В целом нет, хотя она уже просит о возможности вписать своего сына в юношеские силы МС как можно скорее. Она выдала

местоположение мелкого дельца ближневосточного теневого рынка из Аль-Басры, который носил кличку по имени этого иранского города.

— Мне кажется, это в Ираке, полковник, но продолжайте.

— Что?

— Аль-Басра находится в Ираке, сэр.

— Да где бы то ни было. Короче, этот тип застрелился, чтобы избежать ареста.

— Мы сейчас покажем вам фотографию покойного Аль-Басры, — сказала Сью Уэст, — но мы предупреждаем вас, что картинка очень четкая.

Хлоя поднялась и уставилась на фото. На ней она увидела Альби с черной дыркой между глаз. Под его головой натекла лужа крови. Это был он, точно. Но было ли это на самом деле или все же инсценировка?

Хлоя закричала:

— Джок! Джок! Найджел! Позовите Джокка!

Ее крики превратились в рыдания, и она крикнула:

— Это правда? Я хочу знать, правда ли это! Альби мертв? Скажите мне, что он жив!

Но никто не пришел. Никто ей не ответил. И под громкий ор телевизора Хлоя, упав на пол, зарыдала:

— Господи, пожалуйста, пусть это будет не так!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— У меня есть приятель во Флориде, — сказал Мак. — В Джексонвилле. Парень из взаимопомощи. Можем подзаправиться там, чтобы не светиться в обычных местах.

— А я суну этот телефон под шасси прежде, чем мы взлетим, — сказал Рэйфорд. — Что им делать с обломками металла и пластика, вдавленными в асфальт?

— Может, лучше утопить? В океане за минуту утонет.

— Так что мне сделать, Мак, открыть окно и выбросить за борт?

— Не-а. Мы вот какую штучку проделывали в армии, когда хотели что-то затопить, сбрасывая с высоты. Закрепляешь телефон в гнезде воздушного тормоза, которое на земле, конечно, закрыто. При взлете активируешь воздушный тормоз...

— И панель открывается. Красиво.

— Да, — ответил Мак. — Взлетаешь, набираешь скорость, активируешь тормоз, и телефон летит в голубую бездну.

— Не хочу тратить время.

— Дай мне эту штуку. Займет секунд шестьдесят.

— Сначала я сделаю копию сообщения Хлои. Она ведь что-то пыталась мне сказать, я уверен.

— Сейчас мне все равно уже почти пора сдавать тебе управление, Рэй. Как только закончишь, поменяйся со мной местами, и я займусь этой штукой.

* * *

Чань прибыл в Петру среди дня, и Наоми предложила провести для него обзорную экскурсию.

— Я скажу в компьютерном центре, чтобы нам сообщили, как что-нибудь узнают о Хлое, — сказала она, — но я не хочу, чтобы ты туда сейчас ходил, ладно?

Он пожал плечами.

— Абдулла сказал, чтобы твои вещи перенесли в твое новое жилище, неподалеку от его собственного. Он отведет тебя туда, чтобы ты начал обустраиваться, а потом приду я и покажу тебе все вокруг.

Чань четко решил, что не позволит никому сразу же сводить его с кем бы то ни было, особенно с Наоми. Она еще почти подросток.

Это нормально, ему самому только двадцать. Она бесспорно очень умна и прекрасно разбирается в технике, и им придется еще больше года работать бок о бок. Зачем усложнять ситуацию?

И все же... она была такая милая. Оливковая кожа и манящие темные глаза в обрамлении длинных черных волос. Чань просто не мог глаз отвести. У нее была прелестная застенчивая улыбка, и она казалась такой дружелюбной и бескорыстной. У него никогда не было девушки, разве что в институте он посматривал на некоторых, но он никогда не осмелился бы им открыться.

Когда они с Абдуллой шли к заранее сооруженному специально для Чаня жилищу, все, кто попадался им навстречу, здоровались с Абдуллой как знакомые, и Абдулла всем представлял Чаня. С Чанем обращались как с принцем крови, но ему было так стыдно за клеймо Карпати, что он глубоко надвинул на лоб бейсболку. Ему инстинктивно хотелось каждый раз снять ее и поклониться, но он не мог.

— Это наш человек во дворце! — так называл его Абдулла, и люди обнимали его, пожимали руку, многие благословляли его.

Для Чаня это было словно преддверие рая.

— А есть ли у меня хоть какой-то шанс увидеть доктора Бен-Иегуду и доктора Розенцвейга? — спросил он.

— Ой, извини, — сказал Абдулла. — Я же должен был тебе сказать! Они приносят свои глубочайшие извинения за то, что не смогли тебя встретить как подобает. Они сейчас на

встрече со старейшинами по поводу исчезновения Хлои, чуть позже у них будет совещание.

— О да, здорово. Спасибо, мистер Смит. Мне надо кое-что обсудить с доктором Бен-Иегудой.

— Мне кажется, что отец Наоми тоже будет рад встретиться с тобой.

По тону Абдуллы Чань понял, что тот вкладывает в эти слова особый смысл, но не стал заглатывать приманку.

— Хорошо, я и с ним встречусь.

Когда они дошли до домиков, которые доставила и собрала команда под руководством Лайонела Уолума, Абдулла первым делом показал Чаню свой собственный.

— Как видишь, я люблю жить близко к земле. Я сижу у костра, когда ем свою манну. А внутри я сплю на полу. Это моя личная привычка, но это не обязательно. Твое жилье будет не сильно меньше того, что у тебя было во дворце, но попроще и поскромнее.

— Замечательно, — сказал Чань, когда они пришли. Его пожитки лежали рядом с койкой, а компьютер и коробки с дисками стояли у двери. — Сегодня ночью буду спать, как свободный человек, и тревожить меня будет только благополучие моих братьев.

— Я тебя оставляю, пока устраивайся. Если что понадобится, мой домик отсюда видно. Тебе надо что-нибудь?

— Только одно. Я немного беспокоюсь насчет манны. Кто-нибудь ею занимается?

— Да, конечно. Я уверен, что она тебе понравится. Ты только представь, нас угощает сам Царь! Да, конечно, это просто пропитание, да, это просто хлеб. Но он — с небесной пекарни! Разве это не великолепно! Мы получим пищу как раз перед закатом, так что ты поймешь, по нраву тебе манна или нет, еще до того, как придешь завтракать с докторами Бен-Иегудой и Розенцвейгом.

Через полчаса, когда Чань устроил в своем домике все, как ему было по вкусу, он услышал стук в дверь.

— Входите! — сказал он, но никто не вошел. Когда он подошел к дверям, то сказал: — Открыто!

Все равно никто не вошел.

Он открыл дверь. Там стояла Наоми.

— Входи, входи же!

— Нет, я не должна. По нашим обычаям, это неприлично.

— Извини.

— Ничего, научишься. Идем, я покажу тебе Петру.

— О Хлое пока ничего не известно? — спросил он, когда они вышли наружу.

Она покачала головой.

— Ты сам знаешь, добром это не кончится.

— Этого я и боюсь, — сказал он. — Но будем надеяться и молиться.

Наоми объяснила, что город так сильно разросся, что за день не обойдешь.

— У нас возле техцентра стоят квадроциклы. Давай я сначала покажу тебе сокро-

вищницу, затем несколько гробниц — их тут много. А потом я хотела бы тебе показать высотку, куда попала ракета, и там до сих пор бьет источник, давая воды столько, что хватает напоить миллион людей в день. Если я не ошибаюсь по времени, то скоро солнце начнет садиться, и мы можем наслаждаться манной, запивая ее водой прямо из источника!

Чань не привык так много ходить и забираться на высоту, так что был рад, когда они, наконец, добрались до квадроциклов. Он был потрясен красотой архитектуры Петры, поражаясь, как же люди могли выточить такие строения прямо в твердом камне.

Когда они, наконец, добрались до гребня, откуда низвергался поток, растекаясь по цистернам и акведукам и снабжая весь город, Наоми заглушила мотор и знаком велела Чаню сделать то же самое.

— Хочешь пить? — сказала она.

— Постоянно. Но я все пытаюсь привыкнуть не беспокоиться, смотрит ли кто на меня.

— Даже не представляю, как это. Хочешь напиться из моих ладоней?

Чань, обычно скорый на ответ и непочтительный, только улыбнулся:

— Если это не против ваших обычаев.

Она опустила на колени, погрузила ладони в ручей, отряхнула их. Чань сделал то же самое. Она подвела его как можно ближе к центру источника.

— Готов? — сказала она.

Он кивнул, и она погрузила сложенные чашечкой ладони в воду и поднесла их к его подбородку.

— Не тяни, — рассмеялась она. — Мои руки не водонепроницаемые!

Он склонил лицо и сделал большой глоток. Горло пересохло, оказывается, сильнее, чем он думал, и хотя вода была всего на несколько градусов холоднее воздуха, она показалась ему почти ледяной. Он закашлялся, засмеялся и сказал:

— Еще!

Он снова выпил из ее ладоней, и она сказала:

— Теперь моя очередь.

Чань сложил руки ковшиком и напоил ее.

— Достаточно? — спросил он, когда его ладони опустели. Она кивнула, и он взял ее лицо в ладони и стер пыль из-под ее сияющих глаз. Раскрыл ладони и пригладил ее волосы.

Наоми закрыла глаза и подняла лицо к садящемуся солнцу, раскинула руки и подняла их ладонями кверху.

— Манна нисходит, Чань. Прими же свой хлеб нынешний из рук Господа.

Чань отступил на шаг, поднял голову и протянул руки, когда с неба хлопьями вдруг стал падать мягкий хлеб, засыпавший все вокруг. Внизу миллион людей вышли из домов с банками и корзинками, собирая себе еду на ужин.

— Прямо как в Библии, — сказала Наоми. — Мы должны взять сколько нужно, но

не хранить. Она испортится, а мы выкажем недостаток доверия к Господу, Который обещал нас кормить каждый день.

Чань сел, держа в горсти манну.

— А вы просите Господа благословить пищу, которую Он только что сам и дал? — спросил он.

Она рассмеялась.

— А ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Да, пожалуйста. — Он быстро снял бейсболку, и она начала:

— Возносим нашу смиренную хвалу Господу Авраама, Исаака и Иакова и Отцу нашего Владыки и Спасителя Иисуса Христа за все, что Он дает нам.

Ее юный голос был так чист и нежен, а слова так совершенны, что у Чаня лицо сморщилось от внезапно нахлынувших слез.

— Спасибо Тебе за то, что наша миссия сегодня удалась и Ты позволил нам привезти Чаня сюда. Пусть он обретет в Тебе мир и покой. Именем Иисуса мы просим Тебя благословить пищу нашу, которую Ты нам посылаешь. Аминь.

Заливаясь слезами, Чань отвернулся и снова натянул бейсболку. Он сидел, держа в руке теплую манну, не в силах есть из-за рыданий.

— Благослови тебя Бог, Чань, — сказала она. — Благослови тебя Бог.

Он взял себя в руки и вытер лицо свободной ладонью.

— Не жди меня, — сумел выговорить он. — Ешь.

— Легко, — сказала она. — Мне эта еда никогда не надоедает.

— На что она похожа? — спросил он.

— Нет уж, я тебе не буду говорить. Я знаю только, какова она на вкус для меня.

Чань взял пару маленьких хлопьев из руки и положил на язык.

— Ну? — спросила она.

Он был ошарашен.

— О, — сказал он. — О!

— Это все, что ты способен сказать?

Он съел еще несколько зараз.

— О!

— Как понимаю, тебе понравилось.

— Чувствую мед. Мед точно есть.

— Да.

— Почти как печенье, такие сладкие лепешечки, знаешь? И такое сытное! Я еще хочу, хотя уже наелся.

— Представляешь, — сказала Наоми, — все, что нам нужно для того, чтобы не чувствовать себя голодными двенадцать часов, укладывается в три такие порции!

— Чудо!

— В книге Исход, глава 16, стих 31 говорится: «И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом».

— Ничего себе! — сказал он. — Ты знаешь весь Ветхий Завет наизусть?

Она рассмеялась:

— Едва ли. Но, понимаешь ли, с самого детства я называла это не Ветхим Заветом. Это была моя Библия. Я читала ее каждый

день. И до сих пор читаю, но сейчас это совсем другое, теперь я действительно знаю Бога.

— Я тоже заучил Писание, — сказал Чань. — Но у меня никогда не было Библии. Я вырос атеистом, так что пришлось читать ее из Интернета.

— Но ведь все равно заучил?

— А разве не все ее так учат? В смысле, один только доктор Бен-Иегуда напоминает нам ее пять раз в день своим посланиями.

— И что ты заучил?

— Новый Завет. Евангелие от Иоанна. Дошел до третьей главы. Я медленно запоминаю.

— Но ведь запомнил до этого момента? — сказала она. — Здорово.

— Ну да, наверное. Но ты меня не проверяй. То есть можешь проверить по главе третьей, потому что я как раз ее читаю, но...

Он осекся. Чень мог бы просидеть рядом с Наоми ночь напролет, но она встала и сделала еще глоток из источника.

— Давай я тебе кое-что покажу, — сказала она, протянув к нему руку. Он подал свою, и она подняла его. — Видишь мою одежду?

Он пожал плечами и кивнул. Видел ли он ее платье? Да он целый день глаз с нее не сводил. Он не знал, как это назвать. Это скорее можно было бы назвать одеянием, а не одеждой. Такое, по его представлению, носили женщины в библейские времена.

— Я здесь только его и ношу. Я получила его, когда мы приехали.

— Выглядит как новенькое.

— Я стираю его каждый вечер, а поутру оно совсем новое, как милосердие Господне.

— Прямо как в том стихе?

— Да. Отец только это разрешил мне носить после того, как мы пережили бомбардировку.

— И ты с тех пор его носишь?

— Мы были среди первых прибывших.

— Как это было?

— Как во сне, Чань. Я даже представить не могу, что это все и правда было.

— Что это за стих?

— Плач Иеремии, глава 3, стихи 22—24: «По милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро; велика верность Твоя! Господь часть моя, говорит душа моя, и так буду надеяться на Него».

— Это прекрасно.

— Правда? Да, я обещала папе, что мы будем в техноцентре не позже заката. Он рядом с амфитеатром, так что надо поторопиться.

— А ты расскажешь мне свою историю? — сказал он.

— Конечно. И твою хочу услышать. Может быть, завтра после завтрака?

Чаню техцентр показался точно таким, как он ожидал увидеть, только как-то не сочетались компьютеры со зданием, вырезанном прямо в скале. Однако к тому времени он куда больше был очарован Наоми, чем «железом» и программами.

— Ты сможешь найти дорогу домой? — спросила она. — Мы тут рано ложимся и встаем с рассветом.

— Могу, но лучше бы меня кто-то проводил, — сказал он. — Мне кажется, мне еще разок понадобится провожатый, понимаешь, ведь это мой первый вечер в этом месте.

— Я найду тебе провожатого. Подожди.

— Наоми! — сказал он. — Я шучу. Конечно, я найду свой домик. Просто мне хотелось, чтобы ты меня проводила.

— В наших обычаях...

— Понятно, неприлично. А если я тебя провожу?

— Это приемлемо и даже благородно. Мой отец ждет меня, и когда я вернусь, будет уже темно. Он оценит, если ты будешь меня провожать.

Как и Абдулла, отец Наоми разводил маленький костерок перед домом. Это был высокий, полный человек с густой курчавой бородой. Чань робко подошел к нему, снял в темноте бейсболку и поклонился.

— Чань Вонг, — представился он.

Отец Наоми схватил его за плечи и прижался щекой к правой щеке Чаня, потом к левой.

— Елеазар Тибериас, — сказал он глубоким звучным голосом. — Возможно, ты знаешь озеро, по имени которого я ношу фамилию.

Чань почесал затылок и посмотрел на Наоми, что чрезвычайно развеселило и ее, и ее отца.

— Я столько слышал о тебе, юноша, — сказал старейшина. — Я рад, что ты ухаживаешь за моей дочерью, и мне очень хочется познакомиться с тобой поближе.

Чань шел домой, глубоко вдыхая свежий ночной воздух. Костерок Абдуллы уже дотлевал, одежда Чаня пропахла дымом. Он чувствовал себя таким свободным, таким счастливым, таким влюбленным, что не думал, что сумеет заснуть. Он опустился на колени возле койки, едва понимая, о чем будет молиться. Он пытался припомнить то, что говорила Наоми, но вспомнить мог только «велика Твоя верность», и он все повторял эти слова, ложась в постель. Сквозь открытое окно он видел небо, такое чистое, что он мог бы разглядеть любую звезду во Вселенной. Но через шестьдесят секунд он уже не видел ничего — разве что Наоми в своих снах.

* * *

Мак изучал записку Рэйфорда.

— Ты ведь записал каждое слово разговора, верно?

— Я не знаю, что дальше делать, — сказал Рэйфорд. — Ясно, что ключ в той поездке в Колорадо.

— Что ты о ней помнишь, Рэй?

— Она была давно, Мак. Обычная летняя поездка с маленькими детишками. Рэйми тогда еще не родился. Нас было только трое.

— Да, но после того, как она говорит тебе, что надо передать Кенни и Бизону, она упоминает что-то насчет собственной вины. А потом еще про этот бег трусцой, она же не могла говорить серьезно?

— Про тридцать миль от дома? Нет. Конечно, она пыталась сбить МС со следа, но они вряд ли на это клюнут.

— Она пообещала, что ничего не скажет, и, знаешь ли, я верю ей на все сто.

— Я тоже. Из Хлои они ничего не вытянут.

— Значит, она сказала, что поездка была особенная и что она хотела бы, чтобы мы все могли еще раз туда попасть. Но ты говоришь, что вас было только трое?

— Верно. Значит, что — она хочет, чтобы все из Сан-Диего перебрались в Колорадо?

— Не может быть, — сказал Мак. — Она сама сказала, что знает, что эмэсовцы ее подслушивают. Но ведь она говорит: «Если у меня и есть мечта, так это чтобы мы все попали туда как можно скорее». Куда именно в Колорадо вы ездили, Рэй?

Рэйфорд покачал головой.

— Не помню. А ты там бывал?

— Много раз, — ответил Мак. — В каких городах вы были?

— Думаю, только в Спрингз и Денвере.

— А на фуникулере поднимались?

— Да, на Пайкс-Пик.

— Туда, где такие скальные образования?

— Ну да, Сад Богов.

— А на ранчо?

— Конечно, как же без него?

— Академия ВВС?

— Мы туда хотели попасть, но времени не хватило. Мы на концерт собирались.

— Где?

— Возле Денвера. И уж действительно очень «возле». Казалось, мы вечно будем ка-

рабкаться наверх, мне пришлось взять Хлою на руки. На такой высоте я еле дышал.

— Красные Скалы?

— Да! Именно там. Концерт кантри-музыки. Хлое очень понравилось.

— Ты понял, Рэй?

— Что понял?

— О чем она пыталась тебе сказать.

— Нет, но зато ты, похоже, понял, Мак. Говори.

— Красные Скалы.

— Ну, я так и сказал.

— Ох-ох-ох...

— О! Петра! Эмэсовцы вот-вот накроют убежище, и нам надо перевезти наших людей в Петру.

* * *

Утром Абдулла повел Чаня туда, где каждый день держали совет старейшины. Повсюду землю покрывала свежая манна, и многие собирали себе ее на завтрак.

— Сегодня я с тобой не останусь, — сказал Абдулла, — я нужен мисс Наоми в компьютерном центре. Она сказала, что ты можешь прийти и помочь, когда освободишься.

— Есть проблемы?

— Боюсь, да.

Чань остановился. Абдулла говорил так печально, так зловеще.

— В чем дело?

— Я не хочу, чтобы ты пропустил завтрак, Чань.

— Пропустил завтрак? Я встречусь с моими героями, я здесь, я могу ходить куда хочу, делать что угодно, и все равно есть какие-то вести, которые могут испортить мне весь день?

— Пожалуйста, поспеши. Не надо опаздывать.

— Мне надо знать, мистер Смит. Не говорите, что это касается Хлои Уильямс!

— Она пока жива, и если не считать того, что новостные каналы Мирового Сообщества распространяют по всему миру о ней самую чудовищную ложь, все считают, что эмэсовцы не казнят ее до тех пор, пока будут надеяться выбить из нее информацию.

Чань покачал головой. Они продолжали идти.

— Значит, лучше, если она будет делать вид, что готова сдать или хотя бы изображать, что она думает над тем, что бы им такого выдать, а не показывать с самого начала, что не будет сотрудничать.

— Ты встречался с миссис Уильямс?

— Конечно, нет.

— Но ты говорил с ней по телефону и через Интернет, чтобы понять...

— Что она за человек. Да она не только ничего не выдаст, она с удовольствием им это скажет в лицо.

— Я боюсь, — сказал Абдулла, — что эта откровенность снизит ее потенциальную ценность в глазах МС и укоротит ее жизнь.

— Но ведь отряд Скорби в Сан-Диего наверняка готовит налет!

— Не знаю. Зная Кэмерона, могу только предположить, что он едва сдерживается от того, чтобы не вломиться туда в одиночку. Джордж Себастиан способен возглавить налет, и он очень для этого подходит, но это не шайку дураков в лесу распугать, как в Греции. Наверняка эмэсовцы в Сан-Диего как раз такого и ждут.

— Вы ведь не все мне сказали, мистер Смит?

— Я должен оставить что-нибудь и для Наоми, она ведь тоже жаждет поделиться с тобой новостями.

Чань остановился и положил руку на плечо Абдуллы.

— Простите мою фамильярность, но нет смысла утаивать информацию. Пожалуйста, расскажите, я должен знать. Я не хочу попасть туда неподготовленным.

Абдулла очень внимательно смотрел себе под ноги. Нагнулся, поднял горсть манны, но есть не стал, просто держал в руке.

— Новости Си-эн-эн говорят, что Хлоя сдала Альби и что он совершил самоубийство, чтобы его не взяли.

— Да ладно, мистер Смит! Мы же знаем, что это вранье. Она бы никогда...

Абдулла взял Чаня за локоть и повел вперед.

— Никто не подозревает в этом Хлою, и все, кто знает Альби, не верят, что он мог застрелиться.

— Тогда в чем пробле?..

— Это свидетельство того, что Альби может быть мертв. Мистер МакКаллам очень привязан к нему, ты сам это знаешь, и когда он узнал об этом, он уже несколькими способами пытался связаться с Альби.

— Это может быть совпадение. Вдруг он телефон забыл? Может, он...

— Он никогда не выходит без телефона. Мак всегда мог связаться с ним.

— Но Мак и капитан Стил должны быть сейчас в Сан-Диего. Может, спутниковая связь на таком расстоянии барахлит и...

Теперь остановился Абдулла.

— Мы почти на месте. За следующим поворотом тебя ждут доктор Бен-Иегуда и Розенцвейг. Господин Тибериас представит вас и будет присутствовать на завтраке. Мы здесь едим недолго, поскольку еда у нас одна, и запиваем мы ее водой из источника.

— Спасибо, мистер Смит. Я все же буду надеяться, что Альби еще позвонит.

— Ладно, если ты хочешь знать... По телефону Альби отозвались на вызов. Но это не был Альби. Как ты знаешь, он был на опасном задании и, наверное, сделал смертельную ошибку, отправившись туда в одиночку. Тот, кто ответил Маку, сказал, что если он хочет повидать своего дружка, то пусть смотрит новости. Мы посмотрели и записали, Чань. Наоми покажет тебе все после завтрака. А теперь иди.

* * *

Девять утра, Сан-Диего. Хлоя лежала, рыдая, на стальной койке в своей камере. Когда солнце зашло, комната погрузилась в темноту, и источником света остался только телеэкран на стене. Никто к ней не заходил с тех пор, как ушел лжеуборщик, забрав останки телефона. Она прослушала новости о себе еще раз десять, потому что выбора просто не было. Но смотреть еще раз она не стала.

На вранье ей было наплевать. Ни один иегудайт не поверит в это, а если и так, то Бизон все разъяснит в очередном выпуске «Истины». Но Альби, бедный, дорогой Альби! Она молилась и надеялась, чтобы это тоже оказалось ложью, но как они могли так быстро состряпать такое жизнеподобное изображение убитого, так похожего на него?

Хлоя не ела с семи вечера прошлого дня. Она подтянула колени к подбородку и обхватила их руками. Она раскачивалась. Пыталась успокоить боль в желудке. Она пыталась утешиться, представляя себе операцию, которую Джордж, Бизон и ее отец наверняка планируют в эту самую минуту.

Хлоя пыталась не думать о Кенни. Она так хотела к нему, что у нее даже руки заныли. Увидит ли она его когда-нибудь? Что Бизон ответит ему, когда их сын спросит, где мама? Кто позаботится о Кенни, когда Бизон будет уходить?

Притупит ли сон ощущение голода, и сможет ли она вообще уснуть? Она достаточно много узнала о таких вещах от Джорджа и понимала, что любая попытка освободить ее должна случиться тогда, когда эмэсовцы меньше всего будут этого ожидать, так что придется подождать несколько дней, а то и дольше. Придется научиться спать. Хлое надо сохранить трезвый рассудок, как бы с ней ни обращались.

С воцарением Николае Карпати любые подобия прав заключенных давно были забыты. «Вот так. До конца истории остался год, а меня могут пристрелить прямо в камере за отсутствие клейма».

Одинокая, голодная, в тоске по любимым, горя по Альби, Хлоя закрыла глаза в темноте, прикрыла уши и стала напевать себе под нос, чтобы заглушить телевизор. Именно потому она и не услышала, как пришла надзирательница, пока та не оказалась прямо в камере. Хлоя вздрогнула и села, испуганная массивным силуэтом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отец Наоми приветствовал Чаня, как накануне вечером, прижавшись щекой к щеке. Чань снова поклонился, но бейсболки при свете дня он снимать не стал.

— Мудрый поймет, — прогудел старейшина Тибериас ему прямо в ухо во время объятия, — что почти во всех культурных традициях считается приличным снимать головной убор в присутствии старших.

— Простите, сэр, — пробормотал Чань, — но если я ее сниму, то для меня это будет позором.

Елеазар Тибериас прикрыл глаза и понимающе кивнул, словно вспомнил, что ему говорили о двойной печати Чаня.

— Я понимаю. Он потянулся за корзинкой с манной. — Доктор Бен-Иегуда будет через несколько минут, а пока позволь, я представлю тебя доктору Розенцвейгу.

Чань последовал за этим крупным мужчиной в его жилище, где с изумлением увидел маленького Хаима Розенцвейга, который был больше похож на Альберта Эйнштейна, а не на легендарного Михея, который выступил против потентата. Розенцвейг пробыл в Петре достаточно долго, чтобы его волосы снова успели отрасти, цвет его лица вернулся к нормальному, и он снова стал самим собой.

Розенцвейг вскочил на ноги — прямо-таки живчик для своего возраста.

— Значит, вы и есть Чань Вонг, наш гениальный агент в стане врага!

— Ну, я...

— Не надо скромничать, мой юный друг! Господь руководит вами. О, и как же замечательно Он через вас действует! Какая же великая награда ждет вас на небесах! — Он схватил руку Чаня и прижал к своей груди. — Идем, подождем доктора Бен-Иегуду снаружи. Елеазар, идите с нами. Доктор Бен-Иегуда, как вы знаете, здешний лидер, хотя он намного моложе меня. О да, как минимум на двадцать лет! Он много лет назад учился у меня. Это правда. Ладно, мистер Вонг, добро пожаловать, привет вам, привет! Жаль, что вы встретились с нами в день печали, когда мы оплакиваем потерю одного из наших братьев и пленение нашей сестры, но мы рады, что вы с нами.

Вдалеке Чань увидел приближающегося Бен-Иегуду. Его окружали еще несколько старейшин, и шли они от техцентра.

Доктор Розенцвейг заверил:

— Эти люди не будут с нами завтракать, и они не телохранители. Тут таковые просто не нужны. Но доктор Бен-Иегуда настолько популярен и любим, что, если вокруг него не будет старейшин, он же никогда никуда не дойдет. Все хотят, чтобы он уделил им хоть минутку времени, но эти минутки имеют тенденцию накапливаться. Они просто хотят выразить свою благодарность и любовь, но у него много дел, а график очень плотный.

— Для меня большая честь, что он уделяет мне немного своего драгоценного времени, — сказал Чань. — Я ведь, как и все, просто хочу урвать у него минутку.

— О, поверьте мне, мой юный друг, я хорошо его знаю, он очень ждал встречи с вами.

Старейшины разошлись, когда доктор Бен-Иегуда подошел.

— Прошу прощения, что мне пришлось отложить встречу, да еще и на эту я опоздал, — сказал он. — Но тут я ничего не мог поделать. Итак, представь меня нашему самому новому брату.

Елеазар Тибериас громко хмыкнул, когда доктор Розенцвейг сказал:

— О, я уверен, что ты знаешь, кто это. Доктор Цион Бен-Иегуда, позвольте вам представить Чаня Вонга.

Доктор Цион Бен-Иегуда, вместо традиционного еврейского приветствия, сначала поклонился в ответ Чаню, затем шагнул к нему и крепко обнял юношу.

— Садись, садись, — сказал он. — Садись прямо между доктором Розенцвейгом и

мной. Знаешь, много лет назад он был моим профес...

— Я уже обо всем ему рассказал, Цион, — перебил его Хаим. — Давай помолимся и поедим.

Цион наклонился вперед и прошептал, хотя и достаточно громко, чтобы Хаим тоже слышал.

— Старики такие нетерпеливые!

Цион взял Чаня за руку и потянулся к Хаиму, чтобы тоже взять его за руку.

— Елеазар, присоединяйся к нам, дай свою руку!

Когда все четверо взяли за руки, доктор Бен-Иегуда поднял лицо, и Чань склонил голову.

— Отец Всевышний, Творец, Господь и друг наш, — начал он, — начиная очередной наш день на пути к Явлению во Славе Господа нашего и Спасителя, мы благословляем Твое имя. Благодарим Тебя за наш нынешний хлеб. Смиренно думаем мы о том, какими были всего несколько лет назад. Тибериас был бизнесменом и глубоко религиозным человеком. Доктор Розенцвейг был государственным деятелем, ученым и агностиком. Я изучал Библию, но был слепцом и не видел истины. А мистер Вонг был блестящим юным атеистом. Кто, как не Бог, дал нам второй шанс и искупил наши грехи драгоценной кровью Сына Своего? Мы восхваляем имя Его.

Цион протянул корзинку с манной Чаню, который взял оттуда небольшую горсточ-

ку. Все старшие взяли порции побольше, и Цион сказал:

— Позвольте мне показать вам, как я ем мою ежедневную пищу. Я рад, что теперь я не трачу столько времени на прием пищи, как прежде, хотя, должен признать, бывают дни, когда я жалею обо всем, что было с этим связано.

Он немного встряхнул манну в правой ладони, легко обхватил ее пальцами и сложил указательный и большой пальцы кружком.

— Правда, похоже на кедровые орешки? — сказал он, улыбаясь, и постучал согнутым большим пальцем по подбородку, засыпая в рот лепешечки. — Всего горсточка, — говорил он, жуя, — и я уже сыт!

Господин Тибериас встал и собрал остатки в корзинку, затем бросил их на ветер, и они рассыпались по земле.

— Скажите мне, доктор Бен-Иегуда, — заговорил Чань, — про Альби все правда?

— Что он мертв? Боюсь, да, — сказал Цион. — Но чтобы он с собой покончил — в это никто не верит.

Через несколько мгновений Хаим сказал:

— Цион, нам надо идти.

— О, сэр, — заговорил Чань, — я не смел спросить, потому что мне все говорят, что вы заняты и что всем хочется урвать кусочек вашего драгоценного времени...

— Перестань, Чань. Мы так тебе обязаны. Спрашивай, что угодно, и если я смогу выполнить твою просьбу — я выполню.

— Мне нужна лишь минута наедине. Не обижайтесь, доктор Розенцвейг.

— Я и не обижаюсь. Мы с Тибериасом пойдем готовиться к собранию.

Цион завел Чаня за выступ скалы.

— Что я могу сделать для тебя?

Чань снял бейсболку и открыл вытатуированное на лбу цифру 30 и тонкую розовую полоску там, где был вживлен биочип Мирового Сообщества. Он увидел жалость в глазах старика.

— Признаюсь, это и правда странно, Вонг, — я вижу на тебе и печать верующего.

— Я не могу смотреть в зеркало, — сказал Чань. — Я не осмеливаюсь снимать здесь бейсболку. Да, может, я из-за этого и уцелел, получил доступ туда, куда и мечтать не смог бы попасть никто из наших. Но это мое проклятье. Мое уродство. Я ненавижу это клеймо.

— Тебе его насильно поставили, сынок. Это не твой выбор и не твоя ви...

— Я все это понимаю, сэр, но я хочу удалить это. Это возможно?

— Не знаю.

— Сэр, я каждый день читаю ваши лекции. Вы говорите, что для Бога нет ничего невозможного. Почему бы вам не удалить его прямо сейчас?

— Не знаю, Чань. Я просто не хочу обещать, что Он это сделает.

— Но если я верю, что Он поможет? И вы верите?

— Мы можем в этом сходиться, Чань, но сколько бы мы ни верили, ни изучали тексты, никто не может сказать, что проник в замыслы Господни. Если ты хочешь, чтобы я помо-

лился о том, чтобы Господь убрал это клеймо, я буду молиться. И я верю, что Он может это сделать и сделает то, что пожелает. Но я хочу, чтобы ты поклялся, что примешь любое Его решение, каким бы оно ни было.

— Конечно.

— Не относись к этому легкомысленно. Я же вижу, как ты этого жаждешь, и не хочу, чтобы твоя вера пошатнулась, если Господь не даст тебе избавления.

— Я буду очень расстроен и буду недоумевать, почему так, но я приму это решение. Вы будете молиться за меня?

Доктор Бен-Иегуда внимательно посмотрел в лицо Чаню. Он поджал губы, отвел взгляд. Наконец, сказал:

— Я буду молиться. Сядь здесь и подожди. Как бы тебе ни хотелось сделать это приватно, я все же предпочитаю, чтобы со мной вместе помолились люди Божьи. Ты не против?

— Конечно, нет. Мне просто тяжело, что они увидят меня с этим...

— Я тебя не уговариваю. Такова может быть цена.

Чань кивнул, и Цион отошел позвать Елеазара и Хаима. Они подошли, мрачно глядя на Чаня, который сел на камень и заплакал. Цион быстро рассказал им, в чем дело, и попросил их помолиться вместе с ним. Втроем они подошли к нему. Бен-Иегуда стал прямо перед ним, Тибериас слева, Розенцвейг справа.

Цион обнял затылок Чаня левой ладонью, а правую положил ему на лоб. Остальные

взяли Чаня за руки, а свободные руки положили ему на плечи. Чань вздрогнул от мягкого прикосновения этих троих Божиих людей, ощутил, что любим и ими, и Господом. Он напрягся, а потом расслабился.

— Господь, Творец наш, — начал Цион так тихо, что Чань едва слышал его, — мы признаем, что Ты создал этого юношу. Ты знал его и любил еще до того, как была создана Земля. Ты, чье милосердие безгранично, любишь нас, даже когда мы погрязли в грехах, Ты вернул нас к жизни с Христом и поднял нас из бездны. Ты дал нам место на небесах вместе с Иисусом Христом, Который в веке грядущем раскроет нам все милосердие Свое и доброту. Ибо только милосердием Твоим спасаемся мы через веру, а не сами. Это дар Господа, а не наши свершения, как бы ни похвалялись иные. Ибо мы — Его творение, созданное во Иисусе Христе...

Теперь, Чань Вонг, зная, что ты искуплен не тленным богатством, не золотом и не серебром, а драгоценной кровью Иисуса Христа, Агнца беспорочного и незапятнанного, верь в Бога. Он поднял Христа из мертвых и дал Ему славу, и теперь вера и надежда твоя — только в Боге. Теперь мы соединились в вере нашей и молим Бога, для которого нет невозможного, Господа, который спас нас, как ветхозаветных Седраха, Мисаха и Авденаго, из печи огненной, и сделал так, что огонь не имел власти над нашими телами. Ни один волосок не сгорел на головах наших, не пострадали наши одежды, и даже запаха копоти не осталось на нас.

Господь, по воле Твоей мы просим, чтобы Ты снял с тела этого юноши любой знак врага.

Чань обмяк, руки и ноги его страшно отяжелели. Он истекал потом, пот струился по его лицу, рукам и всему телу. Руки молящихся взмокли, но люди оставались неподвижными и хранили молчание.

Как раз в тот момент, когда Чань понял, что, если его отпустят, он упадет, Цион сказал:

— Благодарю вас, господа.

Они пожали Чаню руки и плечи и отошли. Теперь его поддерживал только Цион, который по-прежнему обнимал голову Чаня за затылок, держа левую ладонь у него на лбу. Он провел прижатой ладонью по его лбу направо и соединил руки на затылке Чаня.

Чань открыл глаза, заморгал на ярком солнечном свете и уставился в лицо доктора Бен-Иегуды, который точно так же напряженно смотрел на него.

Цион улыбнулся.

— Господа, — сказал он, — что вы видите?

С одной стороны к Чаню наклонился Тибериас, с другой — Розенцвейг.

— Слава Богу! — воскликнул Хаим.

Елеазар поднял голову и громко расхохотался своим глубоким басом.

— Я вижу лишь печать верующего! У меня дома есть зеркало. Идем, сам посмотришь!

* * *

Рэйфорд никогда не видел Мака настолько подавленным. Или настолько решительным.

— Если кто-то убил моего друга, я обязан с этим разобраться, Рэй, — сказал Мак. — Подбери для меня такое дело, чтобы я оказался там. Я не шучу.

— Мы с Альби тоже не первый день знакомы, — сказал Рэйфорд.

— Я знаю. А я словно всю жизнь его знал.

— А что тебе сердце подсказывает, Мак? Это просто эмэсовская пропаганда или все же он и правда погиб?

Мак вздохнул:

— В себя он точно не стрелял, но мне кажется, что они все же убили его.

Рэйфорд позвонил Бизону по телефону Мака и сказал, что они приземлятся около десяти вечера по местному времени в Сан-Диего.

— Телефон Бизона, но говорит Джордж. Привет, Мак.

— Телефон Мака, говорит Рэйфорд. Как дела, Джордж?

— Как ты и предполагал. Бизон совершенно выбит из колеи. Мы можем только удерживать его от попытки штурмовать штаб-квартиру МС в одиночку.

— Ребята, вы сможете подхватить нас в десять?

— В десять? Хорошо идете.

— Неплохо. Останавливались только раз, затем сделали небольшой крюк, чтобы утопить мой телефон. Возьмите Бизона с собой. Может, совместными усилиями поможем ему успокоиться.

— Тогда скажите ему, чтобы он поехал со мной. Он меня не слушает.

— Он рядом с тобой?

— Он внизу с Кенни. Малышу трудно заснуть без мамы.

— Ладно, тогда передай Бизону, что это приказ. Нам всем четверым нужно поговорить немедленно, как только приземлимся. Кто-нибудь сможет присмотреть за Кенни?

— Конечно. Сейчас у нас желающих посидеть с детишками больше, чем надо.

— Да, как думаешь, не слишком поздно позвонить Лайонелу Уолуму в Иллинойс?

— Нет, он сова. А что?

— Я понял, что хотела сказать Хлоя. Она уверена, что нам нужно перевезти всех из Сан-Диего в Петру.

— Этого я и опасался, — сказал Себастиан.

— Лайонел — единственный человек, у которого достаточно самолетов, людей и опыта, чтобы поднять такую операцию, причем быстро.

— Это было такое хорошее место.

— Любое убежище было хорошим, пока вдруг не переставало быть безопасным, Джордж.

— С этим не поспоришь.

— Позвони Лайонелу от моего имени, ладно? Мне надо связаться с Зиком. Готов ли он выбраться из нафталина и помочь нам в Петре.

— Что вы задумали, капитан?

— Кое-какое дело для Бизона, чтобы он не спятил, и кое-что для Мака и меня, чтобы мы что-то смогли сделать для Альби.

— Я бы хотел участвовать.

— Мы и не думали соваться куда-либо без тебя, Джордж.

* * *

— Вы устали от телевизора? — спросила ночная надзирательница Хлою.

— Да. Надеюсь, однако, что я ничего не упустила. — Хлоя смотрела за сбором армий со всех стран Соединенных Карпатианских Штатов, исключая Новый Вавилон, о котором в новостях практически не упоминалось. В мерцающем свете телеэкрана Хлоя увидела, что женщина — чернокожая.

— Я Флоренс, — сказала она, подходя к телевизору и отключая его при помощи дубинки. — Я сегодня буду вас кормить, если вы в порядке. Вы в порядке?

— Я формально голодна, если вы это хотите узнать.

— Я не о том вас спрашивала, но ваш ежедневный питательный батончик у меня в кармане, если вы хотите.

— Хочу.

— Надо же, как быстро вы запели по-другому. Я слышала, что вы хамили и дерзили, будто вам ничего не надо и не хочется.

— Я бы хотела выжить.

— Надолго ли? Лучше дайте Джоку полезную информацию, или вам не дадут первой помывки.

— И когда она предполагается?

— Раз в неделю. Начиная с нынешнего дня.

— Я не должна мыться целую неделю?

— Мойтесь сколько угодно в раковине. Кстати, как вода на вкус?

— Разве это вода?

Флоренс хихикнула.

— Ваша правда. Но вы привыкнете. Придется. Двести пятьдесят калорий в день не дадут вам умереть, но больше вы ни на что не будете способны.

— И что еще мне грозит?

— Ну, понимаете, пара-другая охранников могут положить на вас глаз, подружиться, так скажем. Ну, вы сами понимаете.

Хлоя рассмеялась. Ничего поделать с собой она не могла.

— Думаете, это забавно? Чего вы добиаетесь?

— Ради этого стоит умереть, — ответила Хлоя. — Им сначала придется меня убить.

— Это вы сейчас так говорите. Но меня-то вам не убить. Я же вас намного крупнее.

— Одна из нас отсюда живой не выйдет.

— Одни слова. Вы по-другому запоете, когда отощаете, начнете вонять, а эта роба начнет с вас сваливаться.

— Потому я и предупреждаю вас сейчас, пока я в здравом рассудке. И вы, и все остальные сильно пожалеете, если попытаетесь что-нибудь со мной сделать.

— Прямо вот так?

— Прямо вот так. Джокка это тоже касается.

— Джок ничем таким не занимается, но он знает, когда отвернуться.

— Тогда, когда повернется, увидит труп. Либо его охранника, либо самой ценной заключенной.

— Послушай, девочка, ну почему бы тебе просто не пойти нам навстречу? Ну скажи Джокку хоть что-нибудь. Он же немного просит. И ты получишь послабления, каких другие месяцами не получают. Ты ведь попала сюда без печати и до сих пор жива! Это же должно тебе хоть о чем-то сказать. У тебя хорошая позиция для торговли!

— Меня прямо сейчас могут убить.

— Не думай, что я сама бы тебя с удовольствием не прикончила.

— Вы? Вы даже не знаете меня. Я вот не захотела бы вас сразу убивать.

— Да ты сама только что сказала это, миссис. Если бы я зашла в эту клетку, ты бы меня убила.

— Да, если бы вы попытались что-нибудь со мной сделать, то я стала бы защищаться.

— Я лично с удовольствием что-нибудь с тобой сделала бы. Либо ты с нами, либо против нас, так-то, малышка.

— Я против вас, — ответила Хлоя.

— Будто я не знаю.

— Тогда скажите, откуда возьмутся эти двести пятьдесят калорий.

— Сама знаешь. Из питательного батончика.

— И больше я ничего не получу?

— Именно так. Раз в день.

— Человек так не выживет.

— Ты сама сказала. Естественно, чем больше скажешь, тем, возможно, больше получишь.

— Возможно?

— Возможно, но не наверняка. Поскольку днем ты его не заслужила, я должна дать тебе его ночью. И ты будешь получать только один батончик в течение двадцати четырех часов. Попытаешься убить меня — передам его Найджелу на завтра.

Хлое хотелось умолять, чтобы ей его дали прямо сейчас, но она не стала просить. Она просто будет молчать и надеяться, что Флоренс удовлетворится осознанием того, что именно она будет выдавать ей еду каждый день.

— Если ты еще не спишь и не будешь злить меня больше, я принесу его где-то в полночь. Теперь, если ты захочешь почитать или сделать макияж, ногти накрастить, я включу свет. И поскольку телевизор отключен, я немножечко включу музыку, чтобы ты заснула.

«О, пожалуйста, не включайте свет и музыку....»

Флоренс вперевалочку подошла к двери, уперев руки в кожаный разгрузочный пояс, на котором помимо пистолета висела куча всего — дубинка, баллончик со слезоточивым газом, связка ключей, пустая кобура и зачем-то запасной магазин. Она включила свет, причем весь, и Хлое показалось, что тут стало ярче, чем днем, когда в окна било солнце.

С этим она могла ужиться. Просто отвернуться к стене, и все. И несмотря на то, что в глубине души она сожалела о том, что сама лишила себя пищи еще на несколько часов, Хлоя понимала, что и с этим справится. Она будет молиться, вспоминать дорогих людей, цитировать по памяти стихи из Библии, надеясь, что в конце концов уснет.

Но мешала музыка, слишком громкая. И конечно, это был бесконечно повторявшийся гимн «Славься, Карпати», который наверняка будут крутить до рассвета.

Бизон научил ее другим словам. На несколько минут ее это позабавит. Как там было? Она проговорила их в уме, затем начала мычать себе под нос, потом тихонько запела:

Сдуйся, Карпати, враль и трепло.
Сдуйся, Карпати, мерзость и зло.
Буду бороться с тобой до конца,
Ждет геенна тебя, подлеца.
Сдуйся, Карпати, враль и трепло!

* * *

От зеркала в доме Елеазара Тибериаса Чань бегом бросился в техцентр, где вместе с Абдуллой и Наоми кричал и прыгал от радости.

Однако в конце концов они показали ему запись с Альби, и это отрезвило его. И не-

смотря на то что Чань только что прибыл из дворца, даже его ошеломила та злоба, с которой МС распространяло явную ложь о Хлое. Он не понимал, как даже сторонники МС могут купиться на такое откровенное вранье. Но Наоми показала ему письма иегудайтов со всех концов света, по которым было видно, что многим нужно было подтвердить, что все это — вранье, и еще раз напомнить о том, что дьявол — отец лжи.

— Наши корреспонденты, — сказала Наоми Чаню, — работают вот в этой секции и сейчас составляют новостной материал с ответами на наиболее часто задаваемые вопросы. Его передадут наборщикам, которые быстро наберут их и тут же отправят в Сеть.

Она попросила у одного из корреспондентов распечатать ответы на текущие вопросы читателей и показала их Чаню.

«Единственное, в чем новости не отступили от правды — это имя Хлои, возраст и тот факт, что она действительно дочь Рэйфорда Стила и бывшая студентка Стэнфордского университета, а также жена Кэмерона Бизона Уильямса. Правда, что она училась в Стэнфордском университете, но то, что она принадлежала к радикальной левой студенческой группировке — ложь, как ложь и то, что ее из университета исключили. Она оставила учебу после Восхищения праведников, но средняя ее оценка была 3,4, и она активно участвовала в студенческой жизни.

Рэйфорд Стил действительно служил, уже будучи верующим, пилотом в штате Николае Карпати, снабжая бесценной информацией последователей Христа во всем мире. Он не был уволен, никогда не обвинялся в несоблюдении субординации или в пьянстве. Он покинул службу после того, как его вторая жена погибла в авиакатастрофе.

Иегудаитов никак нельзя назвать «последним оплотом оппозиции Новому мировому порядку». Множество еврейских и мусульманских анклавов, равно как и бывших отрядов национальной гвардии, главным образом в Соединенных Северо-Американских Штатах по-прежнему не желают принимать клеймо верности верховному потентату, и в результате должны скрываться, чтобы не погибнуть.

Кэмерон Уильямс действительно был в свое время знаменитым американским журналистом, который также работал на потентата, но он сам ушел с работы, а не «потерял ее из-за расхождений с политикой редакции». Что же до подрывного сетевого и печатного журналов «для узкого круга», то это, как говорится, спорный вопрос. «Истина» распространяется среди той же аудитории, которой ежедневно проповедует Цион Бен-Иегуда, а она насчитывает по меньшей мере более миллиарда людей.

Рэйфорд Стил, Кэмерон Уильямс и Хлоя Уильямс не находятся в международном розыске «за совершение более трех десятков убийств». Отряд Скорби признает одно убий-

ство за Кэмероном Уильямсом и одно — за Рэйфордом Стилом, и оба совершены в порядке самообороны.

Международное общество взаимопомощи, возглавляемое миссис Уильямс, никогда не занималось контрабандой и похищением материальных ценностей, никогда не наживалось на торговле, оно действует исключительно ради выгоды своих клиентов.

Уильямсы не нажили ни гроша на черном рынке или где-либо еще. На самом деле, если бы не взаимопомощь участников, никакое Общество взаимопомощи не могло бы существовать.

Миссис Уильямс никогда не делала аборт, никогда не теряла ребенка, она была беременна только один раз и родила сына, которому сейчас три с половиной года. Уильямсы никогда не заявляли, что их сын — божество или обладает какими-то особыми способностями, но они действительно верят, что Николае Карпати — Антихрист и что Иисус Христос однажды повергнет Карпати и установит Царствие Свое на Земле.

Ограниченный контакт с миссис Уильямс с момента ее ареста подтверждает, что она полна решимости не сотрудничать с МС, и такова политика отряда Скорби. Она не только не пытается обменять свою жизнь на информацию, но также не раз публично заявляла о своей готовности умереть во имя Христа.

Нет никаких свидетельств того, чтобы миссис Уильямс выдала хоть какую-то информацию о бойце отряда Скорби Альби,

как и нет свидетельств, подтверждающих факт его самоубийства».

— А толку-то от этого? — сказал Чань.

— Для наших людей это принесет огромную пользу, — сказала Наоми. — Даже тем, кто знает правду, нужно подтверждение. Все остальные заняты отслеживанием сбора войск в долине Изреель.

— А что происходит в Сан-Диего?

— Пока туда не придут капитан Стил и мистер МакКаллам, ничего особенного происходить не будет. Это случится с минуты на минуту. Мы срочно готовимся к приему как минимум двухсот новых поселенцев в течение нескольких ближайших дней, и это кое-что должно тебе сказать. Ты давно в последний раз общался с сестрой?

— Давно. Но, конечно, мне бы очень хотелось. У меня есть кое-что для нее.

— У нее для тебя тоже.

— Что?

— Нет уж! Пусть сама скажет!

— Наоми!

— Нет. Я очень хочу с ней познакомиться и не желаю начинать с неверного шага, выдавая ее тайну.

— Она рассказала тебе что-то такое, чего не сказала мне?

— Не совсем так. Но работа требует от меня держать в секрете информацию, которую я иначе не смогла бы узнать.

— Например...

— Например, сообщения руководству. Мы не зовем начальство к себе и не заставляем читать с экрана, а распечатываем письма и доставляем лично.

— И из одного такого ты узнала что-то о моей сестре, что-то, о чем она хочет сообщить мне лично?

Наоми кивнула.

— Ладно, я немедленно с этим разберусь, — сказал он, доставая телефон. — А потом ты уделишь мне пару минут?

— Прямо сейчас могу, — сказала она. — Но только пару.

— Ты обещала мне рассказать кое-что.

— В смысле, о себе? Вообще-то это рассказ о нас с отцом, но он короткий, так что я вполне успею.

— Тогда через десять минут встретимся, — сказал Чань, набирая номер сестры.

— Привет, Чань, — сказала Минь. — Извини, что шепотом, но я присматриваю за Кенни Брюсом, а он наконец уснул.

— Я просто хотел узнать, как ты и как у вас там дела.

— Уверена, что ты в курсе.

— Да, но у меня есть для тебя новость.

— Говори, братец.

— Господь снял с моего лба клеймо зверя!

— Слава Богу! Рассказывай! Как же мне не терпится тебя увидеть!

Он рассказал ей, что случилось.

— Это так чудесно, что словами не выразишь! Но плохо, что это случилось в такой несчастливый день.

— Да. Но у тебя для меня, говорят, тоже есть новости?

— Ты о чем?

— Понятия не имею. Просто интуиция.

— О, Чань, Ри сделал мне предложение, и я попросила доктора Бен-Иегуду обвенчать нас, когда мы прибудем в Петру.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Позволь мне разведать обстановку, — сказал Бизон, — убедиться, что они могут спокойно приземлиться.

Джордж, сидевший за рулем «хаммера», искоса глянул на Бизона.

— Когда мы покинули убежище, никого в округе не было, ничего подозрительного мы не увидели и по дороге, никто не висел у нас на хвосте. Мы прошли последние полмили по грунту, пользуясь фарами лишь тогда, когда надо было убедиться, что мы не сбились с дороги. Бизон, взлетная полоса безопасна, как и прежде.

Бизон вздохнул и повесил голову.

— И когда же это я успел стать осторожным? Ведь это ты у нас человек войны.

— Не путай осторожность с паранойей, — ответил Себастиан. — Я знаю, что они взяли Хлою, но это была большая облава. Это была

ее вина. Извини, но твой тесть согласился, что это так. И она не в первый раз вот так вытирается поприключаться...

— Но почему она вышла? Я видел тех типов. Наверняка она тоже их заметила. И они ее взяли.

— Обычная облава. Ты сам сказал, что у них был утомленный вид.

— Но ведь сейчас не так, верно?

— Нет, Бизон, сейчас они начеку. Я припаркуюсь в конце полосы. Если тебе хочется прогуляться в лесу, пока они не прилетят — пожалуйста.

— Ты не пойдешь?

— Ты командир. Если скажешь, чтобы я пошел с тобой — я пойду. Но ты ведь определенно высказался — давай я разведую обстановку. Ну, давай.

— Идем со мной.

— Ты мне приказываешь?

— Нет, прошу как друга.

— Это нечестно, Бизон. Удар ниже пояса.

— Идем. Вдруг я что-то обнаружу? Ты же никогда себе не простишь.

Бизон понимал, что Себастиан прав. На самом деле он просто был измучен, ему нужно было хоть что-то сделать. Он был готов сейчас ехать прямо в Сан-Диего, в штаб-квартиру МС, перебить там всех и вытащить оттуда Хлою.

— Ты знаешь, что Рэйфорд будет за то, чтобы спасти Хлою, — сказал Бизон, когда они шли по лесу в солдатской форме, держа «узи» наготове.

— Слушай, они с Маком провели в воздухе около шестнадцати часов, вероятно, ведя

самолет по очереди. Этим людям надо будет выспаться.

— Ты знаешь, что Мак уже узнал про Альби. Он будет на взводе и готов идти на дело.

— Он будет жаждать возвращения в Аль-Басру, чтобы выяснить, что там произошло. Как бы то ни было, Бизон, если мы и запланируем налет, то когда мы сможем его совершить и кто в это время будет заниматься переброской наших людей в Петру?

— Я думал, Рэйфорд подрядил на это Лайонела.

— Лайонел займется организацией и материальной стороной дела, это верно. Но мы должны возглавить этих людей и следить за выполнением плана.

Бизон прихлопнул комара.

— Что мы делаем? Тут же ничего нет. И чья это была идея? Ты слышишь мотор?

— Нет. Но раз уж мы вышли, как ты сказал, давай займемся делом.

— Теперь ты хочешь что-то разведать?

— Я просто не хочу тратить время впустую, вот и все. Давай не будем уходить далеко от полосы.

На Бизона внезапно напали комары. Он оставил «узи» и стал хлопать себя по лицу обеими руками.

— Давай выйдем на открытое место.

Они вышли из леса где-то у середины полосы.

— Теперь нам придется пройти весь путь до того конца полосы, когда они прибудут, — сказал Джордж.

— Давай сейчас, — ответил Бизон. — А ты можешь убить время, помогая мне составить план налета.

— На штаб-квартиру МС?

— Куда ж еще?

— Что ты знаешь об этом месте?

— В смысле? Мы же проходили мимо, ты видел его.

— Бизон, никто из нас не был внутри. Я знаю, что там четыре этажа и цоколь, но даже я не знаю, держат ли они заключенных в подвале. А ты?

— Нет. Но я помню, что на подвальных окнах решетки.

— Хорошо. Это важно. Но чем больше ты знаешь, тем больше ты должен понимать, сколько ты не знаешь.

— Что это за казарменный юмор еще?

Здоровяк остановился.

— Ладно же, — сказал Джордж. — Смотри. Вот как я представляю себе штаб-квартиру МС в Сан-Диего. Я знаю, что это одно из самых больших представительств во всей Северной Америке, но я не знаю, сколько у них народу. Ты знаешь?

— Нет.

— Я не знаю, на каком из четырех этажей и одном подвальном находится тюрьма. Ты знаешь?

— Нет.

— Я полагаю, что они держат заключенных мужчин и женщин отдельно, но не уверен. А ты?

— Нет.

— Ладно, если, положим, и так, то они держат их на одном этаже или на разных?

— Не могу тебе сказать.

— Ты понимаешь, Бизон? Мы ничего не знаем. Военная операция, особенно внезапный удар, — это сложный, тщательно запланированный маневр. У нас только одна единственная цель — вытащить Хлою оттуда живой. Чтобы добиться этого, нам нужен свой человек внутри.

— Но мы не можем заслать к ним никого!

— Тогда как мы будем планировать налет, Бизон? Подумай. Подумай о том, что нам надо узнать прежде, чем мы туда вломимся. Держат ли они важных заключенных отдельно от остальных, а если держат, то где?

— Хорошо. Ты меня вразумил.

— Я еще даже не начал, Бизон. Вы, ребята, так увлекаетесь военной подготовкой, которую я вам даю, но вы ж и половины еще не знаете. По большей части я пытаюсь вбить вам в голову здравый смысл. Кроме точного местоположения Хлои нам нужно узнать самый короткий путь к ней и пути отступления. Мы должны знать, насколько прочны окна и двери. Мы должны знать, сколько нам понадобится оружия, и, Бизон, скажи сам, что это значит. Что определяет наши потребности в вооружении?

— Размер и прочность окон и дверей?

— Ну да, это тоже. Но на самом деле, приятель, это их личный состав. Сколько мы народу встретим, как они будут вооружены. Если бы ты мог мне сказать, что Хлоя находится в северо-восточном углу на третьем этаже,

и сколько эмэсовцев мне придется уложить прежде, чем добраться до нее, сколько конкретно человек ее охраняют, и какое у них оружие, то я мог бы составить для тебя план операции. Иначе мы просто будем метаться без цели да гадать, и, скорее всего, весь диверсионный отряд будет уничтожен.

Они дошли до конца полосы и сели в траву в темноте.

— Тогда как вообще возможно осуществить такой налет?

Джордж положил «узи» на колени.

— Это никогда не бывает легко, но есть, как говорится, необходимые предварительные условия, и в старые добрые времена, когда людей не различали по печатям на лбу, обычно можно было подослать кого-нибудь в нужное место. Кто-то должен был тщательно изучить здание, возможно, по чертежам, рассмотреть планы этажей, систему коммуникаций.

— Я не могу просто сидеть и ничего не делать, Джордж. Что ты можешь предложить?

Бизон заметил посадочные огни раньше, чем услышал рев моторов «гольфстрима». Он посигналил мощным фонариком, что район чист, и через несколько минут самолет сел и был спрятан, а Рэйфорд и Мак покинули борт.

Все четверо молча пожали друг другу руки. Они не показывали своих чувств, но обнимались крепче и держали друг друга чуть дольше, чем бывало прежде. Они загрузили «хаммер», но прежде, чем туда сели, Мак сказал:

— Я словно на двадцать лет постарел. Неужели снова надо набиваться в жестянку прямо сейчас?

— Мы не торопимся, — сказал Рэйфорд. — Поразомни ноги.

— Я не против вернуться чуть попозже, — сказал Бизон. — Сегодня эмэсовцы тут не шныряют, но позже они точно начнут рыскать в окрестностях.

— Как думаешь, Хлое не удалось направить их в другую сторону, когда она заявила, что находится в тридцати милях от дома?

Бизон хмыкнул.

— Вряд ли. Но спасибо ей за попытку. Вообще, было бы интересно посмотреть, куда они пойдут сегодня. Хотя бы получим намек на то, где они ее взяли.

— Ну, ты хотя бы думать начал, — сказал Джордж. — А также мы сможем понять, как скоро они найдут убежище и сколько у нас времени на эвакуацию.

* * *

— Мне правда нельзя надолго задерживаться, — сказала Наоми. Чань сидел рядом с ней у колонны портика во дворе гробницы Урны. — Если бы у меня был кто-нибудь вроде тебя, кто мог бы наполнить ее для меня, я бы могла задержаться подольше.

— Но с кем задержаться? — сказал он, и она рассмеялась. — Да нет, серьезно, мне интересно твое прошлое!

— Я люблю вспоминать, Чань, хотя воспоминания у меня печальные. Мой отец был бизнесменом, держал сеть ресторанов. У него

было их несколько в районе стадиона Тедди Коллека. Ты был в Иерусалиме?

— Нет.

— Он был добрый и честный, люди любили и уважали его. В традициях моей культуры это очень важно.

— У нас тоже.

— Я полагаю, что во всех культурах репутация очень важна. Но мой отец очень гордился тем, что у него много друзей и успешный бизнес. Он ничего не жалел для меня и матери. А еще он был глубоко религиозным человеком, как и все в нашей семье. Каждую субботу мы ходили в синагогу. Мы знали Писание. Мы любили Бога. Я уверена, что мой отец и этим гордился, но ведь это не грешно — ну, ты понимаешь, о чем я.

Чань кивнул.

— Примерно восемь лет назад — мне тогда было одиннадцать — моя мать заболела. Рак. Рак... прости, мне неловко упоминать, где именно у нее развился рак. Мы не слишком хорошо знакомы, чтобы откровенно говорить об этом.

— Все нормально.

— Она очень тяжело болела. Мой отец был так нежен с ней. У него было достаточно денег, чтобы нанять сиделку, но он не стал этого делать. Он нанял ее на неполный день, но урезал свой собственный рабочий день вполтину, чтобы проводить с мамой всю вторую половину дня и ночь. Он был для меня замечательным примером, и я все сильнее хотела помогать ему. Мы любили маму, и мой отец сказал, что мы должны считать

честью служить ей так же, как она служила нам много лет. Она была счастлива, несмотря на страдания.

— Замечательный он человек.

— Да, он такой, Чань! Он всегда был таким. Он и раньше таким был. Ладно. Когда мне исполнилось двенадцать лет, состояние моей матери сильно ухудшилось, и ему пришлось поместить ее в госпиталь. Врачи сказали, что надежды нет. Но мой отец не желал верить в это «надежды нет». Он верил в Бога. Он сказал врачам и всем, кто начал слишком рано оплакивать мою мать, что мы им еще покажем — он и его маленькая дочка. И как мы собирались это сделать? Мы решили молиться, а Бог уж сделает все остальное, и моя мать исцелится.

Чань услышал боль в голосе Наоми. Она замолчала.

— Ничего, — сказал он. — Ты расскажешь мне в другой раз.

— Нет. — Она вытерла слезы. — Просто это все словно вчера произошло. Я закончу. Я хочу. Однажды вечером отец поздно вернулся из госпиталя, и он был в тревоге. Я не ходила с ним в вечернюю школу, только днем. Я спросила:

— Папа, что такое? Маме стало хуже?

Он ответил:

— Нет, но возможно с ней случилось еще более страшное.

Я испугалась. Он никогда не говорил ей ни одного резкого слова, никогда не говорил плохо о ней, по крайней мере, при мне. Но она

сказала ему что-то такое, что, по его словам, было вызвано лишь действием назначенных ей лекарств. Она плакала и говорила, что это не так, что она правда в это верит.

— Что, папа, что она сказала?

Но он разрыдался и сказал, что повысил на нее голос и приказал ей не говорить глупости.

— Она расплакалась из-за меня, — говорил он мне, заливаясь слезами. — Женщина, которую я люблю всей душой, женщина, которая умирает у меня на руках, а я расстроил ее!

А я сказала:

— Но, папа, она тоже тебя расстроила. Что она такое сказала?

Он ответил:

— Она сказала мне — Иисус есть Мессия. Я сказал — откуда ты набралась такой ереси? Но она не стала мне рассказывать из страха, что я устрою кому-нибудь неприятности, а я так и сделал бы!

Я не знала, что и думать. Я ахнула, когда он повторил ее слова. Он сказал, будто бы угрозил ей, что она никогда не увидит меня больше, если будет повторять эту чушь, но я от этого только расплакалась. В ту самую ночь нам позвонили из госпиталя и сообщили, что, если мы хотим застать ее в живых, мы должны приехать немедленно.

Всю дорогу он плакал и проклинал себя за резкость.

— Это моя вина! — все повторял он.

Он молил Господа пощадить ее, обещал всякое. Я никогда не видела его таким не-

счастливым. Мы пробывали с ней до самой ее смерти. Последними ее словами к нам — именно к нам обоим, Чань, потому, что она смотрела мне прямо в глаза, а потом посмотрела в глаза отцу и сказала те же самые слова:

— Я ухожу к Богу. Изучайте пророчества. Изучайте пророчества.

— О!

— Я пришла к Иисусу не так, как ты мог бы подумать. Закономерно было бы предположить, что мы с отцом пришли домой и засели за изучение пророчеств, как сказала мама, и уверовали, как она, но все было не так. Мой отец был настолько раздавлен горем, что разгневался на Бога и вообще забросил Писание. Мы перестали молиться. Перестали ходить в синагогу.

Он по-прежнему любил меня, но он пытался забыть в работе. Его друзья жалели меня, потому что он был уже не тот человек, что прежде.

Я же не могла выбросить из головы последние слова матери. Но мой отец запретил мне читать Библию вообще, тем более пророчества. Мне было тоскливо, так тоскливо, поскольку со смертью мамы моя жизнь совершенно изменилась. Я ведь, по сути дела, потеряла и отца — того, каким он был прежде. Стоило мне только заикнуться, что Господь мог бы помочь нам или что в синагоге мы наши бы утешение, а в Библии — какие-нибудь ответы на наши вопросы, он отказывался слушать.

Мне было тринадцать лет, когда случилось Восхищение. Это событие привлекло

всеобщее внимание, даже моего отца. Мы до смерти испугались, снова вернулись к Богу, снова стали ходить в синагогу, вернулись к чтению Писания. Я стала изучать пророчества, и хотя я была очень юной, я не смогла не заметить того, на что кто-то указал моей матери и что увидела она. Мой отец не желал этого признавать, но, думаю, он тоже начал это видеть.

Когда он услышал, что прославленный знаток Библии, доктор Цион Бен-Иегуда намерен выступить по международному телевидению и сообщить о своих выводах по поводу Мессии, сделанных на основе библейских пророчеств, мы сели перед телевизором вместе. На другой день только и разговоров было о том, какие неприятности навлек на себя доктор Бен-Иегуда, когда заявил, что Мессия уже приходил, но мы с папой были в чрезвычайном восторге. Он нашел Новый Завет, и мы стали читать его каждый вечер.

Когда мы дошли до истории Савла, который стал Павлом, мой отец был просто ошарашен. Мы читали все быстрее и быстрее, все больше и больше, и, наконец, мы поверили в то, что Иисус и есть Мессия и что Он избавил нас от наших грехов. Нам врезалось в память Первое послание к Коринфянам, глава 15, стихи 1—4, где говорится: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно

уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию».

Мы с папой хотели только одного — сделать то же, что и Павел. Принять, принять правду, благодаря которой, как говорит Павел, мы можем быть спасены. Мы не знали, что говорить и что делать, потому мы просто молились Богу и говорили, что верим и хотим принять эту истину. Прошло много недель до того, как мы прочли достаточно и узнали достаточно, чтобы понять, что мы делаем и что все это значит. Отец, в конце концов, увидел в Новом Завете путь к спасению, который подразумевал признание истины, веру и исповедь. Мы изучили то, что называется путем к спасению, все эти стихи, которые говорили нам о том, что грешны все, что мы лишены Славы Божией, что грех приводит к смерти, а дар Господень — жизнь вечная в Господе нашем Иисусе Христе.

Чань смотрел на нее.

— Это всегда бывает по-разному, — сказал он. — Я и упомнить не могу, сколько я слышал разных историй о том, как люди приходят к вере. Каждая история уникальна. То есть все в конце концов приходят к одному, но для кого-то это началось с Восхищения, а для тебя — со смерти матери.

— Мы очень хотим снова увидеть ее, Чань. И ждать уже недолго.

Хлоя не знала, спала ли она или просто потеряла сознание, когда среди ночи Флоренс разбудила ее своим топотом. Она бесцеремонно просунула питательный батончик между прутьев решетки и бросила его на пол. Хлое хотелось вскочить, схватить его, сорвать обертку и сразу же проглотить, но гордость пока была сильнее. Она повернулась к Флоренс, но не встала.

— Обед, голубушка, — сказала Флоренс. — Рекомендую запивать белым вином, то есть водичкой из-под крана.

Хлоя не шевельнулась, пока та не ушла. Она сжевала половинку батончика, сухого и безвкусного. Но Хлое всегда говорили, что голод — лучшая приправа. Она завернула остаток, решив оставить его на завтрак. Но те жалкие калории, которые она употребила, только подстегнули ее аппетит. Она сумела продержаться еще полчаса, затем съела остальное.

Хотя она все равно хотела есть, батончик снял остроту голода, и она смогла задремать. Ей приснилась ее семья. Бизон и Кенни были так близко, что она чувствовала их запах, но не могла дотронуться до них, не могла поцеловать их. Затем на их лицах появился ужас и отвращение. Неужели у нее на лбу клеймо? Или она так уродлива? Они отвернулись от нее.

Хлоя бросилась к зеркалу и увидела, что у нее нет головы. Она упала в обморок, упала на пол — и проснулась. Она сидела на койке,

закрыв лицо руками, и раскачивалась из стороны в сторону. Все оказывалось куда труднее, чем она думала. Она ни на мгновение не позволила себе обмануться и даже под пыткой не выдаст эмэсовцам информацию, которую они хотят от нее получить. Она молилась только о том, что если ее каким-то образом не вытащат отсюда — она не могла представить, как это вообще можно сделать, — то чтобы ее казнили как можно скорее.

* * *

— Я принял тяжелое решение, Бизон, — сказал Рэйфорд.

Было два часа ночи. Они с Бизоном сидели в подземном убежище в комнате Рэйфорда, где Бизон провел всю ночь. Минь осталась в их с Хлоей комнате, чтобы Кенни мог поспать в собственной кроватке. Себастиан и его молодой напарник несли вахту.

— Вы хотите сказать, что мне оно не понравится, так? — ответил Бизон.

— Вероятно, нет. Но Господь для чего-то поставил меня на то место, которое я занимаю, и даже при том, что я в этом случае лицо заинтересованное и вправе быть пристрастным не менее, чем ты, я обязан быть прежде всего лидером. Мак спит. Когда он отдохнет как следует, то отправится в Висконсин за Зиком. Он отвезет его в Петру и займется нашим очередным заданием.

Бизон повесил голову.

— И это очередное задание — не здесь?

— Слушай. Мак отправится выяснить, что произошло с Альби, а затем вернется в Петру. По пути я попрошу его связаться с Отто Везером, тем самым парнем, о котором я тебе рассказывал. Он должен находиться во дворце и разведать, что такое намечается в Аль-Хилле. Помощница Карпати знает, что Николае планирует в Багдаде совещание десяти глав мировых регионов. Мы уверены, что он намерен присоединить военные силы остальных регионов к тем, что уже находятся под его командованием в Израиле.

— Отец, извините, но мне наплевать на все прочее, мне важно только то, что происходит здесь и сейчас. Мне кажется, что все здесь занимаются чем угодно, но о Хлое не думает никто.

— Бизон, мы с тобой слишком долго не спали. Поверь, я плакал, молился и волновался не меньше тебя, а это...

— Не верится

— ...лишает сил. Я должен отдохнуть, и ты тоже.

— Отец, я не смогу спать.

— Я говорю не о сне. Снимай одежду, ляг. Дай телу отдых, даже если мозги не смогут отключиться. Ты нам нужен в бодром состоянии, Бизон.

— То есть с Джорджем я сегодня ночью не иду.

— Я даже Джорджа не отпущу, Бизон. Нам не нужно, чтобы вообще хоть кто-то оказал-

ся на последнем издыхании. У него хорошая команда, которая сумеет выследить эмэсовцев, если они покажутся сегодня ночью. Нам нужно только узнать, где они начнут рыть. Я потрясен тем, что люди уже начали сборы, чтобы быть наготове. Лайонел организовал самолеты и пилотов. Мы должны быть готовы выступить по первому сигналу.

Бизон подался вперед, оперся локтями на колени.

— Я верю вам, отец, я знаю, что сердцем вы болеете за нас с Хлоей, но я не понимаю. Когда мы начнем разведывать штабквартиру, выяснять, как туда пробраться и как втереться в доверие к тому, кто может знать что-нибудь об этой тюрьме?

— Следующей ночью мы с тобой посмотрим, насколько близко сможем туда подобраться. Если Джордж сможет, мы возьмем его с собой.

— Время уходит!

Рэйфорд выпрямился и вздохнул.

— Моя первостепенная задача — беречь ресурсы, в том числе и людские. Наш разум говорит, что мы полны энергии, потому что не можем думать ни о чем другом, но если мы будем действовать на адреналине, то быстрее устанем, будем совершать промахи, и толку от этого не будет. Поверь мне, Бизон. Я хочу спасти ее не меньше, чем ты, но она не единственный человек, за жизнь которого мы отвечаем.

— Но я хочу знать, как скоро разведывательная партия сможет выяснить хоть что-то насчет...

— Нет, сейчас я отдал приказ, чтобы без экстренной необходимости нас не беспокоили до середины утра.

— Отец!

— Даже если ты что-то и будешь знать, но не сможешь действовать сразу же, это тебе ничем не поможет. Все, прекращаем разговоры. Отдыхать.

* * *

Как все в Петре, в разгар дня Чань предпочитал работать в помещении. Методом проб и ошибок он обнаружил, что отсюда он может прослушивать практически все в Новом Вавилоне. Проблема была в том, что все, кто мог принимать ответственные решения, отправлялись в Аль-Хиллу. Когда план поставить «жучки» там провалился, ему было поручено связаться с Отто Везером таким образом, чтобы тот мог снабжать его информацией. Все зависело от того, какое оборудование осталось во дворце из того, что можно было прослушивать из Петры.

Чань беспокоился, что его интерес к Наоми станет всем слишком очевиден, если он будет стремиться проводить с ней каждую свободную минуту. Он решил ничего не предпринимать и остался за компьютером даже во время ланча. Он был голоден, но вполне мог подождать до вечерней манны.

Но когда она застенчиво подошла к нему с корзинкой манны, он был просто в восторге.

— Эй, трудоголик, — сказала она. — Не заставляй меня умирать с голоду.

— Привет, — сказал он.

— Я принесла тебе медовые печенки.

* * *

Теперь гимн «Слава Карпати» превратился для Хлои в обычный фон. Она прикинула, что, наверное, сейчас часа четыре утра. Она попыталась закрыть уши и заснуть, но когда она задремала, руки ее упали, и потому она услышала, как отворилась дверь, и затаила дыхание.

По тяжелому шагу и звону ключей она поняла, что это Флоренс. Чего ей надо? Судя по шагам, она была близко к клетке, и Хлоя учуяла запах еды. Гамбургер со всеми приправами и гарниром. Звук втягиваемого через соломинку напитка. Наверное, холодный и вкусный. Для Хлои все это казалось божественным нектаром.

Она медленно повернулась и в тусклом свете увидела Флоренс. Та сидела на полу, привалившись спиной к решетке. Хлоя оперлась на локоть и вздохнула.

— Проснулась? — сказала Флоренс.

— Боюсь, да.

— Хочешь, отключу музыку?

— А тебе не все равно, чего я хочу?

— Может, перестанешь хотеть убить меня.

— Если тебе правда хочется знать, чего я хочу, то да, я хочу, чтобы ты отключила музыку.

— Я не такая уж плохая, знаешь ли, — сказала Флоренс.

Она оставила рядом с клеткой полусъеденный гамбургер и питье, и еще один высокий картонный стаканчик с крышкой и отошла к двери. Музыка прекратилась. Когда Флоренс вернулась, Хлоя сказала:

— Спасибо.

— М-м-м, — ответила та, снова садясь на пол. — Просто хочу спокойно скушать свой гамбургер.

— Я вижу.

— Принесла тебе кое-что.

— Врешь.

— Слушай, ну чего ты все время так? Неужели человек человеку ничего хорошего просто так сделать не может?

— Хотелось бы, чтобы было так.

— Ну, так твое желание исполнено, если ты любишь шоколад.

— Кто не любит?

— Хочешь шоколадный шейк?

— Я сплю, ага? Музыки нет, а теперь еще шоколадный шейк среди ночи? Что на тебя нашло?

— Я уже сказала. Я не такая уж и плохая. Все люди не плохие.

«Я знаю как минимум одного, который точно дрянь».

— Если ты и правда хочешь угостить меня шоколадным шейком, то я скажу тебе спасибо.

— У меня ведь тоже ребенок есть, знаешь ли.

— И что?

— Ммм. Брюстер. Почти три года.

— Фотка есть?

— Да! Хочешь посмотреть? Правда?

— Конечно.

— Минутку. Не могу включать свет, когда нас тут только двое, влететь может.

Она закончила есть, оставила шоколадный шейк на полу и пошла выбросить поднос. Хлое так отчаянно хотелось шейка, что она даже дрожала. Вдруг она как-то сумела понравиться этой женщине, как мать матери?

Флоренс снова вышла и включила свет. Когда она вернулась и закрыла дверь, та закрылась со щелчком, что, как усвоила Хлоя, было обязательным. Шейк невозможно было просунуть через решетку, значит, придется открыть дверь клетки. Но это также показало Хлое, что Флоренс лжет насчет того, что здесь только они вдвоем. Как иначе она выйдет?

— Если я теперь нарушу все инструкции и открою дверь, ты же не отплатишь мне благодарностью за мою доброту? Я крупнее и сильнее тебя, но даже если ты...

— Я знаю. Слышала уже от Джока. Мы все равно заперты.

— Именно.

— Хорошо. Тогда если я буду хорошо себя вести и ты дашь мне шейк и снова меня тут закроешь, то как ты выйдешь наружу?

— Я позвоню, и меня выпустят.

— Значит, на самом деле мы не одни.

— Ну, нет, сюда кто-нибудь придет, только если я позвоню.

— А что, если они увидят, что ты мне дала?

— Тогда мне влетит, так что если хочешь его, то бери сейчас.

— Хочу.

— Тогда сиди где сидишь. Не вставай, когда дверь откроется или я снова ее закрою.

Флоренс открыла дверь, отдала Хлое шейк и снова быстро закрыла ее. Впервые Хлоя заметила на ее лице хоть какие-то эмоции. Флоренс была возбуждена, возможно, испугана. Возможно, кровь прилила ей к лицу из-за ощущения, что она сделала что-то хорошее, когда от нее ждали совсем другого.

Хлоя жадно схватила соломинку и не была разочарована. Шейк был холодным, густым, сытным и — если только можно так сказать — очень шоколадным. Что, как обычно смеялась она вместе с друзьями, было все равно что сказать, что масло такое масляное.

Флоренс смотрела на нее.

— Эй, девочка! Ты не забывай, что пьешь эту штуку на пустой желудок! Ты поосторожнее.

— Ладно. И я не хочу кишки простудить.

Флоренс рассмеялась.

— И не забудь мне показать фотку Брюстера.

— Покажу-покажу. Как только допьешь.

«А почему не сейчас»? — подумала Хлоя, снова берясь за соломинку. Сахар и кофеин не дадут ей заснуть, вряд ли ей следует ожидать чего-то интересного утром. Возможно, Джок снова устроит шоу и будет завтракать у нее на глазах.

- Джок, — хихикнула она.
- Что? — сказала Флоренс.
- Яичница. У меня на глазах.
- Ты о чем?
- Джок. Джек. Джик. Джук...
- Э?

У Хлои закружилась голова. Она попыталась придержать ее рукой, но выронила шейк, он расплескался по полу. Это была жуткая трагедия, и Хлоя разрыдалась.

Ее глаза закрывались. Она заставила себя открыть их и нарочно подняла голову, чтобы видеть Флоренс. Та стояла и смотрела. Она нажала кнопку звонка. В дверь вошли Найджел и Джок, толкая перед собой каталку.

— Я прикажу это убрать, — сказала Флоренс, открывая клетку.

— Отличная работа, Фло, — сказал Джок. — Мне особенно понравилось, когда ты плела ей насчет своего ребенка.

— Ой, дружок, голодных так легко обмануть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бизон проснулся поутру от тихого, но настойчивого стука в дверь комнаты Рэйфорда. Он протянул руку с раскладушки и открыл ее.

— Я думал вообще-то разбудить твоего тестя, — сказал Себастиан.

Бизон сразу и окончательно проснулся.

— Который час?

— Примерно 10:00.

— Что случилось? Что обнаружили твои ребята?

— Бизон, я намерен отчитываться только перед командованием.

— Ты шутишь, что ли? Ты не можешь ничего мне рассказать о моей жене?

— Я отчитываюсь перед Рэйфордом, Бизон. Ты тоже.

— Ну ты даешь, Джордж. Ты понимаешь, что это уже за всякие рамки выходит? — Би-

зон слез с раскладушки и постучал в дверь Рэйфорда. — Тут Себастиан с докладом, отец. Пора вставать.

Вышел Рэйфорд. Вид у него был мрачный.

— Привет, ребятки, — сказал он. — Как спалось?

— Так же как и вам, — ответил Бизон. — Теперь займемся делом.

Он запихал одеяло и простыни в пространство между матрасом и подушками раскладушки, сложил ее и сел. Рэйфорд сел рядом с ним.

— В коридоре ждет мой парень, — сказал Себастиан. — Я хотел посмотреть, в состоянии ли вы слушать.

— Тебе решать, — ответил Рэйфорд. — Сидим в одних трусах и ждем.

Джордж отворил дверь.

— Колючка, заходи.

Колючка оказался латиноамериканцем. Ему было чуть за двадцать, вел он себя по-военному. Он отдал всем честь, Бизон отмахнулся.

— Говори, говори же, — сказал он. — Все свои. Что там у вас?

— Господа, как вы знаете, я стоял на часах и примерно в 3:00 заметил, что датчик движения показывает активность в районе. В моей команде из трех человек есть одна женщина, и я попросил ее посмотреть в перископ в комнатах Уильямсов, поскольку там находилась женщина, в смысле, при ребенке, и я не хотел нарушать правила этикета...

— Мы поняли, мистер Колючка, — сказал Бизон. — Прошу вас, продолжайте.

— Да, сэр. Она проверила перископ и сообщила о вражеской активности на расстоянии двух кварталов от убежища и заручилась от мисс Той позволением входить в ваше жилище.

Бизон глянул на Рэйфорда, покачал головой и уставился в пол.

«Ради всего святого...»

— Я лично наблюдал эту активность и соответственным образом отдал приказ по команде. Мы вышли в солдатской форме, в десантном гриме, с легким мощным автоматическим оружием. Нашей целью было наблюдение. Мы должны были подобраться максимально близко, чтобы услышать, по возможности, о чем они говорят, и — если придется — защитить убежище или сбить врагов с курса и вывести на нейтральную территорию, таким образом дав обитателям данного убежища...

— Время унести ноги, — закончил Бизон. — Понятно, и что же случилось?

— Мы наблюдали две отдельные группы эмзсовцев, прочесывавших район. Однако, похоже, они начали обход с точки, находящейся в двух кварталах к западу от нас и продолжали облаву в западном направлении.

— То есть они скорее уходили от нас, а не приближались?

— Да, сэр, но нельзя сказать, что это хорошая новость. Наблюдая их направление и относительную скорость продвижения, мы смогли подойти к ним с фланга, и у двоих моих людей, находившихся с южной сторо-

ны, было достаточное естественное прикрытие, чтобы подобраться относительно близко и подслушать их. Они выяснили, что целью этой конкретной миссии было начать облаву с той точки, откуда они недавно ушли — по моей оценке, мистер Уильямс, оттуда, где вы их наблюдали с мистером Себастианом двадцать четыре часа назад, — и обследовать обширный район в окрестностях того места, где была задержана миссис Уильямс.

— Ради бога, вы проследили их до этой точки? — сказал Бизон.

— Да, сэр. Мы также слышали, что следующей ночью они вернутся и пройдут точку старта, что явно снова включает местоположение нашего убежища в область поиска. Мы думаем, что они будут прочесывать местность весьма тщательно и, таким образом, если это возможно, нам нужно эвакуировать убежище до 2:00 часов следующего утра.

— Вы сообщили кому нужно? Подготовка идет?

— Да, сэр, но есть еще кое-что. Неподалеку от того места, где, по их словам, они взяли миссис Уильямс, наши люди обнаружили «узи» и лыжную маску.

— О чем это говорит тебе, Бизон? — спросил Себастиан.

— Она выбросила их.

— Но еще мы — как минимум двое из моих людей — слышали, как эмэсовцы говорили о том, где ее содержат.

Бизон еле сдержался.

— Прошу вас, офицер Колючка, расскажите, что вы слышали о моей жене.

— Похоже, ее будут перевозить.

— Когда?

— В течение часа, сэр. Что-то насчет того, что надо закончить дело до того, как Карпати начнет сбор войск в своем регионе.

— Пожалуйста, поподробнее насчет этого «в течение часа», — попросил Бизон. — В течение часа с этого момента или с того?

— С того, сэр.

— Да бросьте вы это свое «сэр»! Знаю я, что вы военный, но я-то нет, это меня просто бесит. Вы хотите сказать, что Хлою увозят сегодня примерно в четыре часа утра?

— Да, сэ...

— Куда?

— Мои люди могут сказать только то, с... мистер Уильямс, что куда-то на восток.

— Куда-то на восток.

Бизон встал и протянул руки ладонями вверх к Рэйфорду и Джорджу.

— Они увозят ее куда-то на восток, что значит, что самолет уже вылетел, — он глянул на часы, — где-то шесть часов назад. Скажите, Колючка, никто не подумал заглянуть в штаб-квартиру МС и посмотреть, нет ли возможности помешать этой перевозке?

— Нет, сэр.

— Никто не подумал, что это тот самый чрезвычайный случай, когда надо срочно поднять мистера Стила, Себастиана или меня?

— К тому времени, когда я получил доклад, сэр, простите, машина уже закрутилась.

— Вы так полагаете.

— Да, это предположение.

— Они были уязвимее всего, когда переводили женщину из камеры, ну, из здания, чтобы посадить ее в машину и доставить к самолету. А мы все проспали.

— Прошу прощения, сэр, но, судя по всему, ничего эффективного мы предпринять не могли бы, с учетом того, когда мы все это слышали и, так скажем, тактического расчета времени маневра.

Бизон не мог сидеть на месте. Он расхаживал по комнате, с надеждой смотрел на остальных троих.

— Мы все прохлопали, — говорил он. — У нас была возможность, а мы все проспали!

— Бизон, прошу, держи себя в руках, — сказал Рэйфорд, но Бизона невозможно было успокоить.

— Держи себя в руках! — передразнил он. — Это же сводит все к одному вопросу, не так ли? Может, если мы все сейчас двинемся на восток, мы же перехватим их, так?

— Спасибо, Колючка, — сказал Себастиан. — Если все, можешь идти.

— Благодарю, господа, — ответил Колючка.

— Не за что, — ответил Бизон.

— Простите, сэр, если...

— Да ступайте уже, — сказал Бизон.

Рэйфорд кивнул молодому человеку, и тот поспешно вышел.

— Бизон, — сказал Джордж, — он, вероятно, принял правильное решение. Мчаться

туда перед рассветом в надежде попасть вовремя, не имея плана...

— Но это хотя бы была попытка что-то сделать, не так ли? — Бизон пнул стул, который полетел в кухню и отскочил от стола и шкафа. — Как понимаю, если я хочу еще раз увидаться с женой, я должен действовать в одиночку.

— И погибнешь, — ответил Рэйфорд. — Спустил пар? Ну и хватит.

— Ничего не хватит, пока я не верну Хлою.

* * *

Хлоя сползла со стальной полки и упала в шоколадную лужу на полу. Поскольку она не могла удержаться от падения, она ударилась головой о кафельный пол. Она лежала, неловко подвернув одну ногу, безвольно уронив голову и борясь с сонливостью. Что бы там ни подмешали в шейк, от этой штуки ей хотелось только сдаться и погрузиться в глубокий наркотический сон. Это напоминало ей о том, как она рожала Кенни.

Флоренс открыла дверь и опустилась на колени, чтобы вытереть лужу. Она перекатила Хлою на бок и распрямила ее ноги. Подняла Хлою одной рукой, вытерла пол, затем отпустила ее, и Хлоя повалилась на спину.

Глаза ее закрылись, дыхание стало глубоким и ровным, но она отчаянно молилась.

«Господи, не дай мне потерять сознание. Позволь мне слышать. Позволь мне понимать».

— Пол сухой? — сказал Джок.

— Подожди секундочку, — сказала Флоренс.

— Подстели сюда простыню, Найджел, и бери ее за щиколотки.

Хлоя ощутила у себя под мышками руки Джок. Почувствовала, как Найджел взял ее за ноги.

— На счет «три», — сказал Джок, и они приподняли ее с пола на несколько дюймов и положили на простыню. Затем они взялись за простыню и переложили ее на каталку. Хлоя была рада, что ее глаза закрылись. Она утратила чувство равновесия и чувствовала, что может упасть с каталки в любой момент.

— Теперь быстро к грузовику.

Каталку провезли через большую комнату, затем она остановилась. Хлоя услышала, как открывается лифт. Ее вкатили в кабину, лифт поднялся на один этаж. Вскоре ее вывезли наружу. Она не могла открыть глаза, как ни пыталась. Она ощутила прохладный воздух, но не могла даже задрожать. Ей хотелось стиснуть ноги и растереть руки, но она не могла шевельнуться.

«Господи, прошу Тебя, не дай мне потерять сознание».

— Катафалк? — сказал Найджел. — Это чья идея?

— Моя, — хихикнул Джок. — Люди не заглядывают в гробы, полагая, что там покойник.

— Ты летишь с ней? — спросила Флоренс.

— Ага, — ответил Джок, и Хлоя ощутила в его словах гордость. — Я должен довести это дело до самого конца.

— А где будет этот конец? — сказала Флоренс, и Хлоя почувствовала, как грузовик двинулся.

— Не могу сказать точно. Они намерены выжать из этой ситуации выгоду по максимуму. Из нее еще можно вытрясти информацию. Дальше будет сыворотка правды.

— Это же всегда работает. Верно?

— Обычно, да.

«На сей раз нет. Господи, не дай мне сказать лишнего».

Хлоя не могла пошевелить ни единым мускулом, но, похоже, Господь исполнил ее желание оставаться в сознании. Она могла слышать и ощущать запахи. Совсем не то, что осязать и видеть, но она явно ощущала предрассветную прохладу.

Чуть меньше часа они ехали по ровной дороге. Затем каталку сняли с катафалка, прокатили где-то сто ярдов и на руках подняли по лестнице и куда-то внесли. Видимо, в самолет. Когда завывли моторы, она поняла, что не ошиблась. Она услышала, как Найджел и Флоренс поздравляют Джок и желают ему доброго пути. Затем Джок и еще кто-то положили ее поперек нескольких сидений с поднятыми подлокотниками. Они как-то пристегнули ее в поясе и коленях ремнями от соседних кресел.

По голосам она могла понять, что они сели в кресла впереди нее. Ей показалось, что их только трое плюс пилоты лайнера. Она не знала, в каком еще самолете могло быть достаточно кресел в ряду, чтобы позволить ей лежать во весь рост.

— Сколько лететь? — спросил кто-то с испанским акцентом.

— Думаю, четыре часа, Джесс, — ответил Джок. — Затем еще миль пятьдесят машиной с юго-запада. Весь район Чикаго разворочен ядерными бомбами, сам знаешь, так что дальше на север никак.

Разговор перешел на совершенно бытовые темы, и Хлоя позволила себе забыться сном.

* * *

Бизон понимал, что путается у всех под ногами, но ничего поделать не мог. Пока все в убежище готовились к эвакуации, он только донимал всех. Никто не служил в той штаб-квартире МС до того, как уверовал? А не знает ли кто того, кто там служил? Какие-нибудь связи, наметки, идущая оттуда информация? Нет ли кого-нибудь, кто мог бы знать, с кем можно поговорить, обмануть, чтобы тот выдал информацию о Хлое?

Он пытался звонить в штаб-квартиру сам, по защищенному телефону, делая вид, что он из международной штаб-квартиры МС. Никто не купился. Он написал целый сценарий

для Минь, чтобы она попыталась завести разговор. Пока он будет играть с Кенни. Она тоже отказалась.

Наконец, Бизона разыскал Рэйфорд и сказал ему:

— Делай, что хочешь, но будь готов выступать вместе со всеми.

— Да я все равно поеду налегке, босс, — ответил Бизон. — Как думаете, никто из ребят Лайонела не согласится посадить меня где-нибудь на востоке?

Рэйфорд покачал головой и ушел.

— Эй, папа, — крикнул Бизон, — ваша комната не заперта?

— Не заперта, — ответил тот. — И там остались только твои вещи.

— Сейчас все соберу.

На пути к комнате Рэйфорда Бизон наткнулся на Колючку.

— Сэр, — сказал молодой человек и неловко отсалютовал.

— Не парься, сынок. Я должен перед тобой извиниться.

— Нет, все в порядке. Я понимаю, через что вы прошли.

— Это причина, но не повод. Я хочу попросить у тебя прощения. Я вел себя неподобающе.

— Все в порядке, сэр. Не берите в голову.

— Спасибо. Я могу задать тебе вопрос?

— Какой угодно.

— Почему ты так себя зовешь?

Бритва покраснел и опустил взгляд.

— Из-за несчастного случая на снегоходе.

— Ой. Могу узнать, что там было?

— Я в первый раз сел на него. Это было в Миннесоте. Понимаете ли, там не как в Мексике. Я не заметил колючей проволоки. Мог погибнуть. Она зацепилась за шлем и, по счастью, вместо того, чтобы соскользнуть и снести мне голову, засела в шлеме. С меня сорвало шлем, когда я пронесся под ней. Люди говорили, что проволока каким-то образом обернулась вокруг шлема. Она не лопнула, а после того, как я растянул ее до предела, ее отбросило назад, как пращу, и она выстрелила моим шлемом в меня. Он попал мне в голову и вырубил.

— Надо же. Что бы я там раньше ни говорил, я рад, что ты жив и с нами.

Эта безумная история заставила Бизона неотвязно думать о гильотине. Потеря Хлои угнетала его сильнее всего, он не мог не думать о том, как она страдает. Он не мог думать о том, как ее унижают, оскорбляют, мучают — он даже не хотел представлять себе, что там еще может быть. Не утешало даже понимание того, что если она погибнет, то они встретятся меньше чем через год. А как это все перенесет Кенни?

Хуже всего, он мог думать только о том, каким образом вероятнее всего умрет Хлоя. Смерть всегда смерть, и он это понимал. Но если уж дойдет до казни, если эмэссовцы захотят сделать из этого шоу — а они это делают, — то смотреть он не будет. Ни за что. От одной мысли, что его любимая женщина умрет этой отвратительной, мерзкой смертью, его начинало тошнить.

Он не сомневался, что она останется верной себе до конца. Он слышал рассказы о других, даже видел, как его старый друг Стив Планк натянул нос Карпати и восславил Господа перед тем, как умереть. Бизон также понимал, что, если дойдет до этого, тело Хлои на небесах обновится. Но ему все равно было тошно от мысли о том, что самый дорогой ему на свете человек умрет самой мерзкой смертью, которую он только мог себе представить.

Если его воображение даже сейчас преследуют такие картины, то что же будет, когда все свершится на самом деле? Он разыскал Рэйфорда.

— Я занят сейчас, — сказал его тесть. — И тебе следует заняться делом. Я говорю это не для того, чтобы отвлечь твои мысли от Хлои. Это не в моем духе. Но ты мог бы заняться чем-нибудь полезным.

— Я понимаю, но уделите мне одну минутку.

Он рассказал Рэйфорду о своих мучительных мыслях. К его удивлению, у Рэйфорда задрожала нижняя губа. Голос его был глухим.

— Я прошел через то же самое, Бизон. Я просто не хотел тебе говорить.

— Правда? То же самое?

— Да, в точности. Я отец, тут другое, сам понимаешь. Представь себе вместо нее Кенни. Я ведь присутствовал при рождении Хлои. Словно еще вчера она была крохотным пищащим младенцем, которого можно было успокоить, только крепко завернув в простынку и прижав к материнской гру-

ди. Для нас прекраснее ее ничего на целом свете не было. Мы все бы для нее сделали, все, чтобы защитить ее. И с тех пор ничего не изменилось. Она выросла, стала красивой женщиной. И все равно, несмотря на все ее шрамы и травмы, я вижу ее прежней.

— И я.

— Потому, Бизон, я понимаю тебя. Нам придется быть сильными и пытаться не думать об этом. Я просто не знаю, что еще делать.

* * *

Чань провожал Наоми домой поздним вечером.

— Я хочу показать тебе завтра кое-что на моем компьютере, — сказал он. — Я узнал, что шеф вещания новостного канала МС оригинальным образом решает проблему с темнотой. Как понимаю, он ошупью добирается до операторской и ищет переключатель, который позволяет сети получать материал по удаленному доступу из трех или четырех основных филиалов.

— Гениально, — сказала Наоми. — Не находишь?

— Да, я был впечатлен. Но и воодушевлен. Потому как мой доступ туда тоже не заблокирован, и я могу перехватывать эти каналы при помощи системы, которую Давид Хассид установил в Новом Вавилоне.

— Не терпится увидеть!

— Возможности неограниченны, Наоми. Как только Кэмерон Уильямс приедет сюда, мы будем работать вместе и бороться против лжи, которую распространяет МС! И мы можем начать прямо сейчас.

— И они ничего не смогут с этим поделать?

— Даже и придумать ничего не могут. Разве что организуют совершенно новую систему. Они, может, и думают, что у них есть на это время, но конец ближе, чем им кажется.

* * *

— Значит, короткая соломинка досталась тебе, напарник? — сказал МакКаллам.

— Простите, мистер Мак-Каллам, — сказал Ри, — но я не понимаю этого выражения.

— Если не вдаваться в тонкости, это означает, что тебе выпало это задание.

Они осматривали окрестности в перископ. Оставался час до того, как они незаметно смогут вывести «хаммер» из гаража.

— Подкинуть вас до самолета? Без проблем. Мне это нравится. Жаль, что не повезу вас до Висконсина. Я водил «гольфстрим» до этого только раз, и мне понравилось.

— Если у тебя так мало опыта, хорошо, что не ты повезешь меня, ну, ты понял.

Спустя немногим более трех часов Мак приземлился в Гудзоне, Висконсин, где его встретил неуклюжий Густав Цукермандель-младший, более известный как Зик.

— Жалко, что вы не повидаетесь с остальными в Эйвери, — сказал этот двадцатипятилетний толстяк. — Но даже тот парень, который подвозил меня, уже едет назад. Нам целый час пришлось перетаскивать мое барахло в кусты.

Мак пошел следом за ним к спрятанным ящикам и коробкам.

— Ты уверен, что нам надо таскать все это в самолет при свете дня, Зик?

— Ну, если только хотите ждать до темноты, но нужды нет. Это такой медвежий угол, о котором эмэсовцы позабыли. Я с самого момента моего приезда сюда ни одного миротворца не видел.

Пока они грузились, Мак спросил:

— Не жалко уезжать отсюда? Ты, наверное, привык к этим людям.

— Очень жалко, но мне кажется, что надо идти туда, где ты нужен. Я был нужен тут, а теперь я нужен там. Кто мог подумать, что такой никчемный человек, как я, вообще где-то может понадобиться?

— Ну, я в жизни не встречал человека, который бы подделывал документы и менял чужую внешность лучше тебя, и я слышал, что ты тут прямо вовсю развернулся.

— Если вы хотите знать правду, мистер МакКаллам, то все не так. На самом деле мне тут нечего было делать, в смысле, документы там, внешность менять — нам просто этого не было нужно. Потому я включился в изучение Библии, эрудицию свою развил и все такое, и вскоре наш пастырь взял меня под крылыш-

ко. Я никого не учил, не вел службу, но всегда помогал как мог. Мне это нравилось, это было настоящее дело. Они даже называли меня помощником пастыря, типа как в награду.

— Почетным, ага?

— Ну да, вроде того.

— Надеюсь, ты и правда польщен, ведь это не просто так.

— Мне будет их очень не хватать, но вот что я вам скажу — я готов лететь в Петру чтобы хотя бы увидеть это место. И снова говорить с доктором Бен-Иегудой, и Розенцвейгом, и всеми остальными...

— И у тебя будет много работы.

— И вы мне об этом расскажете.

* * *

Хлоя вполне очнулась после четырех часов полета. Действие транквилизатора кончилось, и она пришла в себя. Она была голодна как волк. Питательный батончик и та порция шейка, которую она успела проглотить прежде, чем наркотик вырубил ее, — это все, что она ела с семи вечера перед тем, как ее схватили. Это облегчало задачу делать вид, что она до сих пор без сознания.

— Который час? — спросил спутник Джок, когда самолет приземлился.

— Ближе к полудню. Жрать охота, — сказал Джок. — А тебе?

— Да.

— Я намерен, в конце концов, покормить заключенную. Немного поиграю в доброго копа. И вкормлю в нее малость сыворотки правды.

— Она оказалась крепким орешком. Не так ли?

— И не говори, Джесс. Прямо хоть аллилуйю для нее пой.

— А если не купится? Сколько будешь ее держать на сыворотке?

— Если не расколоть в первые двадцать четыре часа, то сколько потом ни давай — толку не будет.

— А голод что, никак?

— Я лично бы сдался, но это проверялось на военнопленных. Те, кто выдерживает первый круг психологического и физического воздействия, вряд ли когда-нибудь расколются, сколько бы с ними ни работали.

Когда Хлою понесли к телескопическому трапу, Джок сказал:

— В здешнем участке прежде не было женского отделения. Придется держать ее в одиночке. Это единственный способ отрезать ее от остальных заключенных.

Хлоя лежала поперек заднего сиденья огромного внедорожника. Она заметила решетки на окнах и отсутствие дверных ручек внутри. Тем не менее Джок надел ей наручники.

— Она скоро очухается, — сказал он. — Предосторожность не помешает.

Когда они остановились по дороге, Хлоя отчаянно придумывала способ сбежать.

— Я принесу пожрать, — сказал Джок, — а ты оставайся с ней.

Хлоя села.

— Мне нужно в туалет.

Джок уставился на нее.

— Серьезно?

— Куда уж серьезнее.

— У меня нет с собой надзирательницы, которая могла бы тебя сопровождать. Придется тебе идти в мужской туалет, и одному из наших придется быть с тобой.

— И не думайте.

— Может, тебе купить памперсы для взрослых?

— Сколько нам осталось до того места, где я смогу выйти?

— Полчаса.

— Потерплю.

Пока Джок был внутри, она попыталась завязать разговор с человеком, которого она до сих пор не видела. На его лбу был виден ноль, то есть он был из Соединенных Южно-Американских штатов. Он оказался неожиданно смуглым, с безупречно белозубой улыбкой.

— Вы напоминаете мне мужа, — сказала она.

— Прямо так? — сказал он.

— Ага. Только он не урод.

Его это рассмешило, и он обернулся к ней.

— Вы забавная, — сказал он. — Почему вы хотите разозлить меня?

— Вы с теми, кто собирается убить меня. Вряд ли я способна ответить вам или причинить какое-либо зло, так что...

— Разумно.

— Джок зовет вас Джесс.

— Да, Джесс, — ответил он.

— От Иисуса. Ваше настоящее имя Хесус? — произнесла по-испански это имя Хлоя.

— В общем, да, и у меня есть сестра Мария.

— И она тоже карпатианка?

— Конечно.

— Как, наверное, это печалит вашего тезку.

Джок принес еду и расстегнул наручники. Мужчины набросились на свои гамбургеры, а Хлоя, сидя за решеткой, отделявшей ее от переднего сиденья, громко произнесла:

— Господи, спасибо Тебе за эту пищу. Я прошу Тебя помочь мне съесть ее медленно, чтобы мне не стало плохо, и прошу Тебя уничтожить всякий яд, которым мог приправить ее Джок. Дай мне сил противостоять любым попыткам Джока и Джесса заставить меня сказать что-нибудь, чего я не должна говорить. Молю Тебя именем Иисуса. Аминь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Мне очень нравился Альби, — сказал Зик, когда Мак вел самолет над Атлантикой. — Он был хороший человек.

— Ты прав, Зи, — сказал Мак. — И хотя я хоть убей не могу понять, что случилось, но я боюсь, что он сделал какую-то невероятную глупость и погиб.

— Это на него не похоже. И вы, и капитан Стил, и все остальные, как правило, всегда прислушивались к его предложениям.

— Все мы люди. Стоит на секунду ослабить внимание, стать слишком самоуверенным — и кто знает, что будет? Он был решительно настроен встретиться с тем подонком, которого знал по прежним временам, и даже когда мы оба договорились, что я отправлюсь в Петру и отвезу Рэйфорда назад в Штаты, Альби все равно хотел закончить свою маленькую миссию. Так что это и моя

вина. Оба мы думали, что надо что-то сделать, и немедленно. И вот результат.

— Рэйфорд говорит, что Цион и Хаим тяжело переживают эту весть.

— Нам всем тяжело с этим смириться. Сколько бы раз ни приходилось такое переживать, легче не становится. Они хотят устроить небольшую панихиду по Альби, как только все из Сан-Диего прибудут в Петру.

— Когда это будет?

— Первая волна должна прибыть завтра где-то в три утра. Мы с тобой опережаем их часов на тринадцать. Как только я высажу тебя, я намерен отправиться в Аль-Басру и эвакуировать наше с Альби жилище, чтобы не оставить там никаких следов. Из Петры я поведу самолет побольше, чтобы забрать того самого Отто Везера и его ребят.

— Капитан Стил рассказывал мне о нем. Значит, вы увозите их в Петру из-за пророчества, по которому люди Божии должны покинуть Вавилон до того, как Господь его уничтожит?

— Именно.

Зик сидел и смотрел в окно на океан, растянувшийся под ними в семи с половиной милях.

— Как же это все выглядело, когда вода была кровью?

— Ты и представить себе не можешь.

— Мак, как вы думаете, Рэйфорд может доверять секретарше Карпати?

— Судя по тому, что он рассказывает, думаю, может. А ты считаешь иначе?

— Я не доверяю никому, кроме верующих. А вдруг она замыслила подлость, вдруг она готовит ловушку, чтобы накрыть вас с Отто?

— Приятные у тебя мысли.

— Вы же сами сказали, что осторожность лишней не бывает.

— Ну, — сказал Мак, — мы хотим узнать, что происходит в Аль-Хилле и по максимуму выяснить, что намечается после этого. И мы не знаем другого способа это узнать, кроме как через нее.

Через час Зик полез в одну из своих сумок и достал оттуда книгу. Вид у него был застенчивый.

— Когда мы познакомились в Чикаго, я и читать-то такое не был способен.

— Я хотел сказать...

— Но теперь я читаю лучше, и, думаю, я могу сделать гораздо больше — в научном смысле.

— То есть?

— Например, я полагаю, что вы, ребята, хотите, чтобы я изменил внешность и сделал документы группе людей.

— Верно. Все наши старые псевдонимы раскрыты.

— Я нашел вот эту книжку в заброшенной библиотеке на границе Миннесоты. Там полно сведений на эту тему, я о таком никогда прежде и не слышал. Новые способы менять цвет кожи и глаз и все такое. Накладные шрамы и прочие такие вещи. Сколько людей надо обработать?

— Думаю, пятерых, — сказал Мак. — Мне кажется, Рэй хотел это для себя, Бизона, Себастиана, Смитти и меня.

— Правда? И все? Тогда я везу многовато материалов.

— А что ты везешь?

— Все, что у меня осталось после Чикаго. Эмэсовские униформы всех рангов, удостоверения, документы, всякие прикормы для женщин и мужчин. Это будет просто. В смысле, это потребует времени, но я боялся, что вам нужно будет для дела человек десять—двенадцать. С мистером Себастианом будет труднее всего, но у меня уже есть идея.

— Расскажи.

Зик отложил книжку — видимо, чтобы удобнее было жестикулировать обеими руками.

— Проблема с высокими людьми одна — что с ними ни делай, росту им не убавишь. Мелких можно сделать крупнее — накладки там всякие, каблуки, но с больших тело не сгонишь.

Но я могу сделать Джорджу совершенно новую внешность, чтобы он выглядел как старик, и его габариты уже не будут так бросаться в глаза. Будет казаться, что он погрузнел с возрастом, а не накачал мускулатуру работой и физическими упражнениями. Может, даже дам ему тросточку, очки. Будет выглядеть как старикан, который только на удобрения и годится. Сбреем ему волосы, оставим венчик седых, нанесем морщины и получим вместо молодого парня в прекрасной форме типа лет на тридцать старше, с лишним весом, возможно, диабетом, с больными ногами, сутулого.

Добавить «толщинки» на бедрах и поясе, походку вразвалочку. Да кого он испугает?

— Великолепно. А для меня ты что припас?

— Больше всего вас выдает ваш южный акцент. Можете говорить по-другому? Как янки или британец?

— Британца подделать проще, чем янки, это уж точно.

— Если можете косить под британца, я вас таким и сделаю. Одну в твид и так далее.

* * *

Догадка Хлои о том, куда они направляются, подтвердилась, когда Джок сообщил кому-то по рации о прибытии, и их встретил конвой эмэсовских мотоциклистов и полицейских машин с мигалками. Знаменитую арестантку отконвоировали к тому месту, которое прежде называлось Коррекционным центром Стейтвилл в Джолиете, Иллинойс¹. Это было здание в готическом стиле, переделанное из бывшего исправительного заведения и ставшее одним из самых крупных международных тюремных центров. Там содержались как мужчины, так и женщины. По численности заключенных женского пола тюрьма была второй после Бельгийского женского реабилитационного центра.

Хлою поразило количество фургонов различных телекомпаний, сгрудившихся перед

¹ Одна из самых строгих тюрем в США.

входом. Отовсюду на внедорожник целились камеры, и как только он проехал, она обернулась и увидела, как операторские команды, толкаясь, стали занимать позиции для съемки на обширном дворе.

Двор этот стал знаменитым за последние два с половиной года. Заключение туда выпускали только по двум поводам. Первый — их сгоняли к бронзовой статуе Карпати три раза в день, где разбивали на группы человек по тридцать—пятьдесят для поклонения Карпати или казнили. На дворе стояло семь гильотин на расстоянии примерно тридцати футов друг от друга, расположены они были так, чтобы солнце освещало их от рассвета до заката.

Джок остановил машину посреди двора.

— Посмотри на них, дорогуша, — сказал он. — Эти ножи затачивают каждую ночь, но никогда не чистят. Не скоблят, не моют, не обрабатывают средствами против ржавения. Видишь вон те пазы по обе стороны, по которым скользит нож? Когда мы были более чело-веколюбивыми, мы их смазывали каждый раз перед употреблением. Но больше мы этого не делаем. Теперь нож скользит по пазам с трудом, иногда его заедает, иногда он идет косо, медленно. Но весу все равно хватает, так что, даже если случается неудачный день, он все равно врежется в шею как минимум на три дюйма. В старину, когда гильотина не делала своей работы, нам приходилось плохо. Приговор велел держать тебя на гильотине, только пока нож не упадет. Если оно почему-то тебя не убивало, ну, считай, понес наказание. И та-

кое случалось не раз. Много народу ходило со шрамами на шее. Но теперь, если нож тебя не убивает, мы просто поднимаем его еще раз — и отпускаем. Два-три удара ржавым ножом в запекшейся крови, лезвие которого, как я уже сказал, натачивают каждую ночь, и так до тех пор, пока не добьемся цели.

Примерно в двадцати футах перед каждой гильотиной находился шаткий деревянный стол, серый и потрескавшийся от солнца и ветра. За каждым стояли два совершенно неуместных здесь вращающихся кресла специального дизайна для Английского банка¹. Полированное красное дерево значительно менее пострадало от погоды.

— Регистратор и маркировщик должны сидеть, — сказал Джок. — Приговоренных строят в очередь. Как только их данные регистрируются и личные принадлежности конфискуются, они получают пластиковую бельевую корзину, которую они передают палачу. Он или она ставит ее с внешней стороны гильотины. Голова падает в корзину, тело остается там, где осужденный встал на колени. Идем, я тебе покажу.

— Не трудитесь.

— Ах, тебе это не нравится, верно?

Джок вышел из машины.

— Надень на нее наручники, Джесс, — сказал он.

Джесс повернулся и открыл решетку.

— Руки, — сказал он.

¹ Компания Gunlocke производит специально для Английского банка кресла из сахарного клена.

— Лучше вам снова меня транквилизаторами накачать, — сказала Хлоя.

— Что?

— Думаете, я вот так добровольно дам надеть на себя наручники, чтобы вы могли оттащить меня туда, куда вам захочется, да?

Джок открыл заднюю дверь.

— Стой, Джок! — заорал Джесс. — Она еще не в наручниках!

— Какого?..

Джок, который, как видела Хлоя, собирался устроить шоу для телерепортеров, плюхнулся на заднее сиденье. Хлоя стиснула руки в кулаки и засунула под себя.

— Значит, по-доброму не хочешь, да?

Он схватил ее за запястья и дернул вперед и вверх так, чтобы Джесс мог сковать их. Как только наручники были надеты, Джок вылез из машины, таща Хлою за собой. Она ударилась головой о дверь, упала на колени на пол, потом проехала по земле. Джок рывком поднял ее.

У Хлои все тело болело, но она была рада, что доставила им хлопот. Пусть кто-нибудь другой покорно идет навстречу смертной казни, но не она. Джок схватил ее за локоть и подтащил к центральной машине смерти.

— Завтра ты с ней познакомишься, если не согласишься сегодня сотрудничать с нами!

Смрад ошеломил ее, и оба мужчины прикрыли носы платками. Хлоя, которой, по счастью, на сей раз сковали руки впереди, зажала нос пальцами.

— Как видишь, — сказал Джок, — мы не моем платформу и землю тоже. Зачем?

Двор вокруг средней машины, как и вокруг всех остальных, стоявших рядом вдоль шестидесятиярдового рва, напомнил ей скотобойню. Земля вокруг была черной, вся в запекшейся крови.

— Видишь там мусорный контейнер?

Прямо за средней машиной, примерно в ста футах позади, стоял мусорный контейнер примерно в половину товарного вагона величиной. Крышки у него не было.

— Уборщик складывает туда корзины с головами. Еще двое отгаскивают тела. Видишь черный след от каждой гильотины до контейнера? Их опорожняют примерно раз в неделю.

Эмэсовцы оттесняли телевизионщиков, но те выкрикивали вопросы.

— Что на ее робе? Она обмаралась, что ли?

Хлоя оскорбленно крикнула в ответ:

— Это шоколад!

Джок обернулся и ударил ее по лбу.

— Ты ни с кем не будешь разговаривать, кроме нас, поняла?

— Они подмешали наркотик в шоко...!

Джек обхватил ее сзади и зажал ее рот. Когда она попыталась его укусить, он ударил коленом ей в спину, выбив воздух из легких.

— Дай скотч, Джесс!

— Извините, что дошло до такого, мэм, — сказал Джесс, вытащив из кармана куртки трехдюймовый рулон клейкой ленты. — Я надеялся, что не придется.

Джок потянулся за лентой и отнял руку от рта Хлои.

— Немедленно говорите правду! Меня накачали наркотиками! Они...

Джок так туго прижал к ее рту ленту, что ее верхняя губа тут же распухла, и когда он прижал ее по краям, она не смогла не то что слова сказать, даже челюстью шевельнуть.

«Господи, — молча взмолилась Хлоя, — помоги мне быть сильной. Я не хочу сдаваться. Я не хочу, чтобы меня побоями или запугиванием заставили сдать. И если они убьют меня, позволь мне прежде сказать правду. Напомни мне все стихи, которые я пыталась заучить. Пожалуйста, Господи, позволь мне говорить Твоими словами».

Джок и Джесс потащили ее к задней части двора, к стальной двери в стене одного из блоков камер. Дверь находилась на уровне земли, но она полагала, что за ней будет дверь, ведущая вниз, в одиночные камеры.

Они остановились в десяти ярдах от двери, с другой стороны примерно на таком же расстоянии стояли репортеры.

— Она еще что-нибудь рассказала? — крикнула какая-то женщина.

— Да! — ответил Джок. Хлоя отчаянно замотала головой. — Она с каждым разом рассказывает все больше, — продолжал он. — Конечно, мы должны были сказать ей, что о снисхождениях, так скажем, физического плана речи не будет. Она может себе помочь только тем, что будет рассказывать правду. Я уверен, что мы этого добьемся. Мы уже получили от нее гораздо больше информации об иегудаитском подполье, чем из других источников. И как вы знаете, она сдала мистера Аль-Басру, лидера террористов на Ближнем Востоке, и он уже мертв.

Хлоя продолжала мотать головой, но не питала иллюзий насчет того, что сегодня покажут по Си-эн-эн МС.

— Пока это все, ребята. У нас есть еще несколько условий для миссис Уильямс, чтобы переквалифицировать ее случай и заменить ей смертную казнь пожизненным заключением, но наши ежедневные казни будут, как всегда, исполняться с десяти утра, невзирая на обстоятельства. Мы не предполагаем вчерашнего аншлага, когда каждая машина работала почти полчаса, но по списку набралось тридцать пять голов, так что выходит по пять на каждую машину.

Пресса начала расходиться, но Джок и Джесс по-прежнему оставались у двери вместе с Хлоей.

— Я намерен закончить нашу экскурсию, дамочка, и ты меня дослушаешь, — сказал Джок. — Лучшие дни моей жизни я провел на этом дворе, заботился, чтобы люди получали свое. Честно говоря, я был очень разочарован, когда меня перевели в Сан-Диего, но начальство пообещало, что там будет большое подпольное гнездо иегудаитов. Мне сказали, что если я это гнездышко разворошу, то могу перевезти всех сюда. Так что я надеюсь, что ты только первая ласточка.

* * *

Мак был рад, что Зик составил ему компанию в этом долгом полете. Хотя образования

у парня не имелось никакого, он был достаточно сообразителен и пытлив. У него всегда имелись вопросы и темы для разговора.

— С Абдуллой посложнее — уж слишком физиономия характерная. И с акцентом будет морока, так что пускай остается уроженцем Ближнего Востока, но уж точно не иорданцем. С Рэйфордом-то все просто, я из него кого хошь сделать могу. Короче, скажем так, что вас пятерых я сделаю совершенно другими людьми. А вы что собираетесь делать-то?

— Сам не до конца уверен, Зик, — сказал Мак. — Идет слух, что Карпати созывает десятерых царей — естественно, он их называет региональными потентатами, но мы-то в курсе, что затевается, верно?

— Я знаю.

— Если Отто повезет в Новом Вавилоне, мы заранее узнаем, где намечается вечеринка. Мы туда проникнем и насажаем там «жучков». Мы не собираемся тормозить предсказанное в пророчествах, но неплохо будет знать в точности, что творится.

— А что будет с секретаршей Карпати?

— Кристелл? Будь моя воля, я бы убедил ее в том, что мы знаем, что случится с Новым Вавилоном, и забрал бы ее оттуда.

— В Петру?

Мак покачал головой:

— Как бы нам того ни хотелось, Господь сделал этот город убежищем только для Своего народа. Как бы то ни было печально, но она свой выбор сделала. Она выбрала сторону, она приняла клеймо. Если мы ее вывезем

из Нового Вавилона, мы просто не дадим ей погибнуть в том хаосе, когда Господь, наконец, обрушит свою кару на этот город. Она все равно погибнет когда-нибудь до Явления во Славе, и то, что ее ждет в жизни вечной, ей не понравится.

Это не значит, что мы с ней не можем стать друзьями и быть ей благодарными за помощь. Или не станем печалиться о том, что она ждала слишком долго, чтобы увидеть истину.

— Я все равно сомневаюсь, что ей можно доверять, — сказал Зик.

Крайний срок эвакуации убежища в Сан-Диего сдвинули на полночь отчасти от того, что подготовка опережала график, отчасти спокойствия ради. Никто не мог сказать, когда точно эмэсовцы начнут вторую облаву.

Бизон был в гаражном отсеке и разговаривал по рации с Минь, которая сидела в его комнате, присматривала за Кенни и следила за обстановкой в перископ. Когда она сказала, что горизонт чист, Бизон отправил нагруженные грузовики к взлетной полосе, где их встретил Лайонел Уолум.

В шесть вечера Минь передала по рации:

— Бизон, по телевизору показывают Хлою.

— Кенни смотрит?

— Я уведу его в другую комнату.

Бизон бросился назад, и когда он добрался до своей комнаты, туда же подошел и Рэйфорд. В новостях показывали, как Хлоя пытается говорить с прессой и как Джок бьет ее. Бизону хотелось порвать ему глотку, особенно когда показали, как они заклеивают ей рот. Ко лжи он привык, но видеть, как с ней обращаются, было невыносимо.

— Где это, как думаете, Рэй? — спросил он.

Рэйфорд покачал головой:

— Пытаюсь понять.

Одна из женщин-репортеров сказала:

— Здесь, в Луизиане, тюрьмы знамениты своим суровым режимом, но тюрьма в Анголе — страшнее всех. Международная террористка Хлоя Уильямс пожалеет о том дне, когда она довела Мировое Сообщество до того, что ее были вынуждены поместить сюда. Гильотина покажется ей милосердным избавлением по сравнению с каторгой, на которой она проведет остаток жизни.

— Ангола, Луизиана! — сказал Бизон. — Туда я и отправлюсь. Хочу взять с собой Себастиана и Колючку. Вы, конечно, тоже со мной, да? Кого бы еще нам с собой?..

— Притормози, Бизон, — сказал Рэйфорд. — Мы не едем в Луизиану.

— Что? Вы отправили троих лучших людей на выручку Джорджа в Грецию, а Хлою оставляете на милость эмэсовцев?

— Она не может быть в Луизиане.

— Но вы же только что сами слышали!

— Подумай, Бизон. Они хотят, чтобы мы подумали, будто она в Луизиане. Они вывезли ее

из Сан-Диего, чтобы уберечься от налета. Они не заявили бы на весь свет, куда ее увезли.

Бизон понимал, что Рэйфорд прав.

— Но ведь она в тюрьме, верно? Здесь-то они не врут.

— Я бы ни за что не поручился.

— Рэй, я не могу лететь в Петру и бросить ее здесь. Если я останусь где-нибудь на востоке, я хотя бы буду иметь шанс...

— Но как мы узнаем, где она?

— Я не прощу себе, если я улечу и спасусь, а ее брошу умирать в одиночестве. И не понимаю, как вы так можете.

— Я, чтоб ты знал, и не бросаю ее.

— Отец, мы же в этом заодно! Не скрывайте от меня ничего!

— Я позвонил Кристелл, чтобы выяснить, не знает ли она чего-нибудь. Проблема в том, что там сейчас четыре утра, и она не думает, что в любом случае кто-нибудь в курсе. Те, кто мог бы знать, сейчас в Аль-Хилле. Будет очень подозрительно, если Кристелл начнет расспрашивать их о Хлое.

* * *

В Иллинойсе был еще только вечер, но Хлоя с удивлением увидела, что ее уже несколько часов как оставили наедине с собой. Насчет одиночки она была права. Лестница уводила вниз, под землю. Ее затолкали в маленькую камеру без койки, раковины, туалета, стула, ска-

мейки — вообще без ничего. Без света и окна, естественно. Клейкую ленту с ее рта сняли, и когда тяжелая стальная дверь захлопнулась, она оказалась в полной темноте.

В двери открылось маленькое квадратное окошечко, в котором показалась физиономия Джока.

— Я намерен дать тебе немного отдохнуть, — сказал он, — да и сам тоже хочу прилечь. Вспомни все, что ты можешь мне сказать в обмен на послабления, иначе, когда я вернусь, мы тебе сделаем еще один уколчик, чтобы помочь разговориться. Здесь ты сидишь из-за своей нынешней выходки. Если ты боишься темноты или страдаешь клаустрофобией, тебе тут не понравится.

Хлоя боялась темноты, и клаустрофобией тоже страдала, но признаваться в этом не собиралась. Она боялась, что запаникует или сойдет с ума, но когда услышала удаляющиеся шаги Джока, ее вдруг охватило спокойствие.

— Спасибо Тебе, Господи, — сказала она. — Ты нужен мне. Я готова умереть, но я не хочу опозорить Тебя. Мне нужна Твоя помощь, чтобы преодолеть действие сыворотки правды. Не дай мне выдать ничего и никого, поддержи меня, чтобы я так не волновалась за себя. Помоги мне сохранить разум, сосредоточенность, помнить о самом важном. И не оставляй Кенни, Бизона и папу.

От одной мысли ей перехватили горло рыдания. Хлоя прижалась спиной к стене и сползла на холодный пол.

— Господи, пожалуйста, дай мне вспомнить Писание, то, что Ты хочешь услышать

от меня прямо сейчас. Пусть усталость и голод не помешают мне вспомнить. Ты знаешь, кто я и чем я не являюсь. Я просто хочу стать тем, чем Ты меня хочешь сделать. Ты Сам знаешь, что я несовершенна.

Она легла на бок. Сердце не дрожало от темноты и замкнутого пространства. Одно это уже было свидетельством того, что Господь услышал ее. Она начала повторять в уме библейские стихи, начав с самых первых, какие могла упомнить. Но, запнувшись, она запаниковала:

— Господи, укрепи мой разум! Не дай мне забыть. Я хочу говорить Твоими словами, когда увижу Тебя!

Ее мысли хаотично закружились в голове.

«Как же я смогу что-то вспомнить? Что, если у меня в голове будет полная пустота?»

— Господи, молю Тебя!

И вдруг внезапно вспыхнул свет. Она спит? Хлоя заморгала. Грязная, вонючая камера была освещена так, что ей пришлось прикрыть глаза рукой. Видение? Сон? Наваждение?

Затем послышался голос. Голос, повторявший ее любимые стихи. Она стала повторять их, слово за словом.

— Это твой ответ, Боже? Ты будешь говорить, а я — повторять? Спасибо! Спасибо Тебе!

Послышался громкий стук в дверь.

— Ты там, заткнись!

— Да, мир тебе, будь спокойна.

Голос слышался из угла камеры! Хлоя отняла руки от лица и подпрыгнула, увидев сидящую фигуру, которая поднесла палец к губам.

- Господи, Ты? — еле дыша, сказала она.
- Никто не может живым видеть Господа, — прошептал он.
- Тогда кто ты?
- Он прислал меня.
- Слава Богу.
- Воистину.
- Кто-нибудь еще может тебя видеть?
- Завтра. Пока нет.
- Ты напомнишь мне то, что обещал Господь?
- Да.
- Мне прямо петь хочется!
- Так пой.
- Спой со мной.
- Я здесь не для того, чтобы петь, но чтобы говорить. Ты пой.
- Хлоя начала петь:

— Когда с Богом идем
Его светлым путем,
Что за радость Он нам подает!
Кто доверил себя
В Божьи руки, любя,
Никогда не покинет Господь!

- Эй ты, заткнись!
- Хлоя запела громче:

— Доверься и верь
И откроется дверь
К счастью в Иисусе,
Доверься и верь!

- Если эта дверь откроется, ты об этом очень сильно пожалеешь!

— И в счастливом кругу
У престола Его...

Снова стук в дверь — похоже, дубинкой, —
и Хлоя рассмеялась.

— Им не нравится мой голос, — сказала
она своему новому другу.

— Или слова, — ответил он, и она рассме-
ялась еще громче.

— Ты там спятила, что ли?

— Нет! У вас есть ко мне просьбы?

— Только чтобы ты заткнулась!

— Извините! — И она снова начала петь:

— Верю я в Слово Христа моего
Пусть века восхваляют и славят его,
Высшую славу ему возношу,
Верю я в слово Христа моего!

— Ну ладно же! — Маленькая дверца рас-
пахнулась. В комнате снова стало темно. —
У тебя свет?

— Конечно! Это свет Господень!

— Я серьезно спрашиваю? Что там у тебя?

— Просто Его свет.

— Если Джек вернется и найдет у тебя
что-нибудь, ты очень пожалеешь!

— Пожалеем о шансе удивить его? Вряд
ли. Ты умеешь петь на несколько голосов?
Тогда пой со мной:

— Верю я в Слово Христа моего...

Охранник захлопнул дверь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рэйфорд мог только догадываться, каково сейчас Бизону. Наверняка муж воспринимает все иначе, чем отец. Но спрашивать он не решался.

— Мы сделаем вот что, — говорил он зятю. — Я попросил Лайонела зарезервировать для нас двухместный самолет. Он быстрый, но топлива берет в обрез. Нам придется подзаправиться по дороге, скорее всего на Кипре. Мы поможем вывезти всех оттуда, затем можем просто спокойно сидеть на взлетно-посадочной полосе. Можем полететь на Средний Запад, на юг. Куда угодно, где, как ты считаешь, мы будем ближе всего к Хлое.

— И что мы будем делать?

— Можем взять с собой маленький спутниковый телевизор и держать связь с Маком, Отто и Кристелл, чтобы найти хоть какие-то указания на то, где она находится.

— То есть вы хотите, чтобы я находился на одном континенте с Хлоей, когда она умрет? Вы это хотите мне сказать?

— Нет, но...

— Отец, да вы сами подумайте. Я не вожу самолет. У вас нет второго пилота. Ни вы, ни я не имеем военной подготовки. Вы добываете двухместный самолет на двоих, значит, вы не собираетесь выручать Хлою.

Рэйфорд сел и охватил голову руками.

— Я просто не знаю, что еще можно сделать, Бизон. Я не покину Штаты, пока она в тюрьме. Но пока мы не узнаем, где она конкретно, я не отправлю за ней команду.

— И откуда мы начнем?

— Как насчет Висконсина, где базировался Зик? Он говорил, что эмэсовцы ни разу туда не совались. Он в самом центре, так что если мы что-то узнаем, то быстро окажемся на месте.

* * *

Джок привел Хлою в тускло освещенную комнату примерно в ста шагах от ее камеры.

— Сегодня мы с вами общаемся наедине, мэм. Ни второго копа, ни света в глаза, никакого давления.

Но когда она увидела, куда ее собираются посадить — в стальное кресло, привинченное к полу, с кожаными ремнями на подлокотниках и ножках, она сказала:

— Нет, Джок, наедине не получится.

— В смысле?

— Да вы в одиночку меня к этому креслу не пристегнете.

— Мне думается, что пристегну. Но вам это не понравится.

— А я сделаю так, чтобы вы пожалели, что взялись за это в одиночку. Я ни за что не дам себя пристегнуть, если только меня не заставят силой.

— Но, может, мы все же пойдем не таким сложным путем? — сказал он. — Может, мы просто поговорим немного и посмотрим, нужно ли вас пристегивать вообще?

— И никакой сыворотки правды?

— Нет, если вы будете сотрудничать.

— Могу сразу сказать, что не буду.

— И я не смогу переубедить вас, чтобы вы передумали, вели себя как хорошая девочка, помогли себе?

— Нет, сэр. Кстати, мне надо в туалет, и до тех пор я не то что не дам себя пристегивать, я даже садиться не стану.

Джок вздохнул и повел ее дальше по коридору.

— Как вы понимаете, окон в тюремном сортире нет. И выход там же, где и вход, и у входа буду ждать я.

Мак позвонил Рэйфорду среди ночи с борта летящего высоко над Атлантикой самолета.

— Во сколько Везер собирается быть во дворце?

— К восьми утра по местному времени.

— Как понимаю, в первую очередь мы должны узнать хоть что-нибудь о Хлое.

— Верно.

— И затем о планах Карпати.

— Именно так.

— Я попытаюсь позвонить ему за полчаса до условленного срока. Перезвоню тебе сразу, как что-нибудь узнаю.

* * *

Хлоя вышла из загаженного стэйтвилльского туалета и увидела, что Джок стоит уже с двумя охранниками, женщиной и двумя мужчинами.

— Значит, нас будет только двое, а, Джок?

— Могло бы быть. Когда тебя пристегнут к креслу и вид у тебя будет нерадостный, глянь в зеркало. По крайней мере, если будешь честно мне отвечать, ты сэкономишь мне время на уговоры, а себя избавишь от драки, когда тебя буду сажать в кресло.

Как только Хлоя вышла в коридор, женщина схватила ее за правую руку и заломила за спину, мужчина сделал то же с левой рукой. Она хотела было сопротивляться, чтобы показать Джоку, что так просто ее не возьмешь. Как только они вошли в маленькую комнату, третий охранник наклонился и схватил ее за ноги, оторвав от пола. Руки вывернуло так,

что она закричала от боли. Ее в считанные секунды пристегнули к креслу.

Охранники ушли, оставив Джоку шприц. Он запер дверь и подошел к ней.

— Даю последний шанс, — сказал он. — Ты не желаешь рассказывать правду без этой штуки?

У Хлои бешено забилося сердце, когда она увидела, что в кресле Джока сидит ее друг, тот, что приходил к ней в одиночную камеру.

— Да я и с ней не собираюсь тебе ничего рассказывать.

— О, эта штука и не таких ломала, — сказал Джок.

Он начал с того, что вставил катетер в вену на ее руке. Он делал все так четко, что было понятно — он в этой области имеет немалый опыт. Хлоя не почувствовала боли, и он умело закрепил катетер пластырем. Затем он вставил в катетер трубку, тянущуюся к его краю стола.

Джок сел, и новый друг Хлои встал у него за спиной. Она еле могла сдерживать улыбку, глядя ему в лицо поверх головы Джока.

— На что ты смотришь? — сказал Джок.

— Ты его не знаешь, — ответила Хлоя. И это было правдой — ведь Джок хотел правды.

Джок ввел в трубку сыворотку.

— Когда я нажму на плунжер, тебе в вену поступит пятнадцать кубических сантиметров сыворотки — половина унции. И ты полностью расслабишься. Ты наверняка знаешь, как эта штука действует. Она противодействует веществу, вырабатываемому мозгом,

которое подавляет слишком повышенную откровенность. Но именно полнейшей откровенности, как понимаешь, я от тебя и хочу.

— Жду не дождусь узнать, чего ты хочешь от меня услышать.

— Скажи достаточно, и ты будешь жить.

— Ой, Джок, мне кажется, что сыворотка правды нужна не мне.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Ты не хуже меня знаешь, что в любом случае мне будет вынесен смертный приговор.

— Не обязательно.

— Ты лжешь. Я это знаю и говорю тебе правду, а, если не ошибаюсь, ты мне даже еще и сыворотку не вводил.

— Нет, но с меня хватит. Начнем.

Гость Хлои за спиной у Джокса сделал жест, словно дирижер взмахнул палочкой, и Хлоя начала мычать напев себе под нос. Затем тихо запела.

— Ливень благословений,
Радости и чудес,
Любовь и обновление
Пошлет нам Спаситель с небес.

— Сыворотка подействует не сразу, так что не думай, что ты поешь правду.

— Ливня благословенья,
Ливня благословенья,
Вешнего ливня мы ждем.
Каплет росой милосердьё —
Но пусть прольется дождем!

— Красивая мелодия.

— Спасибо. А слова еще лучше.

Через несколько минут Хлоя ощутила действие сыворотки. Странное состояние. Ощущение благополучия, доверия, когда можно говорить что угодно, вообще что угодно. Если бы она не знала, как все обстоит на самом деле, она захотела бы помочь этому человеку, ответить на его вопросы. С ней не случится ничего плохого, все будет хорошо.

Только вот она знала, что это не так. Она посмотрела мимо Джока.

— Сколько ты пробудешь со мной? — спросила она.

— Сколько понадобится, — ответил невидимый человек.

— Хм? — спросил Джок. — Сколько понадобится. Я отдохнул. И смогу продержаться столько, сколько продержишься ты.

— Спорим, что нет.

— Попробуй.

Хлоя улыбнулась:

— Мне кажется, что я и так уже доставила тебе массу хлопот.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне хорошо.

— Отлично. Наблюдается прогресс. Как твое имя?

— Хлоя Стил Уильямс, и я горжусь этим именем.

— Как зовут твоего отца.

— Рэйфорд Стил.

— А мужа?

— Кэмерон Уильямс. Я зову его Бизон.

— У тебя есть ребенок?

— Да.

— Как его зовут?

— Его имя имеет особое значение для нас с Бизоном, поскольку мы называли его в честь двоих очень дорогих наших друзей и соратников, которые погибли.

— И как их имена?

— Если я отвечу, ты узнаешь имя моего сына.

— А почему мне не следует его знать?

— Чем меньше ты о нем знаешь, тем труднее тебе будет до него добраться.

— Я уже сказал, что мы не хотим причинить зла твоему сыну.

— Это ложь.

— Как бы то ни было, ты уже упомянула его имя в разговоре с отцом. Кенни.

Джок снова нажал плунжер, и, возможно, чисто психологически Хлоя ощутила мгновенный прилив. Странно, но ей хотелось говорить правду, пусть и не ту, которой ждал Джок.

Он покраснелся больше обычного. Неужто она заставила его разозлиться? Она надеялась, что так.

— Ты состоишь в подпольной группировке, ведущей подрывную деятельность против правительства Мирового Сообщества и его верховного потентата Николае Джетти Карпати?

— Да.

— Это правда, что вы отрицаете божественную сущность потентата?

— Да. Более того, мы уверены, что он и есть библейский Антихрист.

— Ты сознаешь, что одно это заявление чревато смертным приговором?

— Да, и я знаю, что Господь желает правды, что закон Господень — правда, Иисус — правда, и если ты знаешь правду, то она делает тебя свободным.

«Откуда эти слова? Спасибо, Тебе, Господи».

— Ты являешься членом крупной иеудайтской группировки в Сан-Диего, Калифорния?

— Ты спрашиваешь, кто я такая?

— Я спрашиваю, являешься ли ...

— Я следую за Христом, Сыном Бога Живого. Он могущественнее меня, я недостойна даже развязать ремень его сандалий.

— Что?

— Ты не слышал меня?

— Связаны ли иеудайты или фракция иеудайтов, известная под названием «отряд Скорби», с тьмой, окутавшей Новый Вавилон?

— Это дело Самого Господа.

— Ты сама или группировка, которую ты представляешь, пытается свергнуть мировое правительство?

— Это уже сделано. Просто пьеса еще не доиграна до конца.

— Мировое правительство свергнуто?

— Скоро это станет известно.

— Ты поклоняешься образу Николае Карпати три раза в день?

— Никогда не поклонялась.

— Сообщи мне о местоположении твоих сообщников или другую информацию, которая поможет их схватить. В первую очередь

я говорю о твоём отце, муже, докторе Бен-Иегуде и докторе Хаиме Розенцвейге.

— Я скорее умру.

Джок ввел остаток сыворотки и сидел минут пять, рассматривая ногти. Хлоя запела:

— О, благодать, спасен тобой
Я из пучины бед;
Был мертв — и чудом стал живой,
Был слеп — и вижу свет.

Джок встал и посмотрел на дверь, тяжело дыша. Он подошел к креслу Хлои и убрал трубку и катетер. Отстегнул ремни.

— Что, все? — сказала она.

— Нет. Но ты получила максимальную дозу. Я никогда ничего подобного не видел. Мы посидим, поболтаем несколько минут, и если последняя порция сделает свое дело и заставит тебя одуматься, дай мне знать.

— Давайте поговорим о вас, Джок. С чего вы так возлюбили Карпати?

— О, нет-нет, об этом мы говорить не будем. Оставьте меня в покое. Вы верите в то, во что верите, и это очевидно. Это впечатляет, признаюсь. Вы ошибаетесь, но все равно впечатляет. С религиозными экстремистами всегда такая проблема.

— О, значит, вот мы кто? — сказала она.

— Конечно.

— Вы готовы свалить нас в одну кучу с теми, кто убивает во имя веры, так?

— Вы такая же экстремистка, как они, мэм.

— Мы не убиваем людей, которые не согласны с нами. Мы не возводим статуй Го-

спода повсюду и не требуем в законодательном порядке, чтобы каждый человек простирался ниц перед ней по три раза на дню. Мы предлагаем истину, мы показываем людям путь, мы призываем их к Господу. Но мы не заставляем их верить силой.

Джок тяжело плюхнулся в кресло.

— Вы понимаете, что завтра вы умрете?

— Догадываюсь.

— И это вас не беспокоит?

— Конечно, беспокоит. Я боюсь умирать.

— И вы никогда больше не увидите мужа, ребенка, ваших любимых и друзей.

— Если бы это было так, то это была бы совсем другая история.

— Понял. Конфетка на небесах и до встречи, ага? Настанет час, и все вы будете плавать на облачках, играть на арфах и носить белые хламиды.

— Надеюсь, насчет конфетки вы не ошиблись, а вот про арфы мимо.

Джок покачал головой.

— Мы собираемся транслировать вашу казнь по телеканалам всего мира.

— Но сначала напустить побольше вранья обо мне, так?

— Надо же нам сказать что-нибудь, чтобы сохранить лицо.

— А вам хочется сохранить лицо, поскольку вся операция оказалась гигантским провалом, не так ли?

— Можно было и лучше.

— Лучше? Да хуже некуда! Чего вы достигли?

— Ну, когда мы найдем место, где скрываются остатки трусов, мы кое-чего достигнем.

— Вы называете их трусами потому, что они скрываются, или хотите сказать, что все они такие же трусы, как я? Вы считаете, что я трусиха?

— Ну, вообще-то нет.

— Я смогу завтра произнести последнее слово?

— В вашем случае мы не можем этого допустить. Я прямо слышу, как вы начинаете проповедовать, набрасываетесь на Карпати, пытаетесь направить людей к спасению.

— То есть я смогу сказать последнее слово, только если моя речь будет одобрена Мировым Сообществом.

— Ну, что-то вроде того.

— Мы об этом позаботимся.

— Мы? Кто это — мы?

Хлоя встала и увидела, что ее друг ушел. Она пошла в атаку.

— Джок, вы понимаете, что грядет день — и куда скорее, чем вы думаете, — когда всем придется признать Господа и Его Сына?

— Вы так думаете?

— Но так написано: «Живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедовать Бога»¹.

— Ну, малышка, это не мой случай.

— Извини, Джок, но все должны будут держать ответ перед Богом.

¹ Послание к Римлянам 14:11.

— Мой бог Карпати, и другого мне не надо.

— А что, если Иисус победит?

— А он победит?

— «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца»¹.

— Надеюсь, что все это утешит тебя завтра, когда ты будешь стоять на солнцепеке, нюхать ту вонь, видеть, как катятся головы и знать, что твоя будет следующей. Может, я не такой хороший дознаватель, как я думал, и, может, ты отвалила много бабла, чтобы тебя научили сопротивляться сыворотке правды. Но ничто так не прочищает мозги, как близость в очереди на гильотину. Увидимся утром, милочка. Ставлю что угодно, что ты будешь трястись, выть от ужаса и умолять, чтобы тебе дали еще один шанс спасти свою шкуру.

* * *

В 8:30 по дворцовому времени Мак был все еще в семи часах лета от Петры. Он позвонил по номеру Отто Везера, который дал ему Рэйфорд, и назвался.

— Он воскрес, — сказал немец.

¹ Послание к Филиппейцам 2:9.

— Христос воистину воскрес, — ответил Мак. — Что вы можете мне сказать?

— Я хочу сказать, мисс Кристелл истинное сокровище. Жаль, что она не на нашей стороне. Она дала мне прослушать свой разговор с человеком по имени Сухайль Акбар, главой...

— Я знаю, кто это, мистер Везер. При всем моем уважении, короче.

— Карпати приказал ему и его людям сделать две вещи. Во-первых, перевести верхушку правительства в Аль-Хилле и второе, приготовить настоящий Октоберфест для всех мировых лидеров в Багдаде через шесть месяцев, начиная с нынешнего момента.

— Итак, это будет в октябре?

— Это выражаясь фигурально. Это, как вы, янки, говорите, будет большая вечеринка. Со всей помпой и торжественными встречами, флагами, плакатами, светомузыкой, оркестрами, танцами и так далее. Если свет вернется в Новый Вавилон, правительство вернется домой. Но если и так, та большая встреча все равно состоится в Багдаде.

— Где точно? Это известно?

— В совершенно новом здании, мистер МакКаллам. Там, где раньше, до войны, стоял Иракский музей. Оно должно быть совершенно современным, с шикарными номерами, залами для совещаний и церемоний. Я хочу сказать, что глав регионов всего десять, но кроме частных встреч с кабинетом Карпати желает устроить и открытые праздничные мероприятия для широкой публики. Однако

для своего народа он говорит лишь о встрече региональными потентатами с целью окончательного решения еврейского вопроса.

— Для вас, как для немца, это, наверное, напоминает кое-какие моменты из вашей истории, а, мистер Везер?

— Честно говоря, сэр, в наших учебниках по истории написано не то же самое, чем в тех, которые пишут о нас, но я понимаю, о чем вы. Да, эту булочку мы уже кушали.

— А о Хлое Уильямс есть что-нибудь?

— Кристелл говорит, что она в тюрьме Анголы в Луизиане.

— Она основывается на тех же новостных сообщениях, которые видим и мы, или у нее есть информация со стороны?

— Сейчас спрошу.

Отто вернулся через несколько секунд.

— Оба варианта. Она говорит, что смотрела новости, но еще и слышала, как люди из безопасности говорили о местоположении Хлои то же самое. Последние сведения — она будет казнена в 10:00 по центральному времени.

— Мы должны лететь туда и взять с собой Джорджа и еще несколько человек, Рэйфорд, — сказал Бизон.

— Все равно в этом нет смысла, — ответил Рэйфорд. — Зачем им сообщать, где она находится?

— Возможно, это ловушка для нас.

— Тем меньше вероятность того, что она там.

— Думаешь, они вычислили Кристелл? — сказал Бизон. — Дали ей фальшивые сведения, чтобы ее проверить?

— Пусть с этим разбирается Себастиан.

* * *

Еще до рассвета Чань уже сидел за компьютером в техцентре. Когда пришла Наоми, она встала у него за спиной, легко положив ладони ему на плечи.

— Какие последние новости насчет жены мистера Уильямса?

— Все, что удастся добыть из обмена сообщениями между дворцом и Аль-Хиллой, говорит, что Хлоя находится в Луизиане и приговорена к смерти в шесть утра по нашему времени.

— О нет!

— Это еще не самое худшее, Наоми. Они пускают это по международному телевидению и не говорят правду. Если они хотят так выманить отряд Скорби, они могли бы оставить ее в Сан-Диего. Рэйфорд и Бизон сейчас занимаются эвакуацией тамошнего убежища, но понятия не имеют, что теперь делать. Я надеюсь, они сумеют разобраться. Насколько мы знаем, Хлоя находится где-то в часе полета от Сан-Диего. Эмэсовцам нужно держать ее там, откуда Си-эн-эн МС может вести передачу в прямом эфире.

Наоми подтащила стул и села рядом с Чанем.

— Если и есть какой-нибудь новостной канал, который ты хотел бы отключить, то этот, верно?

— Я не хочу, чтобы мир это увидел.

— Но мы ведь хотим, чтобы они увидели и услышали то, что может сказать Хлоя.

— Верно. Я буду наготове, чтобы подключиться, если они выйдут из себя и начнут дурно с ней обращаться.

* * *

Себастиан был согласен с Рэйфордом.

— Они ни за что не сказали бы, где они ее держат на самом деле, — сказал он. — Это была бы чудовищная оплошность.

— Тогда где? — сказал Бизон. — Лучше знать худшее, чем ничего не знать.

— Давай спросим Кристелл, готова ли она рискнуть, — сказал Рэйфорд. — Я ей позвоню.

Когда она взяла трубку, Рэйфорд сказал:

— Мне необходимо попросить вас пойти на риск ради меня.

— Меня могут казнить за то, что я уже для вас сделала.

— Я готов дать вам информацию, которая продлит вам жизнь.

— Вы о чем?

— Вы же заходите на веб-сайт доктора Бен-Иегуды, верно?

— Я уже говорила, что да.

— Тогда вы должны знать, что все уже было заранее предсказано в Библии — все эти напасти и кары, поразившие Землю.

— Да, жуткое дело.

— Жуткое, но тем не менее это реальность, и мы знаем, что дальше будет с Новым Вавилоном, только не знаем, когда именно.

— И что это будет?

— Бог уничтожит город в течение часа.

— О, Боже...

— Он призовет Свой народ — таких, как Отто и его друзей, — чтобы они вышли из города и спаслись. Вам тоже надо уйти.

— И куда?

— Куда угодно, только уходите из Нового Вавилона.

— А вы уверены, что это случится?

— Если нет, то это будет первый раз, когда пророчество не сбудется. Кристелл, я не могу пообещать вам, что вы будете в безопасности, даже если покинете Новый Вавилон. Остальной мир тоже пострадает, но, возможно, не так жестоко и стремительно, как этот город. Так что ваша единственная надежда — покинуть это место.

— А то, что Карпати посылает все эти свои армии в Израиль, это тоже есть в пророчествах? — спросила Кристелл.

— Вы когда-нибудь слышали об Армагеддоне? Вот это он самый и есть. Но сначала придет конец Новому Вавилону.

— И чего вы хотите от меня за честное предупреждение?

— Одного звонка. Тому, кто может знать. И я хочу, чтобы вы каким-то образом упомя-

нули в разговоре Хлою Уильямс. Скажите, что вы видели ее в новостях или что-то в этом роде, что вам просто любопытно. Ее действительно казнят и где? Вы можете это сделать?

— Вы не верите, что это в Луизиане? — сказала она.

— Верится с трудом.

— Ничего не обещаю, но посмотрю, что удастся узнать.

* * *

— И как ты собираешься провести вечер, Джок? — сказала Хлоя, когда он вел ее в одиночную камеру.

— Буду спать как младенец. Завтра трудный день. Мы сообщим миру, что ты все выложила, но под конец отказалась принимать печать и не принесла клятвы верности Карпати. Мы были вынуждены.

— И ты будешь героем.

— Возможно, меня повысят. Переведут в международные силы.

— И где они сейчас?

— А тебе что за дело? Ты ничего никому не сможешь сказать и ничего не сможешь с этим поделать.

— Ну и почему ты боишься мне сказать тогда?

Он посмотрел на нее искоса:

— Ходят слухи, что меня направят в долину Изреель.

— О? А что там намечается?

— Я не имею права говорить.

— Но ты знаешь?

— Ну да, конечно, я знаю.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Выше только небо, верно?

— Думаю, да, — сказал он.

— А хочешь немного секретной информации?

— Ты немного с этим опоздала, но я слушаю.

— Новый Вавилон никогда не вернется к прежнему состоянию.

— И ты точно это знаешь.

— Так же точно, как верно то, что я стою перед тобой, — сказала Хлоя.

— Ну, я сомневаюсь, но ты все равно этого не сумеешь проверить. А я — сумею.

— В этом я очень сомневаюсь.

— Встретимся утром, мэм.

Хлоя села на пол в своей темной камере и тихо спросила:

— Ты все еще здесь?

— Я всегда с тобой, — последовал ответ. — До окончания времен.

Хлоя растянулась на полу и все оставшееся время молилась, потому что заснуть не могла. Она пела, читала отрывки из Писания и слушала.

По большей части слушала. А он утешал ее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Я впредь не позволю такому повториться, отец, — сказал Бизон. Они стояли возле двухместного самолета в малолюдном Западном Висконсине. Загорался рассвет. Они смотрели миниатюрный телевизор и слушали радио, ожидая звонка от Кристелл. — Мы могли бы узнать, что Хлоя в полутора часах от нас, к примеру в Сент-Поле, и ничего не могли бы с этим поделать. У нас ни машин, ни униформы, ни документов, ничего. Нет, отец, больше никогда, и я это говорю решительно.

Рэйфорд не мог ничего ответить, и Бизону стало жаль его.

— Я не знаю, что еще можно сделать, но хоть что-нибудь, только бы не сидеть тут сложа руки и не ждать, что еще случится.

— Я не знаю, почему Кристелл не звонит, — сказал Рэйфорд. — У нее же был це-

лый день. — Он посмотрел на часы. — В Новом Вавилоне полдень.

— Давайте надеяться, что они ее не вычислили, не прослушивают ее телефон или что еще. Они тогда узнали бы об Отто, узнали бы, что нам известно, где собирается большое совещание, все бы узнали.

— Не знаю, — ответил Рэйфорд. — Давид и Чань всегда говорили, что эмэсовцы не прослушивают собственных телефонов.

— Значит, в Аль-Хилле все весь день сидели на совещании и никто не сказал Кристелл правды о местонахождении Хлои? Вам надо было задать ей какие-то временные рамки. Разве она не понимает, что нам эта информация нужна до казни?

— Она ведь на нас не работает, Бизон. Она просто дар Божий нам, вот и все.

— Как интересно услышать такое о человеке, который носит печать зверя.

Мак посадил Зика в Петре примерно в два часа пополудни. Абдулла уже подготовил более крупный самолет для Мака, а затем занялся устройством Зика.

— Я намерен обернуться как можно быстрее, — сказал Мак. — Просто войду в квартиру и выйду. Затем забираем Везера с его ребятами и возвращаемся. Я хотел бы закончить со всем этим до того, как Си-эн-эн

МС начнут передавать про Хлою. Я не хочу видеть, как они убьют ее, но я хочу увидеть, что будет перед этим.

* * *

Во всепроникающем мраке Хлоя совсем утратила ощущение времени. Иногда она прижимала ухо к стальной двери, чтобы послушать, нет ли какого шевеления в отделении одиночных камер. Но пока все было тихо.

Она думала, что ожидание казни будет примерно тем же, что ожидание вызова «на ковер» к начальству или неминуемого наказания, только многократно помноженное на страх смерти. И все же она была относительно спокойна. У нее сердце болело за Бизона — не столько из-за того, как он будет жить, когда потеряет ее, сколько из-за того, что ему как-то придется обо всем этом рассказать Кенни.

Он был слишком мал, и она понимала, что никто ему ничего говорить не будет, но он ведь каждый день станет спрашивать, где мама. Мальчику нужна материнская любовь, никто другой не сможет заменить ему мать... все это угнетало ее.

Хлоя ощущала присутствие Бога, хотя и не могла видеть Его посланника, как прошлой ночью. У нее все тело ныло от того, что она слишком долго простояла в молитвенном по-

ложении, и она попыталась расположиться поудобнее. Голод мешал думать, но она сумела отвлечься от него, напомнив себе, что скоро будет пировать за столом Царя Царей.

Самым радостным было то, что теперь с течением времени у нее оставалось все меньше сомнений и прибавлялось уверенности. Как она всегда любила говорить, она сложила все яйца в одну корзинку. Если она ошиблась, значит, она ошиблась. Если все это ложь, то она купилась на нее окончательно и бесповоротно. Но время задавать вопросы и ожидать дурного для нее миновало. Хлоя слишком много повидала и пережила. Ей, как и всему остальному населению планеты, показали, что Бог есть, что Он держит все в Своих руках, что Он главный враг Антихриста и что в конце концов Бог победит.

В самом начале своего духовного пути Хлоя огрызалась, особенно когда люди ругали или высмеивали ее за веру. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы радоваться чужому несчастью, но не могла отказать себе в некоем личном удовлетворении, зная, что однажды она окажется права.

Но, по милосердию Господнему, и это прошло. Чем больше она узнавала, чем больше понимала и чем больше училась на примере других верующих сострадать тяготам заблудших, тем больше Хлоя укреплялась в вере. Это проявлялось в печали по душам людским, в отчаянном желании, чтобы они увидели истину и обратились к Христу прежде, чем станет слишком поздно.

Она даже не знала, что делать с чувством любви, тревоги и сострадания к тем людям, которые уже приняли клеймо Карпати и были обречены на вечные муки. Им уже невозможно было помочь, у них не оставалось надежды, и все же она по-прежнему жалела их. Все же были какие-то остатки человечности во Флоренс, в Найдзеле, в Джессе, даже в Джоке... и что это значит? Она не ожидала, чтобы отрекшиеся от Бога жил как верующие, потому она даже не могла их судить — могла только любить их. Но все это было безнадежно.

Хотя Хлоя не могла понять, как все еще могут оставаться в мире нерешительные люди, хотя и знала, что такие еще есть. И до этих людей она попытается достучаться, если Господь сделает так, что эмэсовцы оставят ей хоть какую-то возможность последнего слова. Как можно видеть все, что происходило последние шесть лет и не понять, что есть выбор только между Богом и сатаной — другого не дано, или еще хуже — сознательно выбрать сатану. Этого она не могла понять.

Но это было так. Минь рассказывала ей о мусульманах, которые были против Карпати, потому что были слишком привержены собственной вере. Некоторые ортодоксальные евреи, не верившие в Иисуса Мессию, также отвергали Карпати и не считали его богом этого мира. Джордж рассказывал о людях из национальной гвардии, которые отказывались присягать диктатору, но не верили в Иисуса как Спасителя.

Неужели до сих пор остались духовно неопределившиеся люди, которые просто еще не сделали выбора? Хлоя не могла себе этого представить, но понимала, что так оно и есть. Некоторые просто преследовали собственные цели, предаваясь собственным порокам.

Хлоя подумала о других заключенных Стейтвилла, которым предстояло умереть этим утром. Многие будут с клеймом Карпати, но наверняка многие будут и без него. Может, она, как главная заключенная, окажется последней в очереди?

«Господи, дай мне ясности ума, — просила она. — Больше ни о чем не прошу. Ты уже обещал мне благодать и силу. Просто пусть мой разум работает лучше, чем должен бы в таких условиях».

Мак порылся в багаже и нашел свой «пьяный костюм». Никто не стал бы проверять наличие клейма Карпати под вязаной шапкой вонючего опустившегося бомжа. Только в этом маскарадном костюме Мак осмеливался вылезать на улицу среди бела дня. Он нашел в кустах рядом со взлетной полосой свой скутер и поехал к окраине Аль-Басры. Прежде чем войти в город, он как следует закрепил его цепью.

Навстречу ему попадались только настоящие пьянчуги. Он делал вид, будто бредет

без цели, но на самом деле он точно знал, куда идет. И когда он оказался примерно в квартале от их с Альби жилища, он нырнул в переулок и оказался там один. Он пробежал остаток пути и уже начал было пониматься по лестнице, когда вдруг услышал голоса. Мак остановился и сел на лестничной площадке. Перед его с Альби захлавленной квартирой стояли двое

— Тебе нельзя тут находиться, старикан! — крикнул один. — Вали отсюда.

Мак что-то пробормотал и уронил голову, захрапев.

Охранники рассмеялись.

— Как бы то ни было, — тихо сказал один, — я уверен, что он придет, когда стемнеет. М-энд-М хочет его живьем.

Мак знал эту кличку.

— Я поставлю двух парней следить за входом где-то за час до заката. Ты уверен, что раньше он не придет?

— Да у него же нет клейма, дурак! Кто из них рискнет днем нос высунуть?

Когда двое ушли и Мак удостоверился, что все чисто, он вскочил и отпер дверь. Там было пусто. Ни мебели, ни вещей. Теперь это была просто ловушка, поджидавшая его возвращения.

Мак сбежал по лестнице и бросился назад к скутеру, примчался на взлетную полосу и направился в Новый Вавилон. Он договорился с Отто, что тот приведет своих людей на взлетно-посадочную полосу Нового Вавилона.

— Грузимся, пока нас никто не видит, — сказал он.

Около тридцати мужчин и женщин, находившихся в попечении Отто, жаждали лично поблагодарить Мака, но он просто улыбался и продолжал торопить их подняться на борт. Он не мог чувствовать себя в безопасности, пока они не вернутся в Петру. Затем, если Зик сделает ему новые документы и внешность, он будет готов на любую вылазку по приказу Рэйфорда.

Отто нетерпеливо подпрыгивал на цыпочках в самом хвосте толпы.

— Как только погрузимся, — сказал Мак, — взлетаем.

— Мак, мы пока не можем лететь.

— Почему? Что еще случилось?

— Она мертва.

— Кто?

— Кристелл.

— Вы о чем?

— Идите и сами посмотрите. После того как я побывал у нее утром, я спустился к нам в укрытие и стал помогать всем подготовиться к вашему прибытию. Когда мы пришли сюда, я велел им ждать вас и сказал, что вы будете единственным человеком, который увидит, где садиться. Потом я пошел поблагодарить Кристелл, и там я ее и обнаружил.

— Откуда вы знаете, что она мертва?

— Я, конечно, не врач, но там пахло так, словно туда что-то такое напустили. Она лежала на полу, в ее руке надрывался телефон. Я оставил ее лежать. Проверил пульс. Идите и сами посмотрите.

— Мистер Везер, у нас нет времени. Если она мертва, то, значит, мертва, и мне очень

жаль. Возможно, это из-за того, во что втянул ее Рэйфорд. Но я больше ничем ей помочь не могу, и мы сорвем эту операцию, если сейчас бросимся туда, а все ваши люди будут ждать нас на борту.

— Вы думаете, они ее вычислили? Подослали к ней убийцу?

— Не знаю, как это могло бы быть, раз они ничего не видят.

— Мне кажется, они могли послать туда кого-нибудь, кто хорошо знал дворец и мог узнать ее по голосу. Затем он швырнул туда баллон с ядовитым газом или что еще.

— Возможно. Тогда понятно, почему Рэйфорд не может до нее дозвониться. Вы сообщили ему?

— Я должен был, должен. Но я не знал, что делать. Я был так взбудоражен.

— Поднимайтесь на борт. Я позвоню Рэйфорду.

* * *

Бизон смотрел на Рэйфорда, пока тот говорил по телефону с Маком. Разговор окончился, Рэйфорд прикрыл глаза рукой.

— В чем дело? — спросил Бизон.

Рэйфорд поднял палец, приказывая Бизону подождать, и тут его колени подломились.

— Что? Хлои уже... нет?

— Нет, Бизон, — ответил Рэйфорд, стоя на коленях в траве. — Но, возможно, уже и так.

Он рассказал ему новость.

Бизон сел и обхватил колени.

— Представить себе не могу, что сижу здесь и жду смерти жены и даже не знаю, где она.

Рэйфорд был бледен как смерть.

— Нам надо отправляться в Петру.

— Но если кто-нибудь...

— Никто из тех, кто знает правду, ничего нам не скажет, Бизон. Пора признать поражение.

— В смысле, сдаться.

— Да, Бизон, — ответил Рэйфорд и встал. Голос его срывался. — Я сдался. Теперь она в руках Господа. Если Он решит спасти ее, то Он сделает это без нашей помощи.

Пока Рэйфорд усаживался в кресло пилота, Бизон стоял, приложив ладони к фюзеляжу самолета, повесив голову.

— Хлоя, — хрипло шептал он, — где бы ты ни была, я люблю тебя.

После долгой ночи, проведенной в молитвах, Хлоя наконец задремала. Когда она проснулась, она не могла понять, сколько проспала, но ее разбудило четкое стрекотание вертолета. Может, даже не одного вертолета. Может даже, их было целых три. На какое-то мгновение она позволила себе поверить, что пришло спасение.

В глубине души она была уверена, что ее муж и отец и, возможно, многие из отряда Скорби постараются так или иначе спасти ее. Но она также понимала, что, если не случится чуда, они не смогут даже узнать, где она находится. Потому ее и перевезли.

Неужели они как-то сумели это выяснить? Она не переставала восхищаться предприимчивостью своих соратников. Готовиться ли ей бежать на случай, если они все же ворвутся сюда и будут ее искать? Может, они знают даже больше, чем ее местоположение? Может, они знают план и устройство тюрьмы, знают, где находятся одиночные камеры, и им даже известно, в какой конкретно камере содержат ее? И сколько их здесь? Смогут ли они справиться с эмэсовцами?

Она почти сразу же получила ответ на свои вопросы, когда ее друг появился снова, и мрак ее камеры сменился солнечным полуднем.

— Я могу узнать твое имя? — спросила она.

— Зови меня Кaleb.

— Меня ведь не спасут сегодня, да, Кaleb?

— Ты будешь освобождена, но не так, как думаешь.

— Освобождена?

— Сегодня ты будешь в раю с Христом.

Хлоя рухнула на колени.

— Я очень этого жду, — сказала она. — Здесь осталось столько людей, по которым я страшно тоскую, но это все. Как я хочу скорее прийти к Иисусу!

Кроме звука вертолетов Хлоя слышала только какой-то громкий шум снаружи, но

внутри было тихо. Моторы. Металлический грохот. Крики. Стук, будто что-то сооружали. Вопреки себе она начала нервничать.

— Я хочу быть образцом чада Господня, — сказала она, пытаясь взять себя в руки.

— Господь ниспошлет тебе спокойствие, если ты будешь думать о Нем.

— Спасибо, Кaleb. Но я вдруг ощутила себя такой слабой.

Наконец, Хлоя услышала какие-то звуки внутри тюрьмы. Скрежет засова, открылось окошечко в двери. Появилась физиономия Джока.

— Как настроение, милочка? Пора умыться.

— Дай мне минутку.

— О, мы крепкий орешек!

Она в отчаянии посмотрела на Калеба.

— «Мир оставляю вам, — так говорит Господь твой Иисус. — Мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не уstrasается»¹.

Хлоя постучала в стальную дверь.

— Я готова, — сказала она.

Охранник открыл дверь. Когда Хлоя вышла, она увидела Джока в синей форме с золотыми пуговицами, при всем параде. Также она увидела женщину в блейзере Си-эн-эн с кожаным чемоданчиком в руке.

— Нет-нет, — сказала женщина. — Так не пойдет. Скажите, когда я смогу к вам подойти в душевую. И, Джок, достаньте чистую робу.

¹ Евангелие от Иоанна 14:27.

— Одеваете меня, чтобы убить? — сказала Хлоя.

— Для торжественной церемонии, дорогуша, — сказала женщина. — Правосудие должно свершиться, но все должны увидеть, что с вами дурно не обращались.

— Понятно, — сказала Хлоя, и женщина последовала за ней. — Значит, оторвали от семьи, пытали голодом, накачивали транквилизаторами, протащили через полстраны, вводили сыворотку правды, целую ночь продержали в одиночной камере — так вы понимаете хорошее обращение?

— Послушайте, я только стилист. Позовите, когда будете готовы.

— Для чего?

— Я вас причешу, немного подкрашу.

— Не утруждайтесь.

— Придется.

— У вас нет выбора? — сказала Хлоя.

— Был бы у вас презентабельный вид, то был бы и выбор, но вы на себя хоть посмотрите.

— Но у меня-то выбор есть. Я хочу выглядеть так, как есть.

— Это вы так думаете. Я думаю иначе.

Хлоя мельком бросила на себя взгляд в зеркало. Вид у нее был ужасный. Лицо было серым от грязи, волосы сбились в колтун. «Как эксцентрично. Когда мне делали прическу в последний раз?» И вот вам — бесплатный стилист именно тогда, когда внешний вид беспокоит ее меньше всего.

— Не тяните время, — сказала женщина. — Мы уже стоим в сетке вещания!

Хлоя покачала головой. Телевизионщики. Даже осужденные должны играть в их ворота.

— Я положу чистую робу на раковину! Скажите, когда переоденетесь!

Хлоя переоделась, но сообщать об этом не стала. Когда она вышла, женщина сказала:

— Вы должны были мне сказать, когда будете готовы.

— Ничего я вам не должна.

— Вернемтесь назад, мне нужно зеркало.

— Да идите, Бога ради. Мне оно не нужно.

— Слушайте, я должна вас подготовить!

— Я и так готова.

— Подождите, стойте! Да стойте же!

Хлоя посмотрела женщине в лицо:

— Вы что, не понимаете всей абсурдности ситуации? Вам мало того, что меня казнят? Вы еще шоу из этого устраиваете?

— Я делаю свою работу.

— Тогда делайте ее прямо здесь и прямо сейчас!

Женщина наклонилась, чтобы поставить чемоданчик на пол. Она взяла расческу и щетку. Быстро привела в порядок волосы Хлои. Затем промокнула ей лицо влажной салфеткой и подрумянила ее щеки. Когда она достала тушь, Хлоя сказала:

— Нет. Довольно. Никакой туши, никакой помады. Хватит.

— Знаете, а вы очень привлекательны.

Хлоя подняла бровь.

— Большое спасибо. Чувствую, что я буду главной новостью этого утра.

«Какая приятная мысль. Моя голова будет самой красивой в мусорном контейнере».

Когда Хлою снова вернули Джоку, он спросил:

— Мне потребуется надевать наручники?

— Нет.

— Милая девочка.

Она смерила его взглядом.

— Ничего личного, — сказал он. — Я просто выполняю свою работу.

— Тогда дай мне сказать последнее слово.

— Если бы это было в моей...

Она резко повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Это в *твоей* власти, Джок. Любой, кто мог бы сказать тебе, что делать, находится в тысяче миль отсюда. Так возьми хоть раз на себя ответственность. Прими решение. Объяви, что я скажу последнее слово, и позволь мне его сказать. В конце концов, меня не станет, а ты получишь свое повышение. В чем беда-то?

Джок отвел взгляд. Он вывел ее по лестнице на утреннее солнце. Она прикрыла глаза рукой. Вокруг стояла не только прокарпатианская пресса в полном составе, но во дворе еще возвели помост, так что, видимо, ожидались зрители. Хлоя не понимала, к чему такая шумиха, пока, наконец, до нее не дошло, что она сегодня главное развлечение толпы, которая при ее появлении разразилась криками и аплодисментами.

Остальные заключенные, по большей части мужчины, уже стояли относительно ров-

ными очередями за столами. Некоторые нервно перетапывались. Некоторые учащенно дышали. За каждым столом сидели официальные лица, у одного из них было устройство для наложения клейма. И зачем? На этой стадии даже те, кто соглашался на клеймо, все равно шли под нож. Неужели они думали, что клеймо даст им какое-то преимущество в том посмертии, которое сулил им Карпати?

На земле под каждой гильотиной сидел, скрестив ноги, заключенный в темной робе. Как поняла по словам Джок Хлоя, это были заключенные с пожизненным сроком, которые занимались уборкой трупов. Они возбужденно скалились, перешучиваясь друг с другом.

Джок подвел ее к концу очереди к среднему столу.

— В общем, я понимаю, — с виноватым видом начал он. — Вы все еще можете...

— Надо было вчера заключить пари, — сказала она.

— Мэм?

— Ты же был уверен, что я в последний момент попрошу пощады.

— Ты выиграла, — сказал он. — Странная ты женщина.

Хлоя увидела прожекторы на высоких мачтах, леса, на которых сидели операторы с камерами, техников в наушниках, которые сновали тут и там, людей, сверявшихся с часами. Справа в очереди от нее стоял человек средних лет с клеймом Карпати, что означало, что приговорили его к смерти за другое

преступление. Вдруг он упал на колени, дрожа и всхлипывая. Он схватил за ноги человека, стоявшего перед ним, который осторожно положил ему руку на плечо. Вид у него был встревоженный.

Женщина постарше, в следующей очереди, стояла, закрыв лицо руками и раскачиваясь. Молится, предположила Хлоя. В каждой очереди были евреи, которых можно было узнать по нарисованным звездам Давида или самодельным ермолкам, сделанным из обрывков одежды или картона. Эти люди еле держались на ногах, страшно исхудали, были покрыты рубцами, избиты, обожжены солнцем.

Хлоя достаточно знала по исследованиям Бизона и секретной информации от Давида и Чаня о том, как Карпати желал, чтобы эти люди страдали до конца жизни, но чтобы им не давали умереть до тех пор, пока их публично не поведут на гильотину.

Хлою, как и всех, тревожило, когда телевидение, и так плохое, стало еще хуже, а из худшего превратилось в немыслимо отвратительное. Самым омерзительным было то, что некоторые каналы работали по двадцать четыре часа в сутки буквально без всяких ограничений, но когда исследования показали, что самые популярные ежедневные телешоу показывают публичные казни, она поняла, что обществу есть еще куда падать. И оно пало.

Кровожадность была просто ненасытной. Дошло до того, что самыми популярными шоу в прямом эфире стали те казни, кото-

рые длились больше часа, да еще и с замедленными повторами самых омерзительных подробностей — когда гильотина не срабатывала и нож застревал, смертельно раненные жертвы исходили криком, но не сразу умирали... Именно этого желала публика, и чем больше, тем лучше.

Каждую казнь предваряло перечисление преступлений осужденного. Чем отвратительнее они были, тем с большим удовлетворением воспринимался акт правосудия. Логика исчезла. Хлоя знала, какие о ней распускали слухи. Она могла себе только представить, что же говорили о тех, кто был действительно виновен.

Хлоя смотрела, как Джок возвращается к помосту и одинокому микрофону. Человек, бывший чем-то вроде помощника режиссера, утихомирил толпу, подождал сигнала, затем подал знак аплодировать, по бумажке представляя зрителям Джока Эшмора. Он назвал его одним из наиболее выдающихся дознавателей Мирового Сообщества, которому принадлежит честь ареста Хлои Стил Уильямс, опаснейшей антикарпатианки-террористки из всех до настоящего времени задержанных. Люди разразились ликующими криками.

— Спасибо, — начал Джок. — Сегодня мы выполним для вас тридцать шесть казней — двадцать одна за убийство, десять за отказ от печати верности, четыре за различные преступления против государства и одна за все вышеуказанное и гораздо большее.

Толпа заулюлюкала, завопила и засвистела.

— Я счастлив сказать вам, что хотя Хлоя Стил Уильямс и не приняла в конце концов печати верности потентату, она дала нам подробную информацию о своих сообщниках, рассеянных по всему миру, и буквально помогла нам уничтожить иегудаитов вне Петры и также положить конец обществу взаимопомощи, этому теневому рынку.

Толпа снова завопила.

— Но самое главное, что сегодня она станет тридцать шестой пациенткой доктора Гильотена.

Когда толпа, наконец, успокоилась, Джок сказал:

— Сегодня утром мы начнем с номера семь, человека, убившего жену и двух малолетних детей.

Хлоя мельком увидела монитор, на котором были со всеми омерзительными подробностями показаны изуродованные тела детей.

«Господи, дай мне сил, — прошептала про себя она. — Не давай мне думать ни о чем, кроме Тебя».

Женщина, стоявшая прямо перед ней, бледная, измученная, без клейма верности, обернулась к ней.

— Вы — Уильямс? — спросила она.

Хлоя кивнула.

— Я не хочу умирать, и я не знаю, что делать!

«Спасибо, Господи»

— Если вы знаете, кто я, — сказала Хлоя, — то вы знаете, за что я умираю.

— Да.

— Ваша единственная надежда — вера в Христа. Признайтесь, что вы грешница, отделенная от Господа. Вы не можете сами себя спасти. Иисус умер на кресте за ваши грехи, и если вы поверите в это, скажите об этом Господу и попросите Его спасти вас ради крови Христовой.

— Я все равно умру.

— Вы умрете, но вы будете с Господом.

Женщина упала на колени и молитвенно сложила ладони, с плачем взывая к Господу. Охранник показал на уборщика трупов, затем на женщину, тот вскочил и бросился к ней. Как раз в тот момент, когда он собирался внезапно налететь на нее, Хлоя выставила плечо и рванулась к нему.

Она въехала ему локтем прямо в рот, голова его запрокинулась. Он шлепнулся в пыль, вопя и выплевывая кровь и зубы. Женщина продолжала молиться. Он снова было двинулся к ней, но Хлоя просто ткнула в него пальцем, и тот, испуганно сжавшись, отошел прочь.

— Я молилась, — сказала женщина, — но мне все равно страшно. Как мне узнать, получилось ли у меня?

— Дайте мне посмотреть на вас, — сказала Хлоя. Она увидела на лбу женщины печать верующей. — Что вы видите у меня на лбу, мэм? — спросила она.

— Какую-то отметину, словно бы... объемную.

Она потрогала ее.

— Я вижу то же самое на лбу у вас, — сказала Хлоя. — Только дети Господа отмечены этой печатью. Что бы с вами сегодня ни случилось, вы принадлежите Господу.

Толпа взревела, когда сборщики поволокли за волосы первого мужчину, которому предстояло сегодня быть обезглавленным. Он упирался, отбивался и вопил. Он нарочно обмяк, чтобы его пришлось тащить. Он орал и отбивался так, что пришлось подзвать других сборщиков трупов, чтобы справиться с ним. Когда палач убедился, что острие заточено, он дернул за веревку, и нож пошел вниз.

Нож был ржавый, в запекшейся крови, он пошел сразу косо, и затем уже вонзился в шею жертвы. Хлоя содрогнулась, когда нож застрял на полпути, и мужчина дернулся и вырвался, отбиваясь от сборщиков трупов, которые пытались удержать его.

Каким-то образом он вырвался из их рук, завертелся, спотыкаясь, расплескивая кровь. Сборщики трупов хохотали, уворачиваясь от него и гоняясь за ним, пока палач быстро молотком налаживал нож. Он выпрямил нож и снова поднял его.

Два сборщика трупов схватили мужчину и снова поставили его на колени. Палач снова дернул за веревку, и на сей раз все прошло гладко. Реакция толпы показала, что зрители сочли это прекрасным началом дня.

— Далее, — сказал Джок, — мы начнем с первого из десяти, отказавшихся принять печать верности потентату — конечно, за ис-

ключением нашей почетной гостьи, ибо ее мы оставим на десерт.

Но прежде чем Джок сумел сказать что-либо еще, посреди двора между ним и Хлоей явился Кaleb во всем своем сиянии. Он был футов пятнадцати—шестнадцати ростом, и одежды его были настолько белы, что когда Хлоя обернулась, чтобы посмотреть на толпу, она увидела, что сияние буквально слепит людям глаза.

Они с криком застыли на месте. Хлоя увидела, как Джок оборачивается, чтобы посмотреть, что их так напугало. Он упал, не выпуская микрофона, и застыл, видимо, не в силах шевельнуться.

Когда Кaleb заговорил, земля задрожала, и ветер взметнул пыль вокруг. Хлоя была уверена, что все с радостью бы разбежались, но просто не могли сдвинуться с места.

— Я пришел от имени Бога Всевышнего, — начал он. — Услышите мой голос и внимайте моим словам. Если не услышите меня — горе вам.

Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих: ибо Он насытил душу жаждущую и душу алчущую исполнил благами. Вы сидите во тьме и тени смертной, окованные скорбью, ибо не покорялись словам Божиим и небрегли о воле Всевышнего. Воззовите к Господу в скорби своей, и Он спасет вас от бедствий. Он выведет вас из тьмы и тени смертной и расторгнет узы ваши¹.

¹ Парафраз 106-го псалма.

Так говорит Сын Бога Всевышнего: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек»¹.

Но горе тем, кто не прислушается к моим словам сегодня. Так говорит Господь:

«Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем. И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его»².

¹ Евангелие от Иоанна 11:25—26.

² Откровение 14:9—11.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Чань сидел глубоко в недрах техцентра Петры. До него, наконец, дошло осознание смысла западной пословицы насчет невозможности «оторвать глаз». Сейчас он не мог оторвать глаз от телеэкрана. Он готовился перехватить передачу и отключить эфир прежде, чем кто-либо увидит казнь Хлои.

И все же явление вестника Господня, который предостерегал еще не сделавших выбор от принятия клейма зверя, молил их принять Христа — вот это мир должен был увидеть и услышать, и не один раз.

Много месяцев со всех сторон света приходили сообщения о явлении ангелов в центрах внедрения верности и у гильотин. Некоторым сообщениям было трудно поверить, но Цион Бен-Иегуда говорил, что их явление в точности соответствует проявлению доброты Господней. Чань кинул взгляд

туда, где сидели старейшины перед большим экраном, а за ними — сотни людей за компьютерами, в ожидании инструкций. Садящееся солнце бросало косые лучи в дверь в сотне ярдов от Чаня, и он чуть не расплакался, увидев медленно падающие хлопья манны. Господь посылает пищу Своим избранным, защищает их. Это наполняло Чаня восхищением. Господь утешает Хлою, посылает Своих посланников с вечной Вестью... И все это — одновременно!

Зазвонил телефон, и Наоми взяла трубку. Когда она наклонилась к Циону, Чань прочел по ее губам:

— Бизон. Он хочет поговорить с вами.

— Кэмерон, друг мой! Как же вам тяжело, должно быть, все это видеть... Нет, мне жаль, сын мой. Я не знаю случая, когда вестник вмешивался бы в совершение казни... Да, конечно, Господь творит чудеса, но я предупреждаю — будь готов к любому исходу...

* * *

Рэйфорд пожалел, что решил совершить полет во время передачи. Он поставил самолет на автопилот и смотрел, но опасался того мгновения, которое непременно наступит, потому что вряд ли после этого он сможет достаточно оправиться, чтобы снова взять управление. Но выбора у него не было. Может, это окажется лучшим лекарством. Если

только он не хочет, чтобы они с Бизоном умерли в один день с Хлоей, то ему, невзирая ни на какие обстоятельства, придется держать себя в руках.

Несчастный Бизон. Он говорил по телефону с Ционом и, похоже, услышал не то, на что надеялся. Рэйфорду хотелось утешить его, но Бизон был не из тех, кто принимает утешения до того, как кризис минует. Как раз сейчас он отстаивал свое мнение. Как раз когда посланник Господа смотрел на оцепеневшую толпу и девятерых еще не сделавших выбор, которые, плача, стояли на коленях, Бизон пытался уговорить Циона.

— Но ведь прямо там Его человек, доктор! Неужели так трудно вмешаться? Почему Он просто не может взять ее оттуда и вернуть нам? Вы же знаете, что Он может! Что я сделал такого или не сделал, что Он считает меня недостойным хотя бы малейшей награды?

* * *

Чань снова повернулся к экрану, чтобы ничего не упустить, но все равно продолжал слушать, как Цион горячо спорит с Бизоном.

— Кэмерон, — говорил Цион, — это говорят твои чувства. Ты знаешь не хуже других, что этот период, период Скорбей, не есть личное наше испытание. Это кульминация противостояния добра и зла, которое тянется тысячи лет. Господь призывает своих лю-

дей к Себе. Мы должны быть благодарны, что и мы среди них. Он видит куда больше, чем ты, но это также свидетельство Его любви к нам. Верь Ему, друг мой. Верь, несмотря ни на что.

* * *

Хлое казалось, что она уже на небесах. Сияние Калеба заслонило от нее ужасающие подробности смерти первой жертвы. Она увидела, как Джок с трудом поднимается и отряхивается.

— Прошу вас, не расходитесь. Мы уже имели сообщения о появлении таких призраков в других местах, хотя здесь такое случается впервые. Это трюк, это дело рук спиритуалистов из лагеря мятежников. Возможно, нам следует попросить у гостя разрешения продолжить нашу программу. — Он повернулся к Калебу, делая вид, что испуган сильнее, чем на самом деле. Хлоя могла сказать, что ему не удалось убедить толпу, что это призрак, а не вполне себе реальное существо.

— Добрый господин, — полным сарказма голосом начал Джок, — мы можем продолжать?

Голос Калеба, еще более громкий, чем прежде, эхом отдался от стен тюрьмы:

— Ты был взвешен и измерен и найден виновным в преступлениях против Всевышнего. Печать зверя на тебе — твой смертный

приговор. Ничто не сможет изменить твоей судьбы. Ибо ты поклонялся зверю и образу его, и теперь будешь пить вино ярости Божией. Ты будешь мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем. И не будет тебе покоя ни ночью, ни днем.

То, что замыслил Господь, свершится, и что Он решил — не изменится, ибо Писание гласит: «Так говорит Господь Саваоф: как Я сказал, так и будет, и что Я задумал, то и состоится»¹.

Джок уставился на Калеба, подняв брови, затем снова посмотрел на толпу и пожал плечами.

— Задаешь простой вопрос... — сказал он, и они нервно засмеялись. — Я так понимаю, что мы можем продолжать, поскольку, м-м-м, смысл в том, что если он прав и их бог на нас смотрит, он может нажать на кнопку в любой момент, но посмотри — кто сегодня умрет? А? Ты меня слышишь? Кто умрет? Я жду ответа!

Ответа не было.

— Так называемый народ божий! — сказал Джок. — Вот кто! Те, кто избрал его вместо настоящего бога и нашего верховного потентата Николае Карпати! Ну, ребята, ну не пугайтесь вы большого, светящегося прозрачного призрака! Ну да, он страшный. Но он может только одно — встрять в телешоу и — поймите — сделать его еще интереснее! Это же круто! Враг бряцает оружием, но ничего не может сделать! Вы пришли посмо-

¹ Книга Исаии 14:24.

треть, как покатятся головы, и вы это увидите! Пусть они себе рыдают, молятся, умоляют, все, что угодно, — они все равно умрут!

Хлоя с восторгом увидела, как на лбу у шестерых проступили печати верующих. Видимо, какое-то внутренне чувство убедило их, что это свершилось, потому что они воздевали руки и улыбались, несмотря на приближающуюся смерть. У остальных троих был несчастный вид, и Хлоя подумала, что, наверное, они как раз из тех, у кого сердце слишком ожесточилось, и хотя они отчаянно попытались изменить себя, они тянули слишком долго.

Джок, несмотря на все свое бахвальство, куда сильнее боялся Калеба, чем пытался показать, или просто у него в голове до сих пор стояла сетка телевещания.

— Давайте немного встряхнемся! — сказал он. — Я хочу, чтобы к каждой гильотине сейчас подвели одного из десяти без печати Карпати! Всех одновременно! Быстро! Помощники, ну-ка вперед! Мы прикончим их всех зараз и опять пойдем по графику. Кто еще хочет получить печать Карпати, говорите прямо сейчас!

Женщина, стоявшая впереди Хлои, и еще шестеро с печатью верных остались стоять на месте, в то время как оставшиеся трое стали пробираться к столам.

Сборщики схватили оставшихся семерых без печати Карпати, включая женщину, стоявшую впереди Хлои. Она обернулась, и они с Хлоей обнялись.

— Крепись духом и верь в Господа, — сказала она.

Женщину поволокли к средней машине.

Никто из семерых не сопротивлялся, никого не пришлось силой ставить на колени и класть голову.

— По счету три! — крикнул Джок, и толпа, хотя и осознававшая присутствие сияющего огромного незнакомца, оживленно зашевелилась в предвкушении.

Хлоя потупила голову и закрыла глаза, решив не смотреть на казнь детей Господа. Но, даже закрывая глаза, она что-то заметила, подняла голову и увидела, что сияние Калеба заполнило весь двор и было оно настолько ослепительным, что никто ничего не видел. Оно вывело из строя телекамеры, операторы и техники орали, требуя помощи, и просили Джок подождать.

— Нас не остановит этот вражеский фокус! — ответил Джок и просчитал до трех. По двору эхом прокатился отвратительный звук падающих ножей гильотины, толпа заулюлюкала, но из-за ослепительного света никто не увидел этой смерти — ни здесь, ни по телевидению во всем мире.

Чань снова сел и уставился на экран. Знаком поздравил Наоми.

— Ты это видишь? — сказал он. — Если ангел сделает это и для Хлои, то нам не надо будет отключать трансляцию. Он сделает все за нас.

— Но он ушел, — сказала Наоми. — Посмотри.

Она была права. Тюремный двор снова выглядел как обычно. Казни продолжались по графику еще с полчаса, каждой смерти предшествовало типичное предисловие — живописное перечисление преступлений осужденного. В отсутствие Калеба толпа снова осмелела — они свистели, орали, весело улюлюкали, аплодировали. Сборщики трупов уже были с ног до головы в крови и грязи, они опьянели от радости своей работы.

Хлоя больше часа простояла на солнцепеке, по большей части отводя взгляд от мерзостной панорамы ужаса. Ослабев от голода и жажды, устав от стояния, она всеми силами пыталась держать себя в руках. Она непрерывно молилась Господу, чтобы Он даровал ей возможность говорить от Его имени, чтобы она смогла выразить словами то, что было у нее на сердце.

Хлое не хватало Калеба. Когда он был здесь, она словно купалась в сиянии славы и ощущала присутствие Бога. Теперь она знала, что Бог с ней, но это требовало большей веры. Она пыталась думать о том, что осталось всего несколько мгновений — и она увидит Господа Всемогущего, и душа ее трепетала от предчувствия того момента, когда она склонится к ногам Иисуса.

Но пока она стояла на полуденной жаре в пыли и замечала жалостливые взгляды ответственных за клеймение и других официальных представителей за каждым столом,

которые обрабатывали приговоренных. Они и прежде такое видели не раз, видели, как осмеивали и унижали так называемых почетных гостей, словно мало было простого отсечения головы.

Прошло больше получаса с того момента, как Калев прервал его, и Джок полностью пришел в себя. Он был полон воодушевления и, наверное, уже предвкушал повышение, представлял себя в коридорах власти в Аль-Хилле, перед лицом самого потентата.

По-прежнему стоя лицом к толпе, Джок взял радиомикрофон и направился к Хлое.

— И вот настал момент, которого все мы так ждали, — объявил он, и люди начали аплодировать.

Дойдя до Хлои, он взял ее за плечо и развернул лицом к помосту. Он стоял, обхватив ее рукой, и хотя Хлоя и сжалась вся, ее поразило, как ласково он вел себя с ней. Он раскрыл ладонь, растопырил пальцы, взял ее за плечо. Ей хотелось вывернуться, плюнуть ему в лицо, но она понимала, что это ее последняя возможность выступить перед всемирной телеаудиторией и обратить хоть кого-то к Христу.

— Часто мы даем нашим знаменитым осужденным произнести последнее слово, — сказал Джок. — Но в этом случае меня обуяют сомнения. Что вы думаете?

Кто-то выкрикнул:

— Кончай с ней! Прикончить ее! Пусть ее голова покатится в корзину!

Остальные хлопали в ладоши и орали:

— Пусть говорит!

Джок посмотрел на помощника режиссера, и Хлоя увидела, как женщина показала, что время еще есть и надо чем-то заполнить паузу.

— Не знаю, — сказал он. — Позволить или нет?

Толпа опять начала орать.

— Пока мы размышляем по этому поводу, — продолжал Джок, — давайте посмотрим запись с перечислением ее преступлений, за которые мы сегодня ее караем.

Собравшиеся заулюлюкали и заорали, когда на экране развернулась обильно приукрашенная история, приписывавшая всевозможные злодеяния Хлое, иегудаитам, отряду Скорби и Международному обществу взаимопомощи. Хлоя была удивлена, увидев, что многие из Господних кар и напастей, обрушившихся на землю с небес за последние шесть лет, были приписаны ей и ее соратникам.

Наконец, последовали сфабрикованные обвинения против ее отца и мужа вместе с поддельной картинкой двухлетнего ребенка, которого она якобы назвала в честь Иисуса и заявила, что он есть воплощение бога.

— Несмотря на все это, — сказал Джок, — эта малышка сделала поворот на сто восемьдесят градусов, когда столкнулась нос к носу со своей собственной смертью. Чтобы хоть как-то отвести угрозу от собственной семьи, особенно от своего ребенка — бога воплощенного, она за закрытыми дверьми запела как соловей. Она выдала нам столько информации, что нам пришлось признать, что Хлоя Стил Уильямс сделала даже больше, чем мы,

чтобы помочь уничтожить остатки самого значительного мятежа, с которым когда-либо сталкивался новый мировой порядок!

Толпа радостно взревела.

— Так, может быть, она уже и так достаточно сказала? Может, она даже наговорила больше, чем достаточно? Может, нам просто покончить с этим? Что скажете?

Аплодисменты, топот, крики.

— Миссис Уильямс сдала своих друзей, родственников и сообщников, но под конец отказалась выразить свою верность истинному богу этого мира, воскресшему Николае Карпати.

Крики заполнили весь двор.

— Итак, миссис Уильямс, — сказал Джок, повернувшись к ней, — если вы только не переменяли своего решения на этот свет, мы продолжим процесс исполнения правосудия.

Хлоя потянулась к микрофону. Но Джок держал его крепко.

— Ах-ах-ах! — сказал он. — Вы не получите слова, если не примете печати верности престолу главы Мирового Сообщества.

Но она схватилась за микрофон уже обеими руками.

— Неужели мы, ребята, являемся свидетелями исторического момента? — воскликнул Джок. — Вы понимаете, миссис Уильямс, что если вы возьмете микрофон, то вы обязаны принять печать верности Карпати?

Она взяла микрофон, и Джок повернулся к толпе, раскинув руки, вызвав у них продолжительную овацию.

— Сэр, вы заявили, что если бы решали вы, то вы дали бы мне сказать несколько слов. Итак, вы тут решаете или как?

Джок потянулся к микрофону.

— Договор был не такой! Вы будете говорить, только если примете клеймо.

За спиной у Хлои появился Кaleb. Он просто поднял палец и указал на Джoka. Тот застыл и шлепнулся на спину, по-прежнему протягивая руки. Толпа против воли разразилась хохотом, пока Джок, багровый и потный, валялся на земле.

Хлоя повернулась к толпе и тихо заговорила:

— Один знаменитый мученик однажды сказал, что жалеет, что у него только одна жизнь, чтобы отдать ее. Так и я чувствую себя сегодня. Умирая на кресте за грехи мира, мой Спаситель, Иисус Христос, взмолился: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят».

Чего бы хотела сама я? Мой выбор? Я бы хотела оставаться с моей семьей, с людьми, которых я люблю, до самого пришествия Христа во Славе. Но такова моя судьба, и я ее принимаю. Я хочу сказать мужу и сыну, что я их люблю и буду любить. Я хочу сказать, что бесконечно благодарна моему отцу, который привел меня к Христу.

Один прославленный миссионер, убитый впоследствии, писал: «Вовсе не глупец тот, кто отдает то, что все равно не сможет удержать, чтобы приобрести вечные сокровища»¹. Он говорил о своей жизни

¹ Джим Эллиот, американский миссионер, погибший в Эквадоре в 1956 году.

земной по сравнению с жизнью вечной с Господом. Тело мое вовсе не стремится к смерти, которую вы сегодня уже тридцать пять раз наблюдали. Но, по правде говоря, в душе моей я не могу больше ждать. Разлучиться с телом значит встретиться с Господом. И как сам Иисус сказал Отцу в момент Своей смерти: «В руки Твои предаю дух мой».

И теперь, «при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то или смертью. Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение... Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас»¹.

А своим соратникам я скажу: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»².

А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим или о чем помышляем³, могущему же соблюсти вас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости, Единому Премудрому Богу, Спасителю на-

¹ Послание к Филиппийцам св. апостола Павла, 1:20.

² Послание к Филиппийцам св. апостола Павла, 2:5.

³ Послание св. апостола Павла к Ефесеянам, 3:20.

шему чрез Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всех веков, ныне и во все веки. Аминь»¹.

Бизон, и ты, мой драгоценный малыш, знайте, что я люблю вас и буду ждать вас прямо за восточными воротами Рая.

Хлоя нагнулась и положила микрофон на неподвижную грудь Джока и без сопровождения сама подошла к основанию средней гильотины. Когда Хлоя склонилась и положила голову под нож, Калек снова ослепил глаза мира своим сиянием. Хлоя услышала только, как дернули за веревку и как упало острое лезвие смерти, открывшее ей путь в жизнь вечную.

Интерлюдия

Через пятнадцать часов Бизон буквально вывалился с борта самолета Рэйфорда, недоспавший от разницы во времени, с тупым взглядом, но умирающий от желания обнять сынишку. Абдулла подъехал к взлетно-посадочной полосе, находившейся прямо у границ Петры, и привез с собой Минь, которая держала на коленях малыша. Бизон схватил его и крепко прижал к груди. Его слезы текли по затылку Кенни.

Когда все пятеро направились к проходу Сик, ведущему в Петру, Абдулла по рации сообщил о примерном времени их прибытия.

¹ Соборное послание св. апостола Иуды, 1:24—35.

— Надеюсь, ты не будешь против, Бизон, — сказал он. — Доктор Бен-Иегуда хотел бы устроить панихиду, как только вы с Рэйфордом прибудете на место.

Бизон был ошеломлен количеством собравшихся. Несколько сотен собрались на высоте, там, откуда с шумом низвергался поток. Люди пропускали Бизона и ближайших их с Хлоей друзей, чтобы они могли встать в первых рядах. Хотя с Кенни, изо всех сил обнимавшем отца за шею, это и было трудно, Бизон сел на скальный выступ и стал смотреть.

Цион и Хаим стояли посередине, ожидая, когда люди разместятся. Перед ними полукругом, лицом к Бизону, Кенни и Рэйфорду, стояли Джордж, Присцилла Себастиан и Бет-Энн. Также рядом стояли державшиеся за руки Минь Той и Ри Ву. С ними был только что прибывший из Иллинойса Лайонел Уолум со своей женой Фелисией, а также Лия Роуз и Ханна Пэйлмун.

Бизон кивнул Зику, который стоял рядом с Абдуллой и Маком. Неподалеку сидел на камне Чань со своей подругой Наоми. Им вроде было очень хорошо друг с другом, что, как заметил Бизон, привлекало внимательный взгляд Элеазара Тибериаса, отца Наоми, который тоже стоял неподалеку.

Цион поднял руку, призывая к молчанию. Он начал негромко, но Бизону показалось, что его слышат все, невзирая на шум воды.

— Я сегодня принес с собой мою личную Библию. Как вы знаете, старейшины, и осо-

бенно мы с доктором Розенцвейгом, постоянно изучаем Писание, комментарии и библейские словари, пытаюсь понять, что происходит в эти дни.

Это академическая работа, и хотя она связана с повседневной здешней жизнью, есть в ней и религиозный аспект. Каждый день на каждой странице мы видим отпечаток Длани Господа, который вершит Свою волю через нас в этом мире.

Но сегодня я принес Слово Божие, которое является не только частью моей личной теологической библиотеки, но, скорее, текстом, который я изучал за несколько лет до Восхищения. Как вы знаете, моя жизнь изменилась, когда я понял, что Иисус и есть тот Мессия, которого я так жаждал увидеть, и понял я это не только благодаря Восхищению, но также потому, что мне было поручено изучить пророчества, касающиеся Мессии.

Чтобы это сделать, мне пришлось приобрести и Старый, и Новый Завет, что приводило меня — в то время — в немалое замешательство. Я опасался, что за это меня будут осуждать не только мои коллеги, но и сам Бог.

Я нащупал истину до того, как произошли Восхищения, и вскоре после этого знание об истинном Мессии переросло в моей душе в веру. И внезапно эта книга, — он высоко поднял ее, — стала воистину моим хлебом насущным. Она перестала быть просто текстом для исследования, который я купил, краснея от стыда, она стала самым драгоценным моим достоянием.

Когда моя семья была убита, я отчаянно цеплялся за нее, чтобы продолжать жить. Она стала для меня материальным символом, если хотите — талисманом Мира Господнего, который олицетворял для меня Иисус, Мессия, Сын Бога Живого, Агнец, принесенный в жертву, дабы снять грехи мира. Я читал когда-то об одном великом теологе, для которого личная его Библия стала такой драгоценной, что порой он протягивал к ней руку и гладил ее, ласкал, как сына, или дочь, или супругу. Мне это казалось тогда странным, но я в конце концов понял его, отождествился с ним.

Я люблю эту книгу! Я люблю это Слово! Я люблю его автора, я люблю Господа, которого этот автор представляет. Почему я говорю о Слове Божием сегодня, когда мы собрались, отягченные горем, чтобы помянуть двух дорогих нам соратников и любимых людей?

Потому что и Альби, и Хлоя были людьми Слова. О, они любили послание любви Господней к ним и нам всем! Альби всегда говорил, что он не ученый, да и читать не слишком любит. Он был человеком улицы, он знал мирские пути, он был быстр, практичен и умен. Но каждый раз, как подворачивалась возможность, он приходил слушать лекции по Библии, он делал заметки, задавал вопросы. Он упивался Библией. И Слово Божие определило его жизнь. Оно изменило его. Оно помогло выковать из него того человека, которым он был в день его гибели.

А Хлоя, наша дорогая сестра, одна из первых членов тогда еще маленького отряда

Скорби, который сегодня стал огромным. Кто из знавших ее не любил ее душу, ее разум, ее отвагу? Какой женой и матерью она была! Юная, но блистательно умная, она превратила Международное общество взаимопомощи в предприятие, которое помогало в буквальном смысле выживать миллионам людей, которые отвергли клеймо Антихриста и потеряли право легально покупать и продавать.

Мне довелось жить рядом с Хлоей и ее семьей в нескольких убежищах в последние шесть лет. Я часто заставлял ее читающей Библию, заучивавшей отрывки, а затем читавшей их другим. Часто она отдавала мне Библию и просила проверить, верно ли она все запомнила, слово в слово. И она всегда хотела узнать у меня в точности, что эти слова значат. Ей было недостаточно просто заучить текст, она хотела, чтобы он ожил в ее сердце, разуме и душе.

Тем же, кому больше всех будет не хватать Хлои, тем, чья тоска будет самой острой, глубокой и болезненной до тех пор, пока мы снова не увидим ее в сиянии славы, я могу дать только один совет, который помог мне не сойти с ума, когда я так жестоко потерял своих собственных близких. Держитесь за верную руку Господа. Держитесь за Его Слово. Возлюбите Слово Божие заново. Держитесь за Его обещания с тем же неистовством, с каким щенок вцепляется зубами в лапу родителя, и не отпускайте.

Бизон, Кенни, Рэйфорд, мы не понимаем всего. Мы просто не способны. Мы суще-

ства ограниченные. Писание говорит, что знание — такая мимолетная вещь, которая однажды исчезнет. «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное» — о, возлюбленные мои, оно грядет! — «тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу»¹.

Слышите ли вы это обещание? «Тогда же»... Как же должны мы возрадоваться об этом «тогда же» Слова Божия! Это «тогда» грядет, дорогие мои! Это «тогда» грядет!

Цион сел, положил Библию себе на колени и раскрыл ее.

— Позвольте мне закончить оплакивание наших возлюбленных брата и сестры во Христе — не как оплакивают язычники, а как это делаем мы. Псалмопевец пишет: «Дорога в очах Господних смерть святых Его! О, Господи! Я раб Твой, я раб Твой и сын рабы Твоей; Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы, и имя Господне призову. Обеты мои воздам Господу пред всем народом Его, во дворах дома Господня, посреди тебя, Иерусалим! Аллилуия!»²

«Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена; ибо велика милость

¹ Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла, 13:9—12.

² Псалом 115:6—10.

Его к нам, и истина Господня пребывает во-
век. Аллилуйя!»¹

«Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек
милость Его. Да скажет ныне дом Израилев:
Он благ, ибо вовек милость Его!»²

¹ Псалом 116:1—2

² Псалом 117:1—2

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Шесть лет и пять с половиной месяцев Великой Скорби

Через несколько дней после панихиды Ри и Минь Той обвенчались. Это была маленькая церемония, ее совершил Цион. Чувства Чаня и Наоми расцветали, но им посоветовали отложить их свадьбу до Явления во Славе.

В течение нескольких месяцев Рэйфорд реорганизовал отряд Скорби. Основными пилотами стали Мак, Абдулла и Ри. Лайонел Уолум после многомесячной летной работы взял на себя курирование взаимопомощью. Минь, Лия и Ханна присоединились к нему.

Чань разработал блистательный план прослушки здания в Багдаде, где должна была проходить встреча глав Мирового Сообщества. Ежедневно проверяя главный компьютер в Новом Вавилоне, он обнаружил, что Леон Фортунато каким-то образом удаленно передает ежедневный протокол деятельно-

сти правительства для его дублирования и распространения. Большой прорыв произошел, когда Чань узнал, что правительство объявляет тендер на установку звуковой системы в зале для этого великого события.

Он рассказал Наоми о своем плане.

— План блестящий, — согласилась она, — и мне кажется, что капитан Стил согласится с ним. Так что поскорее надо вовлечь его в разработку, я верно говорю?

Поздно вечером Чань пригласил Рэйфорда в техцентр.

— Вот мой план, — сказал он. — Ри Ву еще нигде ни разу не засветился, эмэсовцы не знают его имени. Я состряпал для него досье, в котором говорится, что он — выпускник технического института и владелец маленькой фирмы по установке аудиооборудования в Южной Корее, «Ву и компания».

— Которой, как я полагаю, не существует.

— Конечно. Как видите, я сделал из него добропорядочного лоялиста из 30-го региона, приписал ему список благодарных покупателей. Если вы проверите их всех, документы у них окажутся в порядке. Я уже слышал, что этот тендер хотят заполучить крупные игроки, но я могу легко вывести их из списка и добыть эту работу для Ву.

— Что потом?

— Я сделаю пачку ходатайств о том, что он предпочитает работать с маленькой командой и работает быстро и по ночам, чтобы никакие другие звуки не могли помешать настройке. Установить и смонтировать систему

в главном зале и завязаться на Си-эн-эн МС будет легко. Я могу научить Ри и вас, как все это сделать за пару дней. Мы говорим МС, что работа займет в два раза больше времени, чем нужно на самом деле, что даст вам доступ в главный конференц-зал Большого дворца, где, как мы знаем, Карпати и его кабинет планируют встречу с региональными потентатами. Установить прослушку там будет труднее, но я и этому могу вас научить.

Мне очень хотелось бы поехать туда и сделать это лично, но Зику придется очень потрудиться, чтобы сделать меня неузнаваемым для тех людей, с которыми я так долго проработал бок о бок. Так что я предлагаю обучить Джорджа и Бизона, и пока вы с Ри будете заниматься основной звуковой системой в Большом дворце, они смогут проскользнуть в конференц-зал и сделать свою работу.

— На корейца среди нас тянет один Ри, Чань. Мы слишком рослые.

— Это просто. Остальная команда все равно должна пройти предварительное одобрение, так что, уж какую внешность и национальности ни приписал бы вам Зик, я введу любые данные и сделаю вам безупречную репутацию. Мистер Ву объяснит, что он использует свою «звездную» интернациональную команду, чтобы выполнить работу наилучшим образом.

— Мне нравится твой план, Чань. Давай я введу в курс всех, особенно Зика. Ему придется создать униформу компании и сделать безупречные документы и внешность для всех.

Все прошло без сучка, без задоринки. Зик мастерски превратил Джорджа и Рэйфорда в куда более старых. Бизон стал краснорожим австралийцем. Все быстро научились разбираться с электроникой. Чань обнаружил, что Бизон легче всего обучается — наверное, потому, что ему просто необходимо было погрузиться в новое дело.

* * *

Тогда это казалось всего лишь небольшим успехом, но, оглядываясь назад, Рэйфорд понимал, что это был переломный момент. Единственным ответственным со стороны МС за допуск «Ву и компании» в конференц-зал оказалась женщина, которой еще не было в те времена, когда Рэйфорд и Бизон работали на Карпати.

Да и в любом случае у нее не возникло никаких подозрений, и, пообщавшись с чужаками, она оставила их в покое. Остальное правительство все еще сидело в Аль-Хилле, но женщина проговорила, что, как только зал будет готов для большой встречи, которая произойдет через несколько недель, все правительство переберется сюда и будет к ней готовиться.

Рэйфорд был впечатлен способностью Ри пудрить мозги на тему электроники. Он достаточно узнал от Чаня, чтобы разбираться в терминологии, и теперь вываливал все на

голову бедной женщины с ключами. Она редко оставалась с ними надолго, и поскольку команда Ву имела все необходимые отметки в документах и работала в кепках компании, надвинутых на лоб, их никогда толком не проверяли, так что работа шла как по маслу.

Чань работал в тесном сотрудничестве с Лайонелом для получения нужных материалов по бартеру, и группа получила все, что было необходимо для того, чтобы можно было отслеживать заседание со всех точек вокруг большого стола. Также они напичкали видеопередатчиками половину осветительной арматуры.

Ри Ву и его сотрудники закончили работу с опережением графика, и, к их чести, МС сделали электронный перевод полной суммы платежа по Интернету.

— Теперь мы на жалованьи у Карпати, — сказал Рэйфорду Чань.

Кабинет Николае перебрался из Аль-Хиллы в Багдад, в дворцовые апартаменты рядом с конференц-залом, и через несколько дней туда же должны были прибыть главы регионов. Как-то вечером Рэйфорд сказал Бизону:

— Уже несколько месяцев мир не слышал прямого обращения Карпати. Теперь мы хотя бы узнаем, что у него на уме.

Карпати сидел тихо с момента падения тьмы на Новый Вавилон. Правительство было в хаосе, многие из служащих умерли. Потентат если чем и занимался, то почти исключительно сбором огромного войска в Израиле. Рэйфорд полагал, что Николае на самом деле растерян и унижен своей неспособностью противодействовать последней каре.

— Но ведь теперь он еще более опасен, разве не так? — говорил Бизон. — У него было время подумать и составить план. Могу поспорить, он подготовил нечто масштабное.

Карпати намекнул об этом самом «не-что» как раз тогда, когда Чань впервые начал прослушивание конференц-зала, в котором были только Николае и его ближний круг. Чань записал всю встречу для Рэйфорда.

— Я получил новости, — сказал потентат. — И они такие важные и замечательные, что мне не терпится поделиться с вами. Но я должен подождать. Мне придется ждать, пока все наши коллеги со всего мира не соберутся здесь. У меня есть некое трио, которое я должен представить всем, троица, которая поможет нам достичь нашей цели.

— Откуда они, ваше величайшество? — слышался четко узнаваемый голос Вив Айвинз.

— Пока это тоже секрет.

— О, господин, ну зачем вы так играете с нами? — сказал Леон.

— Будь рад, что я всего лишь играю, брат. Мятежники проклянут тот день, когда всего лишь помыслили о сопротивлении!

Как-то вечером, когда Рэйфорд уже готов был укладываться спать, ему сказали, что его ждет Цион.

— Он хотел бы прийти к вам, — сказали Рэйфорду.

— Нет, не надо, я с удовольствием приду к нему сам.

Когда Рэйфорд пришел, Цион заговорил:

— Прежде чем я изложу свою просьбу, я хотел бы, чтобы ты знал — я в твоём распоряжении. Старейшины, и я с ними, прекрасно осознаем, что когда ты в Петре — ты глава отряда Скорби, а я, скажем так, всего лишь ваш капеллан.

— Я рад, что ты поднял этот вопрос, Цион, поскольку я хотел поговорить с тобой о твоём почтительном отношении ко мне. Я не рассматриваю Петру как штаб-квартиру отряда Скорби. Да, я чувствую, что Господь возложил на мои плечи бремя руководства отрядом, но тебя он избрал вождем остатка твоего народа, целого миллиона людей. Ты не должен чувствовать себя подотчетным мне. У тебя есть старейшины и твой коллега Хаим, и как бы ни указывал тебе Господь руководить ими — я со всем согласен. На самом деле я даже предпочитаю такой порядок вещей.

Цион сжал плечо Рэйфорда.

— Я очень ценю твое доверие, капитан Стил. Но не принижай собственной ответственности. Я хотел спросить тебя, как ты

отнесешься к моему очередному выступлению по международному телевидению.

Рэйфорд был озадачен.

— Но ты же каждый день выступаешь с посланиями по Интернету, не так ли?

— Конечно. Но Господь внезапно вложил мне в сердце послание, которое, как мне кажется, Он желает через меня передать и верующим, и неверующим. И хотя я знаю, что Интернет доступен всем, я знаю, что многие неверующие теряются в нем, и если бы мы могли еще раз пиратски побороздить волны международных каналов, то я был бы весьма за это благодарен. Я уверен, что Господь дал мне послание, которое Он желает донести даже до князя мира сего и его прихвостней. Когда люди услышат истину, которую Господь передает по собственной информационной сети Карпати — ну, это все равно как воспеть песнь Господу в адской бездне!

— «И врата ада не одолеют ее»¹, — сказал Рэйфорд.

— Именно так. Итак, что ты думаешь? Можем ли мы это сделать и когда?

— Во-первых, Цион, тебе для этого не нужно спрашивать у меня разрешения.

— Тогда считай, что я просто проинформировал тебя.

— Хорошо. Просто знай, что у нас здесь лучшие технари мира и это не один только Чань. Он главный, но там есть еще и Наоми, и они собрали команду, которая может прак-

¹ Евангелие от Матфея, 16:18.

тически все. Они работают как на тебя, так и на меня, так что, если тебе когда-нибудь от них что-нибудь понадобится, просто скажи.

— У тебя так хорошо получается с ними общаться, Рэйфорд. И со мной. Так что я предпочитаю действовать через тебя.

— Как пожелаешь. Я хочу лишь сказать, Цион, что когда бы мы ни сделали это, это все же пиратство. Это незаконно.

— У тебя с этим проблемы?

— Ни в коем разе. Я даже не задумываюсь. Мы воюем, я готов применить любое средство, которые приведет нас к победе. Я просто говорю, что это не обязательно планировать. Чань построил свою систему так, что достаточно повернуть переключатель. Они тут же отключаются, а мы включаемся. Скажи когда и дай сигнал.

— Что же, я думаю, что нам следует это сделать в самое выгодное время, когда большинство людей смотрят передачу. Возможно, во время какого-нибудь официального заявления Карпати или эфира самой популярной программы.

— Ты знаешь, какие программы сейчас самые популярные.

— И не говори. Полагаю, что и в том и в другом случае будет хорошо. Как, к примеру, насчет передачи завтра в полдень?

— Считай, что дело сделано.

— Я созову общую встречу, так как живая аудитория очень меня подпитывает.

— Миллионная-то? Понимаю. Мы установим камеры, и Чань возьмется за дело.

* * *

На другой день Цион чувствовал себя необычно нервным. В Петре было много новоприбывших, и он не знал, чего ожидать от толпы. Старейшины молились за него и подбадривали. Хаим представил его людям. И когда он вышел, чтобы начать речь, а Чань включил прямой эфир, Петра просто взорвалась овациями.

Этого как раз Цион и боялся, и хотя он призывал к тишине и пытался перенаправить эти переполнявшие людей эмоции к Господу, воздевая руки, люди не успокоились, пока не поняли это из сообщения по звуковой системе Петры. Рэйфорд не мог не заметить, как неловко чувствовал себя Цион и как он был недоволен.

— Они просто любят и благодарят тебя, Цион! Они так благодарны тебе за то, что ты для них значишь. Признай это и успокойся.

— Но, капитан Стил, Господь же ясно выражается в книге Исаии, в главе 42 стих 8: «Я Господь Бог,— вот Мое имя, и славы Моей никому иному не дам, ни добродетелей Моих истуканам!»

— А я говорю — эти люди не пытаются превозносить тебя. Они просто благодарят тебя за то, что ты направил их к Богу!

Но Цион никак не мог заставить себя поверить в правоту Рэйфорда. Лучше бы земля поглотила его на месте! Он просто потупил голову и стоял, уставившись в землю, пока люди, наконец, не устали ликовать.

* * *

Чань снова вернулся в техцентр, как только они переключили эфир, и с удовольствием стал слушать, как запаниковал Багдад.

— Что творится? — орал кто-то. — Как это случилось? Это невозможно!

Кто-то другой приказал, чтобы операторы немедленно отключили все отделения.

— Мы не можем! — последовал ответ. — Все наши системы перехвачены!

И потому случилось так, что не только миллион человек в Петре слышали послание Господа, переданное в тот день через Циона. Его слышали миллиарды по всему миру.

* * *

— Господь вложил мне в сердце послание. Я уверен, что Он хочет, чтобы я поделился им с вами, — начал Цион. — Я не буду ни приукрашивать, ни подслащивать пилюлю, поскольку мы переживаем с вами самый опасный период человеческой истории. Нам осталось всего шесть месяцев жизни — той, которую мы знали. Бесконечная битва, начавшаяся с начала времен, сейчас стремится к своей кульминации.

Злобный правитель мира сего, Антихрист, обрушивает свой гнев и месть в первую оче-

редь на избранный Богом народ. Прямо сейчас, когда я обращаюсь к вам, по всему миру невинные женщины и мужчины подвергаются мучениям. В чем их преступление? В том, что они евреи. Некоторые из них верят в то, что Иисус есть Мессия, многие в это не верят. Но как бы то ни было, они отвергли клеймо верности Николае Карпати и каждый день расплачиваются за это.

Вы видели видеоматериалы, и вы знаете, с каким злорадством этот злодей смотрит, как выполняется его план.

Много лет назад я начал доказывать правоту Господа, рассказывая вам заранее о грядущих карах и напастях, которые ясно были предсказаны в пророчествах сотни и тысячи лет назад. Мы видели осуществление пророчества о всаднике на белом коне, обещающем мир, но несущем меч. За ним явился всадник на рыжем коне, третья мировая война, которая привела за собой всадника на коне вороном — голод, а затем Смерть — всадника на коне бледном. За этим последовала мученическая смерть святых — перед землетрясением, которое было Гневом Агнца.

Эти шесть судов были предсказаны в Писании, и седьмой суд предварял следующие семь напастей. Град и огонь обрушились на землю. Пылающая гора упала в море. Пыль обратила в яд воды, а затем солнце, луна и звезды потускнели на треть. Демоническая саранча напала на тех, кто не был отмечен печатью Господа, а затем на нас напала двухмиллионная армия демонических

всадников, которые уничтожили большую часть населения. Четырнадцатый суд ведет за собой последние семь, из которых пять уже свершились.

Миллионы людей пострадали от язв, затем море обратилось в кровь, а за ним — реки. Солнце сжигало людей до смерти, уничтожив треть растений Земли. Тьма, что пала на Новый Вавилон, была объяснена с рационалистической точки зрения. Но никто не может отвергать тот факт, что она настолько глубоко проникает в человека, что тот кусает свой язык от боли.

Многие гадают, когда эта напасть кончится. Я говорю вам — ничто в Писании не указывает на то, что она кончится прежде, чем кончится все. Именно потому князь мира сего переместил свое царство. Может, он и думает, что однажды настанет день, когда он и его прихвостни вернутся туда, но я заявляю — такой день не настанет. Еще два испытания ждут нас до явления во славе нашего Господа и Спасителя, Иисуса Христа.

Слушайте меня! Река Евфрат пересохнет! Смеетесь сегодня, но изумитесь, когда это случится, и припомните тогда, что это было предсказано. Последний суд — это будет землетрясение, которое охватит весь земной шар и сровняет с землей горы. Этот суд обрушит на землю такой град, который истребит миллионы.

Меня каждый день спрашивают — как люди могут все это видеть и по-прежнему предпочитать Антихриста Христу? Это ве-

ковая загадка. Для многих из вас уже слишком поздно. Вы теперь можете видеть, что выбрали не ту сторону в этой войне. Но если вы принесли клятву верности врагу и приняли его клеймо — для вас слишком поздно.

Если же вы еще не приняли клейма, все равно может быть уже слишком поздно, потому что вы слишком долго ждали. Вы слишком долго испытывали долготерпение Господне, и обратной дороги уже нет.

Но все же, возможно, у вас остался шанс. Вы узнаете это, только если будете молиться о том, чтобы обратиться к Христу, если вы признаетесь Господу, что вы — грешники, отделенные от него, и что вы сознаете, что ваша единственная надежда — Кровь Христова, пролитая на кресте за вас.

Помните: если вы не обратитесь к Христу и не будете спасены от грядущего суда, то тот ужас, что сейчас царит на земле, еще покажется вам великим благом. Если вы обратились к Христу и ваши сердца еще не ожесточились, то этот мир — худшее, что вы увидите в жизни вечной.

Тем из вас, кто уже стал моими братьями и сестрами во Христе по всему миру, я скажу — будьте верными до самой смерти, ибо сам Иисус сказал: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»¹.

¹ Откровение 2:10.

Какое обещание! Сам Иисус дает вам венец жизни! Какой восторг — увидеть Иисуса вновь, и какая честь умереть за него!

Добрая же весть моя состоит в том, что враг, сознается он в этом или нет, знает, что срок его ограничен. Это тоже было предсказано. Откровение 12: 12 гласит: «Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени». Если вы сомневаетесь в моих словах, то припомните, что все, что этот человек сделал, уже было предсказано. Вот что говорится в Откровении в главе 13, стихи 5—8: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира».

Ваше имя еще может быть вписано в Книгу Жизни! И это добрая весть.

Теперь я должен вас сказать и о злых вестях. С нынешнего мгновения и до самого конца гнев злобного будет разгораться все страшнее, пока не дойдет до крайности. Он все настойчивее будет требовать, чтобы все люди поклонялись ему и носили его клеймо. Те, кто разделяет мою веру и готов быть верным до

конца, вспомните, что пишет апостол Иаков в своем послании в главе 5, стих 8: «Пришествие Господне приближается».

О, верующий, делись верой своей и живи отважно, так чтобы остальные могли принять Христа и спастись. Подумай об этом, друг. Молись о том, чтобы Господь направил тебя к тем, кто еще не слышал истины. Ты можешь оказаться тем самым, кто приведет самую последнюю душу к Христу.

Во Втором послании Петра в главе 3, стихи 10—14 говорится, что «придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда. Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире». Я побуждаю вас уподобиться нашему Господу и Спасителю и сказать вместе с ним: «Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему»¹.

Некоторые вполне правомерно спрашивают — как же любящий и милосердный Бог может обрушивать на Землю такие ужасные напасти и кары? Но я спрашиваю вас — что же

¹ Евангелие от Луки, 2 49

еще он может сделать после стольких тысячелетий, чтобы выбить из мужчин и женщин это ложное чувство безопасности и заставить искать Его ради милости и прощения?

Подумайте о том, насколько он милосерден. Он забрал Свою Церковь до того, как начались Скорби. Он послал двух сверхъестественных Свидетелей в Иерусалим, чтобы передать нам свою любовь. Он ниспослал нам Духа Святого в могуществе, как обещал через пророка Иоиля, чтобы убедить человечество в том, что оно нуждается в Христе, а не в служении сатане и его демонам.

Он отметил печатью сто сорок четыре тысячи еврейских евангелистов, которые рассеялись по свету, чтобы достучаться до тех, кого Библия называет «великое множество людей, которого никто не мог перечесать»¹, со спасительным посланием Сына Божьего. Он послал трех ангелов милосердия, чтобы помочь людям сделать выбор в пользу Христа. Он обещал дать людям сверхъестественное предупреждение перед тем, как Он уничтожит Вавилон.

Но больше всего в милосердии Своем Господь до сих пор позволяет людям самим решить свою посмертную судьбу — избрать Иисуса Христа, Господа и Спасителя или довериться сатане.

Самая замечательная новость, с которой я могу сегодня поделиться с вами, — это то, что Господь подсказал нам воспользоваться блестящими умами и достижениями технологий,

¹ Откровение 7 9

которые, по Божией милости, находятся в нашем распоряжении. Все, кто связывается с нами через Интернет, получит личный ответ на любой вопрос о том, как прийти к Христу.

Да, я знаю, что князь мира сего объявил незаконным даже посещение нашего сайта, но мы можем заверить вас, что он абсолютно безопасен и ваше посещение будет невозможно отследить. У нас тысячи интернет-помощников, которые смогут ответить на любой ваш вопрос и привести вас к Христу.

Мы также имеем спасательные команды, которые могут перевезти вас сюда, если вас преследуют из-за вашей верности Христу. Мы живем в опасные времена, многие погибнут. Многие из ваших близких уже потеряли жизнь из-за своего стремления к истине. Но мы сделаем, что сможем, чтобы до конца сражаться за правое дело. В конце концов, мы победим и будем с Иисусом.

* * *

Незадолго до окончания послания Циона Рэйфорд пробрался сквозь толпу и пошел в техцентр. Он встал за спиной Чаня, глядя, как юноша хихикает, отслеживая хаос и неразбериху в Багдаде и по всем отделениям новостной сети в мире.

Заметив Рэйфорда, Чань сказал:

— Вот, вы только послушайте! — Он включил заседание, которое записал в конференц-

зале, где Николае бушевал, требуя выяснить, кого уволить или прикончить из-за катастрофы на телевидении.

— Где Фигейроа?

— Его никто не видел с тех пор, как мы покинули Новый Вавилон, ваше величайшее!

— А его люди? Тот азиатский мальчишка? Тот скандинавский молокосос?

— Азиат пропал без вести. А скандинав погиб от жары, помните?

— Я не могу помнить обо всех, кто погиб от этих напастей. Кто сейчас заведует телевидением?

— Все отдано на откуп региональным отделениям. Из Нового Вавилона просто невозможно руководить!

— Насчет *этого* я в курсе, Леон! Я хочу, чтобы назначили человека, который мог бы положить этому конец. Что люди скажут?

Фортунато прочистил горло.

— Умоляю простить меня, ваше святейшество, но они будут думать то же, что и некоторые члены кабинета. Они спрашивают: «А что делать с фактом, что многое из произошедшего с нами было предсказано? Неужели в этом есть доля правды? И кто такой, в конце концов, этот Карпати?»

— Они хотят знать, кто такой Карпати? — сказал Николае повышенным тоном. — Члены моего собственного кабинета?

— Да, сэр.

— А ты, Леон? Кто я? Что ты им на это говоришь?

— Я знаю, кто вы, сэр, и я поклоняюсь вам.

— Ты хочешь сказать, что в моем кабинете есть те, кто этого не делает?

— Я говорю только то, что слышал, ваше величайшество.

— Может, настало время им все сказать, Леон. Может быть, им пора узнать, кто я такой, если они и правда этого не знают.

* * *

Чань понимал, что не сможет уснуть. Они с Наоми шли к ее дому, и чем больше приближались, тем медленнее шли.

— В какое невероятное время мы живем, — сказал он.

— Правда? — ответила она. — Если бы я могла выбирать, я бы лучше узнала Иисуса раньше и ушла вместе с Ним во время Восхищения.

— Это если бы у нас был выбор.

— Он у нас был.

— Да.

— Честно говоря, Чань, самое лучшее время жить, по-моему, настанет после Явления во Славе, Второго Пришествия. Ведь кроме жизни рядом с Иисусом настанет время мира на земле, и я проживу с тобой тысячу лет!

Чань был ошеломлен этой мыслью. Он остановился и взял ее руки в свои.

— Интересно, как я буду выглядеть, когда мне стукнет тысяча двадцать лет, — сказал он. — Думаю, буду я морщинистым маленьким старым китайцем.

— Ты все равно будешь для меня красивой всех. А я буду почтенной старой еврейкой с кучей детей в возрасте от пятисот до девяноста с хвостиком лет.

Он взял ее лицо в ладони в лучах луны.

— Я так счастлив, что нашел тебя.

* * *

Бизон лежал на своей койке напротив комнаты Кенни. Ему нестерпимо хотелось взять в руки Библию и почитать ее. Он изучал все, что мог найти, касающееся грядущей битвы. Рэйфорд обещал, что его направят в Иерусалим, и сначала он было разочаровался, думая, что все произойдет возле Петры или в долине Изреель. Но, судя по всему, это были лишь районы дислокации армий мира. Основной конфликт развернется в Иерусалиме.

И ни в каком другом месте он не хотел бы оказаться.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд был потрясен тем, что дела могут пойти еще хуже. Как раз когда он подумал было, что Карпати дошел до предела своих злодеяний, в компьютерный центр просто потоком хлынули сообщения, из которых стало понятно, что Карпати обрушил свою злобу на весь мир. Еще больше гонений, еще больше пыток, еще больше казней.

Призыв Циона к людям выходить на связь с интернет-консультантами из Петры вызвал огромный отклик. Старейшинам пришлось обучать дополнительных консультантов, а Наоми с Чанем натаскивали все больше учителей, чтобы еще больше людей могли быстрее работать на компьютерах.

Цион уже сто раз говорил, что мир стремительно летит к Армагеддону, но Рэйфорд никогда не ощущал этого настолько лично. Он начал по-настоящему ждать встречи ли-

цом к лицу со Спасителем и воссоединения со своими любимыми и друзьями.

Но предстояло еще много дел. Мак, Абдулла и Ри собирали пилотов и самолеты со всех сторон света, чтобы продолжать воздушные перевозки людей в Петру. Бывали дни, когда Рэйфорд думал, что они никогда не смогут удовлетворить все запросы. Единственным условием свободного полета к спасению была печать верующего. Считалось, что человек без клейма Карпати подвергается преследованиям или живет под угрозой гильотины.

Самым удивительным для Рэйфорда, пока он день за днем изучал Писание, оказался конец странного предсказания в Откровении в главе 16, стихи 10—11, касавшегося кары, обрушившейся на Новый Вавилон. Оно оправдалось для всех последователей Карпати:

«Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих».

«Как же может быть, — думал Рэйфорд, — что все эти кары и напасти обрушились на человечество и все же огромное большинство людей так и не переменялось в сердце своем?»

* * *

Чань, конечно же, милосердно вернул международное телевидение Мировому Со-

обществу. Из публичных заявлений Карпати стало ясно, что он приписывает себе славу «окончательного урегулирования ситуации».

— В другой раз, когда он такое скажет, — говорил Чань Рэйфорду, — я немедленно переключусь на коммерческий телеканал, который мы ввели в последнюю неделю.

Запись показывала особенно сильный отрывок последнего телевыступления Циона, который завершался закадровым текстом: «Заявления вашего потентата дозволяются только с согласия Циона Бен-Иегуды и ваших друзей из Петры».

Чань несколько дней тестировал «жучки», которых Бизон и Джордж поставили в личном конференц-зале Карпати в Багдаде. Он сумел скоординировать видео- и аудиозаписи, переключатся на любого, кто говорил, и даже следовать за Карпати, когда он шел, чтобы сесть во главе стола. Два скрытых видеоустройства давали возможность следить за любым человеком в комнате.

* * *

Прибытие десяти региональных потентатов широко транслировалось по Си-эн-эн МС. Бизон не помнил такой помпы с тех пор, как Карпати устроил карикатуру на Крестный Путь в Иерусалиме. Парады, военные оркестры, световые шоу, танцующие девушки, объявления и официальные заявления.

Помосты, забитые людьми, тянулись вдоль пути следования, по которому представители каждого региона продвигались к своему месту перед потентатом.

Наконец, все высокие гости и несколько тысяч подхалимов, которым повезло добыть билеты, были загнаны в огромный зал нового дворца заседаний, где Карпати собирался вписать новую блистательную главу в историю.

Достопочтеннейший отец карпатианства Леон Фортунато был назначен сделать представление царя мира сего, конечно же. Он был при всех регалиях, начиная с фески из пурпурного фетра, плоская тулья которой была украшена кисточкой из перевитых золотых и серебряных нитей с зеркальными пайетками, отражавшими свет софитов, расставленных по всему залу. Он был в новом пурпурном одеянии, отороченном шестью полосами переливчатой желтой парчи на каждом рукаве.

Фортунато был настолько раболепен и льстив во время представления, что любого, кроме самого Антихриста, просто затошнило бы. Карпати стоял, изображая смирение, явно пытаясь скрыть усмешку и купаясь в обожании своих прихлебателей.

— Спасибо, спасибо, спасибо всем вам! — сказал Карпати, простерев руки вперед. — Вы слишком добры к своему жалкому слуге, на слабые плечи которого с самого начала пала ответственность, о которой он даже не мечтал и которая открыла в нем лишь искру божественности, по которой он и понял, что

является настоящим богом — вплоть до того, что сам сумел воскресить себя из мертвых.

И все же вы — да, да, вы, все до единого — облегчили мою задачу, несмотря на жестокое сопротивление и препятствия со всех сторон. Каждому региону активно служил его региональный потентат. Все они в это кризисное время собрались вместе и помогли сделать наш расколотый мир воистину единым мировым сообществом.

Речь Карпати многократно прерывали громовые аплодисменты, и каждый раз он купался в их звуках.

— Возможно, — говорил он, — это важнейший момент в истории мира. Несмотря на катастрофическое уменьшение численности нашего населения — и правительств — в результате непрерывных катастроф и того, что наши враги уверенно именуют «карами небесными», я собрал ведущих лидеров со всех сторон света. Завтра, на чрезвычайно секретном, закрытом заседании, я в общих чертах изложу свой замечательный, воистину осенивший меня план, который позволит нам раз и навсегда достичь нашей цели — истинной мировой гармонии.

Наши хулители имели достаточно возможностей увидеть ошибочность своих убеждений и присоединиться к нашей интернациональной семье. Я слишком долго искренне верил, что они просто не понимают наших целей и не знают о преимуществах встать плечом к плечу вместе с нами. Представьте, чего мы могли бы достичь, если бы все были в одной лодке!

Ничего, такой день скоро настанет, друзья мои! Мы будем вместе трудиться, чтобы наши враги либо стали нашими товарищами, либо мы вырвем их с корнем, чтобы среди нас остались лишь верные нам... лоялисты, которые разделяют нашу цель: построение истинной утопии, рая на земле.

Не сомневаюсь, что все — даже оппозиционеры — согласны с нами в том, что мы играли честно. Мы были терпеливы. Мы пытались. Но время толерантности закончилось. Вы ощущаете, что ваше терпение на исходе? Я охотно допускаю это. Либо ты в одной лодке с нами, либо ты будешь уничтожен. Не пройдет и полугода, как я уничтожу тех, кто противится миру, — в этом я клянусь верным гражданам Мирового Сообщества. Вы будете жить в мирном, чудесном краю ваших мечтаний.

Отвечая телерепортерам, все представители региональных potentatov пели ту же песню с некоторыми вариациями.

— Это честь, которая выпадает раз в жизни. Все, что угодно, отдал бы за то, чтобы присутствовать на последующем совещании.

Трансляция закончилась вместе с окончанием церемонии. Но самое интересное было намечено на завтрашнее раннее утро на встрече potentatov. Все в Мировом Сообществе полагали, что так и будет, поскольку совещание закрытое и тайное.

Но отряд Скорби словно бы присутствовал в том зале. Собравшись вокруг широкоэкранный телевизора в пещере Петры, лично выбранные Рэйфордом соратники следили за

каждым моментом совещания при помощи чудес технологии и виртуозной работы Чаня.

Чань сидел позади всех, управляя процессом. По одну сторону от Рэйфорда находился Бизон, по другую — Джордж. Также здесь были Цион и Хаим. Остальные основные участники отряда были заняты либо делами взаимопомощи, либо авиаперевозками людей.

По мере заполнения зала в Багдаде Рэйфорд попросил Чаня панорамировать все помещение.

— Давай посмотрим, кто там есть.

За большим столом могли усесться по три человека по оба конца и по шесть с обеих сторон. Перед каждым местом стоял микрофон и табличка с именем. Во главе стола было только два места, одно: для Карпати, которого еще не было; второе, слева, — для Фортунато, который нервно постукивал своим кольцом с огромным рубином по одному из роскошных блокнотов в кожаном переплете, что были справа от него.

Слева от места, где будет сидеть Карпати и далее, располагались места потентатов Соединенных Африканских Штатов, Соединенных Европейских Штатов, Соединенных Штатов Великобритании, Соединенных Южно-Американских Штатов, Соединенных Северо-Американских Штатов и Вив Айвинз.

Каждый носил одежду, отражавшую культурную традицию его региона, — от разноцветной дашики¹ африканского потентата до

¹ Мужская африканская рубашка

широкого сомбреро и гаучосов¹ южноамериканского и широкополой ковбойской шляпы и расшитого ковбойского костюма potentата Северной Америки.

Вив Айвинз, как всегда, была в зеленовато-голубом костюме, почти подходившем под цвет ее волос, но впервые ее наряд дополняли огромная бриллиантовая брошь и блуза — настолько ослепительно-белая, что она создавала проблемы при видеотрансляции.

Справа от Фортунато сидели по порядку potentаты Соединенных Карпатианских Штатов, Соединенных Российских Штатов, Соединенных Индийских Штатов, Соединенных Азиатских Штатов, Соединенных Тихоокеанских Штатов и Сухайль Акбар.

Опять же эти potentаты были одеты в самые яркие региональные костюмы. Среди них особенно выделялось черно-серебряное кимоно азиатского лидера. Сухайль был одет в свою наиболее официальную униформу военных миротворческих сил Мирового Сообщества. Всю эту красоту венчала темно-синяя фуражка со сверкающим золотым шнуром.

Три кресла на другом конце стола напротив Карпати и Фортунато занимали трое мужчин, которые показались Рэйфорду совершенно одинаковыми манекенами. Все трое были одеты в простые черные костюмы, наглухо застегнутые, с черными галстуками. Никаких украшений, головных уборов, ни-

¹ Характерные брюки гаучо

чего. Они сидели, положив перед собой на стол сцепленные руки, не шевелясь и не глядя ни вправо, ни влево.

— Не узнаю этих троих, — сказал Рэйфорд Циону. — А ты?

Рабби покачал головой.

— Странное дело — они вроде бы даже не моргают. Остальные часто украдкой поглаживают на них. Они настоящие, как думаешь? Или это картонные манекены?

— Чань, — сказал Рэйфорд, — сфокусируйся на них. Можешь?

Чань сделал это и ответил:

— Они настоящие. Я записал, как они садились. Хотите посмотреть?

— Только если не пропустим появление Карпати.

— Не пропустим.

Чань прокрутил запись обратно, показав, как эти трое садились. Они двигались как один, совершенно синхронно.

— Из какой двери они вышли? — спросил Рэйфорд.

— Вот это я упустил. Впечатление такое, что они просто взяли и появились.

— Ладно, вернемся к прямому эфиру.

Короткий звонок заставил Фортунато вскочить и сунуть руку в складки своего одеяния, словно он хотел отключить пейджер. Он быстро встал и расправил одеяния, поправил свою феску.

— Дамы и господа, — сказал он, — прошу встать, чтобы почтить вашего верховного potentата, его святейшество, его величество,

его превосходство, нашего господ и воскресшего царя, Николае Карпати, первого и последнего ныне, присно и во веки веков, аминь.

Все, кроме трех таинственных незнакомцев, которые так и не шевельнулись, встали и обнажили головы. Военный в синей униформе открыл дверь, и вошел Карпати. Фортунато громко бухнулся на колени. Николае был в черном костюме в тонкую полоску, белой рубашке с ярко-бирюзовым галстуком.

Пока Леон стоял на коленях, уткнувшись лбом в пол, закрыв лицо руками и демонстрируя подол своего одеяния, что было не слишком красиво, Николае остановился в паре шагов за своим собственным креслом и позволил всем собравшимся подойти к нему друг за другом.

Каждый из них склонялся перед ним и пожимал его руку обеими руками. Многие целовали его руку или кольцо, некоторые вставляли на колени, как Леон, шепотом выражая свою преданность и почтение. Затем все вернулись к своим креслам и встали за ними.

Когда с приветствиями было покончено, воцарилась неловкая тишина, поскольку следующим, видимо, был Леон, но он не заметил, что пришла его очередь. Наконец, Карпати кашлянул, Леон быстро поднял голову и встал, наступил на подол своего одеяния. Послышался характерный звук рвущейся ткани, когда он выпрямлялся, схватившись ради равновесия за спинку кресла Карпати. Кресло было на колесиках, и Фортунато чуть

не врезался в своего господина и воскресшего из мертвых царя, первого и последнего, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Фортуна схватил руку Николае и поднес ее к губам, чуть не опрокинув его. В последний момент он понял, что схватил не ту руку, бросил ее схватил другую и громко чмокнул перстень потентата.

— Ваше святейшество, господин мой, — сказал он, подтаскивая одной рукой кресло Карпати и другой широким жестом указуя на него.

— Весьма вам благодарен, достопочтеннейший, — сказал, усаживаясь, Карпати. — Дамы и господа, прошу садиться.

Леон оставил его кресло в футе от стола, так что Карпати схватился за стол и подтянул было себя поближе. Фортуна, осознав свой промах, быстро встал сзади, чтобы подтолкнуть, так что в результате Карпати уперся грудью в стол. Пока Леон суетливо открывал один из кожаных блокнотов и пододвигал его потентату, Карпати отодвинулся на более удобное расстояние.

Николае поблагодарил всех за то, что они прибыли на заседание, будто бы у кого-то был иной выбор, и сказал:

— Сразу перейдем к делу. Позвольте мне начать с того, что никакой демократии мы разводить не будем. Мы здесь не для того, чтобы голосовать, и не для того, чтобы вы мне давали советы. Если вы считаете, что я что-то должен знать, говорите откровенно. Если вам не нравится мое руководство или

у вас есть вопросы, почему или зачем я сделал то или это, или будут возражения по поводу плана, который я намерен представить вам сегодня, то смею вам напомнить о трех прежних потентатах южных регионов, которые были замещены ввиду их безвременной смерти.

Вопросы? Нет вопросов? Тогда продолжим.

Дамы и господа, настало время открыть вам важную тайну. Чтобы выиграть великую битву, мы должны быть все как один. Смотрите мне в глаза и слушайте, поскольку то, что вы сегодня услышите — истина, и вам будет несложно поверить во все, что я вам скажу, до последнего слова. Я вечен. Я был и пребуду во веки веков. Я был при самом начале мира и пребуду вечно.

Николае встал и начал медленно обходить стол. Никто не следил за ним взглядом. Все были словно загипнотизированы.

— Проблема в том, — говорил он, — что тот, кто зовет себя Богом, — не Бог. Я согласен, что он был здесь еще до меня. Когда я возник из предначальной слизи и воды, он уже был здесь. Но он явно появился тем же путем, что и я. И лишь потому, что он появился раньше, он пожелал, чтобы я думал, будто бы он создал меня и других существ в беспредельных небесах. Но я знал правду. Многие из нас знали.

Он пытался внушить нам, что создал нас себе как слуг для одной лишь работы. Он сказал, что создал людей по своему образу и по-

добию и что мы должны ему служить. Будь я первым, я мог бы сказать, что это я создал его и что он будет мне служить, прислуживая другим моим тварям.

Но он не создавал ничего! Мы, все мы — вы, я, другие небесные создания, мужчины и женщины — все мы возникли из одного и того же изначального хаоса! Но не по его воле! Он появился с еще одним разумным существом, подобным мне, и он назвал его своим возлюбленным сыном! Это было особое существо, избранное, единственное порожденное им!

Я с самого начала знал, что это ложь и что меня — и всех нас — используют! Я был мудрым и сияющим ангелом. Я имел свои устремления. У меня были идеи. Но все это было угрозой для старшего. Он назвал себя богом-творцом, создателем жизни. Он занял привилегированное положение. Он потребовал, чтобы вся земля поклонялась и повиновалась ему. Я имел дерзость спросить — почему? Почему не мне?

Подстрекал ли я к мятежу? Конечно! При чем тут старшинство, если все мы явились из одного и того же источника? Для всех хватит места, но если старшинство можно захватить, то я это сделаю! Около трети разумных существ согласились со мной и приняли мою сторону, обещая мне верность. Остальные оказались слабаками, которые легко поддавались влиянию. Они приняли сторону так называемого нашего отца и его так называемого сына.

Антихрист ли я? Ну, если он Христос, тогда да! Да! Я против Христа, который был неправедно коронован его так называемым творцом. Я взойду на небеса, я возведу мой престол превыше звезд бога! Я поднимусь превыше облаков, я стану Высочайшим!

Но поскольку он взошел туда первым, а у меня хватило отваги бросить ему вызов, я был изгнан! Где справедливость? С тех пор мы стали смертельными врагами — эти отец и сын и я. Он даже сумел убедить людей в том, что он создал их! Но это не может быть истиной, потому что, если бы было так, они не имели бы свободной воли. А если он создал меня, то я не мог бы восстать против него. И только это имеет смысл.

Как только я это понял, мое положение изгоя стало для меня истинным наслаждением. Я увидел, что людей, которых он называл своими созданиями, легче всего подчинить своему влиянию. Та женщина с плодом! Она не захотела подчиняться. Это было так просто, я всего лишь предложил дать ей то, чего она действительно желала. Кстати, это произошло не так далеко отсюда.

И первые дети смертных — как же легко они поддались! Младший был верным тому, кто называл себя единственным истинным Богом, но другой... ах, другой хотел того же, что и я. Немножечко для себя. Я в два счета без сомнения доказал, что эти существа не есть продукты творчества старшего ангела. Всего несколько поколений прошло — и они стали настолько развращенными, самовлю-

бленными, что старикан больше не утверждал, что они есть его образ и подобие.

Они пьянствовали. Они сражались, они богохульствовали. Они были упрямы, они не желали ни во что верить. Они убивали друг друга. Единственными, до кого я не сумел достучаться, были Ной со своим отродьем. И конечно, великий создатель решил, что грядущая история зависит от них, а остальных уничтожил потопом. Я, в конце концов, добрался и до Ноя, но он уже начал заново заселять землю.

Да, признаюсь, папаша и его сынок были моими самыми страшными врагами в течение бесчисленных поколений. У них были свои любимчики среди всех людей — евреи. Эти евреи прямо зеница ока старшего ангела, но в этом и есть его слабость. Он так с ними цацкается, что они его и погубят.

Мои силы и я почти уничтожили их не так много поколений назад, но тут вмешались папаша с сыном, вернули им их собственную землю и снова сорвали мои планы. Судьба много раз играла с нами, друзья мои, но в конце концов победа останется за нами.

Папаша с сынком думали, что сделают миру благо, оставив свои намерения в письменном виде. Весь план изложен здесь — от отправки сына умирать и воскресать, а я показал, что и я это умею, — до предсказаний всего вот этого периода. Да, миллионы людей на это купились. Вынужден признать, что до сего момента у неприятеля было преимущество.

Но две великих истины приведут их к краху. Первая — я знаю правду. Они не выше и не лучше, чем я или кто-либо другой. Они возникли оттуда же, откуда пришли все мы. И вторая — они, наверное, забыли, что я умею читать. Я читал их книжку! Я знаю, что они готовят! Я знаю, что случится дальше, и даже знаю где!

Пусть они гасят огни великого града, который я так любил! Ах, как прекрасен он был! Как прекрасен он был, пока он был центром мировой торговли, центром правительственной работы, когда огромные корабли и самолеты со всех концов света привозили туда товары! Там теперь так темно... И что такого, если он будет в конце концов разрушен? Я отстрою его заново!

Пусть сотрясают земной шар, пока мой город не сровняется с землей, пусть обрушивают стопудовые глыбы льда с небес. В конце концов победа будет за мной, поскольку я прочел их план сражения. Старик намерен послать сына, чтобы тот устроил на земле царство, о котором более трехсот раз он говорит в своей книжонке, причем даже рассказывает, где именно сынок его устроит! Дамы и господа, мы подготовим им сюрприз.

Мы с этим самым сыном сражались за души мужчин и женщин с начала времен. Если вы, правители, и я объединим силы всего мира и выступим вместе с одного плацдарма, мы раз и навсегда сможем избавиться от тех, кто доселе мешал нам одержать окончательную победу.

Этот так называемый мессия любит город Иерусалим превыше всех городов мира. Он даже зовет его Вечным Городом. Ну, посмотрим. Там он якобы умер и снова воскрес.

Эта странная привязанность к евреям привела к тому, что он называет вечным заветом. Если мы, правители мира, соединим наши ресурсы и нападём на евреев, то сынку придется прийти к ним на помощь. А вот тогда мы обрушимся на него и уничтожим. Это даст нам полный контроль над Землей, а потом мы будем готовы отнять у папочки главенство над Вселенной.

Николае два раза обошел вокруг стола и вернулся в кресло. Вид у него был измотанный.

— Все это есть в их Библии, — сказал он. — А она, как они говорят, никогда не врет. Мы точно знаем, где он появится. Вы со мной?

— Мы с вами, ваше превосходство, — сказал потентат Южной Америки, — но где все это будет?

— Мы соберем всех — все наши танки и самолеты, все оружие и все армии — на равнине Мегиддо. Это район в Северном Израиле, также известный как равнина Ездраелон, или Изреель примерно в тридцати километрах к юго-востоку от Хайфы и в ста километрах к северу от Иерусалима. В назначенное время мы отправим одну треть наших сил на уничтожение Петры, и на сей раз я обойдусь без единого ядерного заряда. Мы задавим их числом. Возможно, даже конницей.

Остальные наши силы направятся к так называемому Вечному Городу и взорвут эти проклятые стены и уничтожат всех евреев. И там, после возвращения наших победоносных войск из Петры, мы будем ждать. Когда сыночек явится, это станет для него большим сюрпризом.

Фортунато сидел, качая головой, словно потрясенный блистательностью стратагемы.

— Есть ли вопросы к потентату? — спросил он. — Кто-нибудь хочет задать вопрос?

Потентат Соединенных Азиатских Штатов робко поднял руку.

— Не знаю, как у остальных, — сказал он, — но в нашей стомиллионной армии есть много независимых генералов, которых нелегко будет объединить. Их штабы и войска сильно пострадали из-за мора, язв и прочих невероятных мучений. Более половины моего населения погибло или пропало. Как же нам заставить эти армии и их вождей следовать за нами?

Многие закивали.

— Я не стану уходить от этого вопроса, друзья мои, — сказал Карпати. — Но прежде чем я скажу вам, как мы вместе сможем этого достичь, позвольте мне сказать вам, какой вопрос в первую очередь будет стоять на повестке дня у ваших военных вождей. Как вы помните, когда я впервые пришел к власти примерно семь лет назад, я собрал ото всех мировых правительств девяносто процентов их вооружения. Все оно хранилось в тайном месте, о котором я сейчас скажу. В огромных

военных складах в Аль-Хилле и вокруг, примерно в сотне километров к югу от нас, мы запасли оружие, которого с лихвой хватит, чтобы разнести всю планету.

Не стоит и говорить, что мы не собираемся уничтожать планету, да и не нужно нам этого. Мы просто хотим, чтобы у ваших солдат было оружия больше, чем необходимо, чтобы уничтожить евреев и того самого сына, с которым я так долго сражаюсь. Итак, как только я расскажу вам, как мы приструним ваших военных лидеров, вашим следующим заданием будет доставить их в Аль-Хиллу, где наш глава службы безопасности и разведки господин Сухайль Акбар проследит, чтобы они получили оружия и снаряжения более чем достаточно.

— Сколько времени это займет? — спросил индийский потентат.

— У вас меньше полугода, дамы и господа, начиная с нынешнего дня. Я уже месяц как ввел в Израиль войска Карпатианских Штатов. И когда армия Мирового Сообщества будет на позициях, я хочу, чтобы склады Аль-Хиллы опустели. Это понятно?

— Понятно, — ответил российский потентат, — но, как и мои коллеги, я жажду узнать, как мы сможем вдохновить утративших боевой дух, больных, израненных военачальников и войска.

— Достопочтеннейший Фортунато, — сказал, вставая, Николае. Леон вскочил, его кресло откатилось. — Дамы и господа, пришло время представить вам моих трех самых

доверенных помощников. Несомненно, вам интересно узнать, кто эти трое незнакомцев по ту сторону стола.

— Мне интересно, почему они практически ни разу не моргнули с тех пор, как мы сели за стол, — пробормотал британский потентат.

Карпати рассмеялся.

— Они не принадлежат нашему миру. Они используют эту оболочку, только когда это нужно. На самом деле это духи, которые были со мной с самого начала. Они были среди первых, кто поверил в меня и увидел ложь, которой папаша и сынок пытались заполнить небо и землю. Леон, — сказал Карпати, и они прошли каждый по своей стороне стола к противоположному концу. — Простите, мисс Айвинз, — сказал Николае, и она встала и подвинула свое кресло, чтобы он мог пройти.

— Простите, директор Акбар, — сказал Леон, и Сухайль точно так же подвинулся.

Рэйфорд аж подскочил, когда Цион резко призвал всех к вниманию, выкрикнув:

— Чань, не упusti! Это же Откровение, глава 16, стихи 13 и 14!

Угол камеры изменился, и все, собравшиеся в Петре, четко увидели Николае и Леона со спины, стоящих позади трех кажущихся неживыми тел на конце стола.

* * *

Антихрист и лжепророк наклонились каждый со своей стороны стола, опершись на столешницу локтями и глядя в глаза роботоподобных существ. Леон и Николае выдохнули отвратительных, жабоподобных тварей — Леон одну, Николае двоих, — которые запрыгнули в рот каждому из троих.

Все трое внезапно ожили.

Николае улыбнулся.

* * *

— Давай посмотрим на них спереди, Чань! — заорал Бизон, и Чань сделал нужную корректировку.

* * *

Все трое теперь были ошеломляюще похожи на Карпати. Они сидели, небрежно развалившись в креслах, улыбаясь потентату и всем вокруг. Мировые лидеры поначалу были ошеломлены и испуганы, но вскоре стали с большей теплотой смотреть на симпатичных незнакомцев.

— Прошу любить и жаловать — Аштарот, Баал и Червь. Это самые убедительные и уме-

ющие убеждать духи из тех, с которыми мне выпало счастье быть знакомым. Теперь я хочу просить всех собравшихся, всех нас, встать вокруг них и возложить на них руки, поручая им нынешнюю непосредственную задачу.

Все трое отодвинули кресла, чтобы дать место potentатам, Вив Айвинз, Сухайлю, Леону и Николае, чтобы те могли окружить и коснуться их.

Николае сказал:

— А теперь ступайте, вы трое, по всем концам земли, чтобы собрать войско для окончательной битвы в Иерусалиме, где мы раз и навсегда повергнем отца и его так называемого мессию. Убеждайте всех и повсюду в неотвратимости нашей победы, в нашей правоте, в том, что вместе мы сумеем сокрушить сына до того, как он успеет завладеть этим миром. Как только его не станет, мы сделаемся безраздельными вождями этого мира.

Дарую вам силу давать знамения, исцелять больных и воскрешать мертвых, если понадобится, чтобы убедить мир в нашей победе. Ступайте же теперь в мощи...

Аштарот, Баал и Червь исчезли в ослепительной вспышке молнии, ударившей в центр стола и на миг заставившей почернеть телеэкран в Петре. Когда изображение восстановилось, чудовищный раскат грома заставил Чаня сорвать наушники.

Николае и Леон вернулись и встали за своими креслами, как и все остальные potentаты, и Вив с Сухайлем. Пока они молча стояли, Николае произнес:

— Теперь я прощаюсь со всеми. Увидимся через шесть месяцев на равнине Мегиддо в день нашей великой победы.

* * *

Бизон был потрясен, однако быстро пришел в себя.

— Кто-нибудь прочтите тот отрывок, о котором говорил Цион!

— Он у меня под рукой, — ответил Хаим. — Откровение, глава 16, стихи 13—14 гласят: «И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя».

— Зачитай и последующие два стиха, Хаим, — попросил Цион.

— Первый — слова самого Иисуса: «Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его». И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд велел Бизону и Джорджу найти новое место для конференц-зала в Петре — какое-нибудь такое местечко, которое не привлекало бы любопытных.

— Помещение человек на двенадцать, не больше, — сказал он, хотя знал, что вряд ли наберется больше половины.

Он встретился с Ционом в его крохотной жилой комнате.

— Мне надо, чтобы ты обучал моих главных бойцов, — сказал он. — Сейчас они знают, что происходит в Багдаде, у них куча вопросов по поводу того, что это может означать и в чем будет наша роль. Никто не желает отсиживаться здесь, когда мир летит к черту.

— Я очень их понимаю, Рэйфорд, и я с радостью сделаю все, что ты просишь. Как раз этим утром я передал все административные

и наставнические функции относительно остатка нашего народа Хаиму.

Рэйфорд внимательно посмотрел на него:

— Что ты сделал?

— Я тоже не хочу здесь оставаться.

— Что ты говоришь?

— Если уж я должен обучать ударный боевой отряд, то я хочу быть в его рядах. Я хочу, чтобы меня научили сражаться, использовать оружие, защищаться, отстаивать жизнь моих товарищей и моих сородичей-евреев.

Рэйфорд встал и подошел к открытому окну, в которое было видно безграничное небо.

— Я ошеломлен, — сказал он.

— Не думай, что я не вопрошал об этом Господа.

— Разве тебе не достаточно быть рабби, учителем, наставником? Теперь ты хочешь быть солдатом?

— Рэйфорд, послушай меня. Я следую за Господом, моим Мессией. Я не могу отсиживаться здесь, когда Антихрист и силы всего мира стягиваются к Иерусалиму. Я не буду стоять в стороне, когда начнут убивать невинных евреев. Библия говорит, что треть выживших евреев обратится к Господу прежде, чем настанет конец всему. Это много, много больше, чем сейчас, и нам надо прийти к ним. Я хочу учить их в Иерусалиме, Рэйфорд. Вот о чем я пытаюсь тебе сказать.

— Ты погибнешь.

— Лучше мне очнуться на небесах на несколько дней раньше и присоединиться к ар-

мии, которая пойдет навстречу вам вместе с Мессией, и сознавать, что я погиб на своем посту, а не сидел в Петре, смотря телевизор.

— Не знаю, позволю ли я тебе.

— Если позволяет Господь, то у тебя нет выбора. Ох, Рэйфорд, да сядь ты, пожалуйста. Я не хочу идти наобум, неподготовленным. Я только что разменял пятый десяток, я не старик. Да, я не юноша, но я вполне в форме. Если Мак МакКаллам вытворяет такое в своем возрасте, то и я смогу. Я понимаю, что у меня руки нежные, как у всех ученых, но ведь не так много времени уйдет на то, чтобы заработать мозоли и научиться держать автомат?

— Ты не шутишь.

— Я не откажусь от своего замысла. Я более чем готов обучать твоих людей всему, что я знаю, и помочь им разбираться в том, что происходит. Но моя цена — тоже хочу стать учеником твоего мистера Себастиана.

Рэйфорд сел и покачал головой:

— Может, ты и не старый осел, но упертый — это точно.

— Но разве это не качество солдата?

— О да, ты теперь солдат.

— Надеюсь им стать.

— А со старейшинами ты советовался?

— В смысле, проинформировал ли я их? Да. Обрадовало это их? Нет. Насколько меня волнует их решение? Только если оно положительное.

* * *

Бизон ушам своим поверить не мог.

— Но я не могу не признать, что он мужественный человек. Никогда не забуду той ночи, когда мы с ним впервые разговаривали с двумя Свидетелями у Стены Плача. Я еще и не знал тогда, что доктор Бен-Иегуда — верующий. Я и сам был тогда неофитом, но я узнал главу 3 из Евангелия от Иоанна и ночной разговор между Иисусом и Никодимом. Это было очень волнующе.

— Никогда не прощу себе, если я отпущу его и с ним что-то случится, — сказал Рэйфорд.

— Он крепкий орешек. Он выступил против Карпати по международному телевидению, сказав, что считает Иисуса Мессией. И после того, как его семью вырезали, он, как мне кажется, охотнее взялся бы за «узи», чем за Библию. Он может оказаться ценным приобретением для нашей команды. Я голосую за него.

— Я не принимаю ничьих голосов.

— Вы просто имеете один голос. А кто-нибудь против?

— Возможно, я, — ответил Рэйфорд.

— Тогда он куда храбрее вас.

* * *

Мак был в восторге от всей этой затеи. Он был целиком и полностью за то, чтобы Цион

прошел военную подготовку и отправился с ними в Иерусалим. Он просиживал у Циона в его личной комнате теперь каждый вечер в течение следующих нескольких месяцев и узнал о последних днях мира куда больше, чем мог себе представить. Он видел огонь в глазах рабби и понимал, что Цион идет с ними, какие бы там дурные предчувствия ни томили Рэйфорда.

Цион начал один вечерний урок посланием апостола Иуды, со стихов 14—15 из главы 1: «О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: «Се, идет Господь со тьмами святых Ангелов Своих — сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники».

— Вы поняли, друзья? Он повторяет это слово множество раз. Доходчиво получается, правда же, когда пророк Божий трижды упоминает нечестивых в одном предложении? Это наши враги и враги Господа. Они выступили, чтобы красть, убивать, уничтожать все, что исходит от Бога. Но Сам Иисус говорит в Евангелии от Иоанна в главе 10 и стихах 10 и 11: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец». Пастырь, который пришел, чтобы отдать жизнь за свою паству!

Многие из вас спрашивали меня, откуда я взял, что одна треть избранного Господом

народа обратится до того, как пробьет последний час мира. Откройте ваши Библии на Книге Захарии, глава 13. Это вторая от конца книга Ветхого Завета. В стихах 8 и 9 пророк говорит об остатке Израиля: «И будет на всей земле, говорит Господь, две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней. И введу эту третью часть в огонь, и расплаблю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу их и скажу: «Это Мой народ», и они скажут: «Господь — Бог мой!»

Теперь, как я уже раньше вам говорил, называть последнюю битву Армагеддоном — неправильно, поскольку Армагеддон — всего лишь место, где расположатся армии мира. Настоящая битва развернется здесь, в Петре, поскольку Господь уже доказал, что в этот город нельзя прорваться, и в Иерусалиме. Чтобы быть точным, следует называть эту битву Войной Великого Дня Господа Вседержителя.

Бизон поднял руку:

— Я много лет уже слушаю ваши лекции на эту тему и до сих пор не уверен, что улавливаю последовательность событий. Что когда случится-то?

Цион хмыкнул.

— Ученые с незапамятных времен сталкиваются лбами по этому вопросу. Я понял, что единственный способ разобраться во всем этом — держать всегда под рукой Библию и все мои книги и комментарии и пытаться набрасывать список различных вариантов развития событий.

По-моему, после шестой чаши — пересыхания Евфрата — должны произойти девять событий. Кстати, это позволит царям Востока доставить свои армии посуху прямо на равнину Мегиддо, вместо того чтобы везти их морем, огибая континенты. В Библии нет подтверждения следующим утверждениям, но по моему скромному мнению, это ловушка, поставленная Богом Всемогущим. Он заманивает эти армии и правителей прямо туда, куда Ему нужно.

Как бы то ни было, когда Евфрат пересохнет, мы увидим сбор союзников Антихриста. Следующим, полагаю, будет разрушение Нового Вавилона. Исаия в своей книге в главе 13, стихах с 6 по 9 говорит: «Рыдайте, ибо день Господа близок, идет как разрушительная сила от Всемогущего. Оттого руки у всех опустились, и сердце у каждого человека растаяло. Ужаснулись, судороги и боли схватили их; мучатся, как рождающая, с изумлением смотрят друг на друга, лица у них разгорелись. Вот, приходит день Господа лютей, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее».

— Ух ты, — сказал Бизон. — Прямо высказать не могу, как мне хочется быть там, чтобы все это увидеть.

— В это время ты должен быть в Иерусалиме, Бизон, — сказал Рэйфорд.

— И я тоже, — добавил Цион. — После разрушения Вавилона последует падение Иерусалима. Это воодушевит войска Анти-

христа, и они хлынут, чтобы соединиться со своими соратниками в месте, которое Библия называет Боцра. Сразу за этим настанет то, что я называю национальным возрождением Израиля.

В Послании к римлянам в главе 11, стихах с 25 по 27 апостол Павел пишет: «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их».

— Затем идут хорошие вести, — сказал Джордж. — По крайней мере, я так их воспринимаю.

— Именно так, — сказал Цион. — Второе Пришествие Иисуса Христа, когда Он явится на белом коне во главе десяти тысячного святого воинства, и что бы там ни думал Антихрист, конец его будет близок. Хотите выслушать эксцентричное словесное описание этого события? Когда Иоанн рассказывает обо этом в своем Откровении, в стихах 19 и 20 главы 14, он говорит: «И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий».

Подумайте об этом! Когда Иисус и его святое воинство в конце концов истребят земных

союзников Антихриста, бойня будет такая, что кровь в этой центральной долине Израиля будет доходить до конских удил. Сколько это? Четыре фута или даже больше.

— А тысяча шестьсот стадий?

— Спасибо, что спросил, Джордж, — сказал Цион, — потому как мне пришло в голову подсчитать. Это около ста восьмидесяти четырех миль — примерно как от Армагеддона до Эдома.

— Но это только шесть событий, — сказал Бизон. — Ведь осталось еще два?

— Да. Это окончание сражения в долине Евфрата, то есть в общем и целом на территории протяженностью отсюда до южной границы Иерусалима, к западу от Мертвого моря. Поскольку в Петру проникнуть нельзя, все армии Антихриста могут вести сражение только вне ее.

Затем, в конце концов, настает победа Иисуса, и взойдет Он на Масличную гору. Я хочу быть там и видеть это.

— Возможно, ты там и окажешься, — сказал Рэйфорд. — Но останешься ли ты к тому времени в живых — это совсем другой вопрос.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Шесть лет и одиннадцать месяцев Скорби

Когда до кульминации окончательных событий оставалась всего неделя, Рэйфорд, наконец, свyksя с мыслью, что Цион едет в Иерусалим.

— Если я согласился с этим, не значит, что я это одобряю, не так ли, Цион?

— Я хорошо тебя знаю. Даже лучше, чем ты сам. После всех этих разговоров ты будешь весьма разочарован, если я пойду на попятный.

— Разочарован? Да нет, я вздохну с облегчением. У меня почему-то ощущение, что я отвечаю перед Господом за все, что случится с тобой.

— Доверься мне. Я избавлю тебя от этой ответственности.

— Покажи-ка руки, старина.

— Я уже говорил тебе, — сказал Цион, протягивая ему руки, — что не такой уж я и старик.

— Старше меня, значит, на мой взгляд, старик, — ответил Рэйфорд. — Но мозоли впечатляющие. Джордж и Колючка сказали мне, что ты и правда начал попадать в цель из «узи».

— Я не понимаю, как вообще можно промахнуться. Он же выпускает столько пуль за короткое время, что прямо как из брандспойта мишень поливаешь. Если промахнешься — просто води стволом туда-обратно, пока не попадешь.

— Доктор, если серьезно, что ты собираешься делать? Встанешь где-нибудь и начнешь проповедь с «узи» через плечо?

— Если придется, то да. Рэйфорд, мы достаточно давно знакомы и можем говорить откровенно. Я ощущаю такое стремление побудить моих соотечественников вручить свои жизни Мессии, что просто физически не могу этого не сделать. Я должен отправиться туда, должен проповедовать. И я не хочу скрывать, кто я есть. Вряд ли эмэсовцам есть до меня теперь дело.

— Ты серьезно? Всемирный лидер иегудайтов?..

— Это они нас так называют, а мы зовем себя по-другому, а я уж и подавно!

— Но, Цион, тебя же все знают. Если они уж мою дочь посчитали великой добычей, то представь себе, что будет, если они схватят тебя!

Цион покачал головой:

— Но если Господь вложил мне в сердце эту неудержимое стремление, то, может,

Он этим показывает, что я буду защищен свыше.

— Так показывает или нет?

— Я знаю только то, что должен идти туда.

— Я пошлю с тобой Бизона. Я обещал ему задание в Иерусалиме. Я не могу придумать для него назначения более опасного, чем сопровождать тебя.

— Для меня будет большой честью, если он станет моим телохранителем. Он так же хорош в смысле военной подготовки, как и Джордж?

— Кто может сравниться с Джорджем? Но у него другое задание, сам знаешь.

— Оборона здешнего периметра, да, он мне рассказывал. Но у меня вопрос — почему бы нам вообще не перестать заботиться о периметре, если наши границы непроницаемы?

— Потому что сюда постоянно бегут спасаться люди, и пока они не попадут внутрь, они не в безопасности.

— Но все же они в безопасности в воздухе. И что ты на это скажешь?

— Я давно бросил попытки разгадать Господа, Цион. Удивляюсь, что этого не сделал ты.

— О, Рэйфорд, ты только что попался в одну из моих ловушек. Ты же знаешь, как я люблю цитировать Слово Божие.

— Уж конечно.

— Твои слова насчет попытки разгадать Господа напомнили мне одну из моих любимых цитат. По иронии судьбы они ведут как

раз к стихам, которые лишь подтверждают мое стремление идти в Иерусалим, невзирая на опасность.

— Слушаю тебя внимательно.

— Это Послание к римлянам, глава 13, стихи 33—36: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава вовеки, аминь».

— Впечатляюще.

— Но, друг мой, это приводит нас к первому стиху двенадцатой главы, которая и есть мое подтверждение: «Итак, умоляю вас, братья, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная».

— Я только надеюсь, что это *живая жертва*, Цион.

* * *

Чань сделал вывод, что Карпати верит в пророчество насчет пересыхания Евфрата, поскольку приказал поместить в реку чувствительные датчики, информация с кото-

рых считывалась и анализировалась главным компьютером МС. Чань, естественно, отслеживал показания датчиков из Петры. Где-то через четыре недели он понял, что началось — раньше, чем это поняли эмэсовцы.

— Это случилось! — воскликнул он, стоя у компьютера. Все, находившиеся вокруг, повскакали и уставились на него, Наоми подбежала к нему. — В Евфрате исчезла вода! Минуту назад она там еще была, а теперь его русло сухое, как истлевшая кость. Могу поспорить — это будет в завтрашних новостях! Кто-нибудь будет стоять на высохшем потрескавшемся дне, демонстрируя, что можно спокойно перейти реку, не опасаясь топи и зыбучих песков.

— Потрясающе, — сказала Наоми. — То есть я знала, что это будет, но ведь я не думала, что Бог сделает это так сразу! Ведь длина этой реки — пятнадцать сотен миль!

— Была.

Разведывательные полеты Мака и Абдулы над этим районом показали, что из складов в Аль-Хилле было извлечено все оружие и они теперь пусты. Не прошло и нескольких дней, как огромные колонны пехоты, танков, грузовиков и прочих вооружений начали продвигаться на запад из таких дальних стран, как Япония, Китай и Индия.

— А вот здесь, — говорил Чань Наоми, — как раз та передышка, которую Цион искал, сам того не зная.

Он распечатал личную директиву Сухайля Акбара, в которой указывалось, чтобы

все миротворцы Мирового Сообщества и блюстители нравственности прекратили выполнение всех текущих операций и считали себя мобилизованными во Всемирную Объединенную армию Мирового Сообщества.

«Ваши начальники получили такое же назначение, и вы отчитаетесь им по прибытии к месту дислокации в течение двадцати четырех часов или будете считаться дезертирами со всеми вытекающими последствиями».

— И что будет теперь на улицах? — сказала Наоми.

— Даже представить себе не могу, любимая. Психи захватят власть в психушке. Но это означает, что люди без клейма Карпати могут перестать скрываться!

— Если осмелятся. За их головы по-прежнему назначена награда. Лоялисты будут убивать их и складировать трупы, ожидая конца войны, чтобы получить свое вознаграждение.

— То-то они обломаются!

— Я должен отправиться туда как можно скорее, — сказал Рэйфорду Цион. — Как нам с Кэмероном быстрее всего добраться до Иерусалима?

— Полагаю, вертолетом, если я сумею найти вам пилота.

— А чем ты сам занят прямо сейчас?

— Ну... да вроде ничем особым. Еще вопросы?

Цион рассмеялся.

— Я не могу ждать. Я уже упаковал провизию, смену белья, и если Кэмерон выполнил мою просьбу, то он тоже готов. Нет ли свободного вертолета?

— Встречаемся на вертолетной площадке через полчаса.

* * *

Присцилла Себастиан прилагала героические усилия, чтобы отвлечь Кенни Брюса, когда Бизон пытался вырваться из объятий малыша.

— Я скоро вернусь, — говорил Бизон. — Мне надо поехать с дядей Ционом.

Кенни ничего не говорил, он просто висел на шее у отца.

— Дедушка придет к тебе, как только отвезет нас, хорошо? Ты останешься с ним, пока меня не будет.

Кенни чуть ослабил хватку и отодвинулся, чтобы посмотреть на Бизона.

— Дедушка?

— Да.

— На самолете?

— Наверняка.

— Когда?

— Скоро. Как только вернется.

— Я хочу с тобой.

— Места не хватает. Теперь води себя как хороший мальчик и пойдй поиграй с Бет Энн. Скоро придет дедушка. Хорошо?

— Шо...

* * *

Мак вместе с Отто Везером и Джорджем планировал начать эвакуацию из Нового Вавилона, как только поступит сигнал, что надо вывозить верующих. Никто, даже Цион, не знал, когда будет дан знак свыше и узнает ли об этом вообще кто-нибудь вне Нового Вавилона.

— Я знаю, что тут есть еще несколько ячеек верующих, — сказал Отто. — Я оставил одному из руководителей инструкцию, чтобы она перезвонила мне сразу же, как только получит знак. Не знаю, что еще можно сделать. Я сказал им, что мы встречаемся на взлетно-посадочной полосе, и будем надеяться, что самолет окажется достаточно вместительным, чтобы вывезти нас всех.

— Сделаем все, что можем, — сказал Мак.

Наоми вмешалась в их разговор.

— Хотите попрощаться с Ционом? Там все собрались, чтобы пожелать ему доброго пути.

— Он уже улетает?

Она объяснила Маку, почему так.

— Цион никогда не тянет кота за хвост, верно? — Они с Джорджем и Отто пошли следом за Наоми к расчищенному участку

возле вертолетной площадки, где уже собрались сотни тысяч людей. — Здесь вести быстро расходятся, правда, Отто?

— Мистер МакКаллам, многие из этих людей плачут. Он ведь отправляется только в Иерусалим, так? Это же всего сотня миль отсюда, верно? И ведь он вернется?

— Об этом они и плачут, Отто. Многие сомневаются в том, что он вернется.

Рэйфорд не стал заводить мотор, чтобы все могли услышать Циона. Рабби достал белый платок из кармана и стал отчаянно махать им, пока Бизон поднимался на борт у него за спиной.

— Эти люди вам голову оторвут, когда вы вернетесь без него, Рэйфорд.

— Что я и собираюсь сделать в течение часа или менее.

— Лично я не решился бы возвращаться без него, — ответил Бизон.

— Люди! Люди! — крикнул Цион. — Я просто потрясен вашей добротой. Молитесь за меня, чтобы мне была дарована честь привести еще многих в Царство Божие. До великой битвы осталось всего несколько дней, и вы знаете, что это означает. Ждите и будьте бдительны. Готовьтесь к Явлению во Славе! Если я до этого не вернусь, мы встретимся вскоре после этого.

Я буду постоянно думать о вас и молиться за вас, я всегда буду с вами. Еще раз благодарю вас! Оставляю вас в хороших руках на попечительство Хаима Михея Розенцвейга! Итак, будьте благословенны!

Он продолжал махать платком, поднимаясь на борт. Рэйфорд заметил слезы на глазах рабби, когда тот пристегивался к креслу.

* * *

— Ты что-то задумал, — сказала Наоми, когда они с Чанем шли, держась за руки. Он только что передал Рэйфорду на борт схематическую карту Иерусалима с возможными местами высадки.

Чань пожал плечами:

— Иногда я рад, что нахожусь здесь, что я могу спокойно спать, в отличие от дворца, но иногда мне кажется, что я пошел легким путем. Остальные вооружаются для битвы.

— Ой, Чань, не надо так говорить! Ты много лет проработал на передовой! И, кроме того, ты сам прекрасно знаешь, что принесешь гораздо больше пользы здесь, в центре, чем если будешь стрелять. Или тебя пристрелят... Не знаю, что бы мы делали без тебя.

— Ты сама прекрасно справлялась, пока меня не было.

Она вырвала у него руку и уперла руки в боки, наклонив голову набок.

— У тебя память короткая, Чань Вонг. Как ты мог забыть, что я целыми днями общалась через компьютер с тобой за пять сотен миль? Я ничего не смогла бы сделать, если бы ты меня не научил, вот так я сейчас и считаю, понял?

— Здесь все на ходу и прекрасно работает. Я вполне мог бы отсутствовать несколько недель.

— Я не в техническом смысле говорю, Чань. Зови меня эгоисткой, но я рада, что ты здесь. Отец любит меня, но иначе, чем ты.

— Надеюсь, что это так.

Она улыбнулась.

— И мне нравится быть с ним — мало кто из женщин моего возраста может сказать то же самое. Но больше мне нравится быть с тобой. Не забывай — мы решили выжить, чтобы прожить вместе тысячу лет! Давай не будем рисковать из-за твоей совестливости.

— Ты просто думаешь, что от меня не будет толку в бою.

— Правду говоря, я вовсе так не считаю, Чань. Ты вполтину меньше ростом, чем Себастиан, и куда рациональнее Бизона Уильямса. Но я уверена, что личность и характер проявляются в критический момент, а я тебя в такой момент видела. Немного подготовки — и ты сможешь постоять за себя.

* * *

Рэйфорд изучал переданную Чанем карту и пытался обсуждать с Бизоном, где лучше высадиться. Бизон рылся в своих вещах, потому ответил:

— Отец, это вам решать. Вряд ли одно место окажется безопаснее другого.

— Не забывай, что все эмэсовцы должны быть завтра в Мегиддо, — ответил Рэйфорд. — Но не сегодня. Они все еще могут накрыть красную дичь.

— Не согласен, — сказал Бизон. — Директива приказывает им немедленно прекратить все текущие операции и направиться туда, где они должны быть. Не знаю ни одного типа в униформе, который осмелился бы послушаться.

— Просто доставь меня к Стене Плача, Рэйфорд, — сказал Цион. — Я хочу начать проповедь сразу же, как покину борт.

— А более опасного местечка ты придумать не мог?

— Сейчас дело не в опасности, капитан. Главное — время. День Господень близится. И пусть враг не застанет нас за обустройством лагеря.

— Легко тебе говорить, — ответил Рэйфорд.

— Пока не окажусь на земле — нет. А теперь сделай то, о чем я прошу.

Рэйфорд увидел впереди Храмовую гору. Она просто кишела народом.

— Ничего себе!

— Они разойдутся, — сказал Цион. — Верь мне. Начинай посадку, и они уйдут с дороги. Ты разве не ушел бы?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Внезапное пересыхание Евфрата оказалось доброй новостью только для царей Востока, которые переправили свои вооружения напрямик в Израиль посуху. Остальной Плодородный полумесяц¹ перестал быть плодородным. Ирригационные каналы высохли, гидроэлектростанции перестали работать, фабрики закрылись. Короче, все, что зависело от великой реки, немедленно прекратило функционировать.

Предположение Чаня о том, что Си-эн-эн обязательно будет вести передачу с высох-

¹ Плодородный полумесяц — условное название региона на Ближнем Востоке, в котором в зимние месяцы наблюдается повышенное количество осадков. Занимает современные территории Ливана, Палестинской автономии, большую часть Израиля, Сирии, Ирака, юго-восток Турции и северо-запад Иордании. Иногда в его состав включают также долину нижнего течения Нила (Египет).

шего дна реки, полностью оправдались. Но все экстравагантные заявления и «разве-не-круто-что-я-стою-там-где-вчера-была-река-глубиной-в-сто-футов» вовсе не веселили миллионы людей, само существование которых зависело от Евфрата.

* * *

Бизона не удивило то, что Цион оказался прав. Когда Рэйфорд опустил вертолет на пятючок у Храмовой горы, сотни разозленных людей кинулись в стороны, грозя ему кулаками.

Бизон схватил сумку, сунул «узи» под куртку. Спрыгнул с борта и нырнул в кусты возле Стены Плача. Обернулся, чтобы посмотреть, как там Цион, и был изумлен ловкостью недавно обученного партизана.

Люди припали на колено, переводя дух и глядя, как улетает Рэйфорд. Уходящий вертолет отвлек внимание от них. Бизон огляделся по сторонам.

— Именно здесь три года назад я наблюдал, как двое Свидетелей были взяты на небо, — сказал он.

* * *

Старое любопытство снова вернулось к нему. Рэйфорд не мог отделаться от этого

ощущения. Как же он может оказаться так близко от Армагеддона — всего какие-то семьдесят миль — и не облететь этот район? Да, это было безумием, и он сам это осознавал. Он мог попасть в самую гущу воздушно-го движения. Но возможность увидеть с воздуха то, о чем он слышал, читал и молился, влекла его неотвратно. И если в результате он рухнет в бездну, как плот с водопада, то все равно стоило рискнуть.

— Кэмерон, смотри, — сказал Цион. — Посмотри на людей без клейма! Они гордо ходят по улицам, улыбаются друг другу, словно бросают вызов МС!

Нигде, разумеется, не было видно ни единого миротворца или блюстителя нравственности. Но война витала в воздухе. Несмотря на всю браваду убежденных иудаистов на Храмовой горе, было понятно, что это место пропитано ужасом. Эти люди знали, где сейчас эмэсовцы, и понимали, что вскоре они сами станут мишенью для Карпати.

— Старики молятся у Стены, — сказал Цион. — Молятся истово и открыто, как не имели возможности уже давно. Мое сердце просто разрывается от боли за них. Молодые разговаривают, строят планы. Ищут оружие. Они намерены защищать город. Как и я.

— Но город падет, Цион, — сказал Бизон. — Ты сам это говорил.

— Только на время, и чем большему количеству людей мы спасем жизнь, тем больше их войдет в Царство Божие. И больше ничего меня не волнует.

* * *

Мак до сих пор не мог понять, что делать с Отто Везером. Он был хорошим человеком, в этом никто не сомневался, но — любителем. Может, у себя в Германии он и был успешным лесоторговцем, но Мак ни в коем случае не хотел бы иметь такого командира в час сражения.

— Но разве вы не видите, мистер МакКаллам, — говорил Отто, — если мы окажемся заранее на дворцовой летной полосе, когда придет знак свыше, мы будем гораздо лучше готовы к быстрой эвакуации людей?

— А если мы никогда не увидим этого знамения или люди не смогут добраться до полосы? И вот, будем там торчать, когда город вокруг нас начнет рушиться!

— Но разве мы, как верующие, не будем защищены?

— Да вы головой подумайте! Если бы верующие были защищены, с чего бы Господу призывать Свой народ покинуть это место перед тем, как Он сровняет его с землей?

— Не хочу я больше ждать, Кэмерон. Я иду к Стене и просто начну проповедь.

— Но если...

— Больше нет времени думать про всякие «если», — сказал Цион. — Мы здесь ради определенной цели, и я намерен сделать то, что сказал. Ты будешь меня прикрывать? Или ты идешь со мной? Ну?

— Я пойду с вами. Никто и не посмотрит в мою сторону, как вы только рот откроете.

Цион надел ермолку и еще одну протянул Бизону.

— Незачем подвергать себя опасности быть побитым камнями из-за технических формальностей, — сказал Цион. — Мы идем в святое место.

Они затолкали свои сумки в пространство между стволом дерева и черной кованой чугунной оградой. В свободной форме, с «узи» на боку, они выбрались из кустов и побежали к Стене.

— Эй, старик, даю две сотни ников за пушку!

— Даю три! — крикнул кто-то другой.

— Это оружие не продается! — рявкнул Цион. — Идите и послушайте, что я скажу вам!

Окрестности Стены Плача были забиты людьми в традиционных одеяниях, которые жаждали запихнуть бумажку с молитвами в щель между камнями. Многие начали молиться еще до того, как смогли подойти к

Стене. Вчера тут не было бы ни души. И любой, кого взяли бы в религиозном одеянии, даже с клеймом Карпати, был бы немедленно отправлен в концлагерь или казнен.

Как только Бизон с Ционом начали протискиваться к Стене, люди стали глядеть на них со злобой и ворчать. Но Циона это не останавливало. Он громко возглашал:

— Люди Израиля, слушайте меня! Я один из вас! Я пришел с вестью!

Понятно было, что люди ждали вести о неминуемой атаке, и потому сразу же начали собираться вокруг. Цион вскарабкался на небольшой уступ, где его можно было бы лучше видно и слышно.

— Мы будем стоять насмерть! — крикнул кто-то.

— Я это знаю, и я тоже буду биться до конца! — сказал Цион. — Вы видите — моя голова покрыта, и нет клейма ни на моем лбу, ни на моей руке.

Люди радостно закричали.

— Многие из нас погибнут в битве, — продолжал Цион. — Я готов отдать жизнь за Иерусалим!

— Мы тоже! — послышался единогласный ответ.

— Нам нужно оружие!

— Нам нужна информация!

— Вам нужен Мессия! — громогласно вскричал Цион.

Люди ответили радостными криками, кто-то засмеялся. Остальные зашептались. Они явно не это ожидали услышать.

— Многие из вас меня знают! Я Цион Бен-Иегуда. Я стал персоной нон грата, когда открыто рассказал по телевидению о том, что обнаружил в ходе порученных мне исследований пророчеств, касающихся Мессии.

Многие вспомнили его и зааплодировали. Хотя они явно не были согласны с его выводами, иначе давно уверовали бы, все равно они восхищались им.

— Моя семья была вырезана. Я был изгнан. За мою голову назначена награда.

— Тогда почему ты здесь? Разве ты не знаешь, что дьяволы из Мирового Сообщества возвращаются?

— Я не боюсь их, поскольку грядет и Мессия! И не усмехайтесь! Не отворачивайтесь! — Многие послушались его. — Прислушайтесь к собственному Писанию. Как вы думаете, что это значит? — Он зачитал стихи с 8-го по 10-й из 12-й главы Книги Захарии. — «В тот день защищать будет Господь жителей Иерусалима, и самый слабый между ними в тот день будет как Давид, а дом Давида будет как Бог, как Ангел Господень перед ними. И будет в тот день, Я истреблю все народы, нападающие на Иерусалим. А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце».

— Это ты скажи нам, что это значит!

— Господь говорит, что сделает слабейших из нас могучими, как Давид. И что он уничтожит народы, которые поднимутся

против нас. Други мои дорогие, это все народы Земли!

— Мы знаем, Карпати из этого тайны не делает!

— Но Господь говорит, что в конце концов мы увидим «Того, которого пронзили», и мы будем оплакивать его как первенца! Мессия был пронзен! И Господь говорит о Нем, как о Себе!

Возлюбленные мои, мои кропотливые исследования сотен пророчеств о Мессии привели меня к единственному логическому выводу. Мессия родился от девственницы в Вифлееме. Он жил без греха. Он был ложно обвинен. Он был убит невинно. Он умер и был погребен и воскрес на третий день. Все эти пророчества указывают на Иисуса из Назарета как на Мессию. Это Он придет сражаться за Израиль. Это Он отомстит за все неправды, которые вершились над нами в течение многих веков.

Время истекает. День спасения близок. У вас нет времени изучать все это самими. Мессия — это обещание Господне нам. Иисус есть исполнение этих обещаний. Он грядет. Пусть найдет вас готовыми!

Вертолет Рэйфорда был не единственным воздушным судном над равниной Мегиддо. Ему оставалось только маневрировать в

плотном потоке, но отвести взгляд от земли было невероятно трудно. Он поднялся на высоту, откуда мог видеть всю долину размером 14 на 25 миль, то есть площадью около 350 квадратных миль.

От входивших в этот район танков, грузовиков, джипов и пехоты пыль поднималась как минимум на милю. Рэйфорд никогда не видел сразу столько народу в одном месте. Казалось, что многомиллионная армия размещается на огромном плацдарме. Отсюда он видел и оживленный порт Хайфы, гавань которой заполняли огромные корабли, разворачиваясь веером по акватории в ожидании своей очереди, чтобы изрыгнуть оружие или войска.

Со всех сторон в район стекались войска и боеприпасы. Их было столько, что казалось, больше просто не бывает. И все же армии продолжали собираться.

* * *

Поначалу Бизон боялся, что Цион просто оскорбит правоверную иудейскую толпу. Многие пытались перекричать его, многие уходили, но остальные старались заставить крикунов утихнуть, а еще больше подзывали других людей, чтобы те послушали его. Толпа все росла, несмотря на шум и смятение.

От Циона исходила сила. Он начал цитировать Писание и объяснять его, не дожидаясь реакции толпы. Теперь это уже был не

диалог, а монолог, и все равно люди не могли оторвать от него взгляда.

— Да, армии мира идут на нас. Прямо сейчас, пока мы с вами говорим, они собираются на севере. Они хотят уничтожить Иерусалим и истребить нас. Но я молю вас: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»¹. Да-да, вы знаете, о ком я говорю. Мессия грядет! Мессия победит! Будьте готовы к Его приходу!

Если вы хотите знать, как подготовиться к встрече Его, встаньте слева от меня, и мой спутник расскажет вам. Прошу вас! Придите прямо сейчас! Не откладывайте! Сегодня день назначенный, день спасения!

Бизон оцепенел. Он не был к этому готов, но вокруг уже столпились евреи, и они ждали. Он молча взмолился к Господу — и нашел слова.

— Когда евреи — такие ж люди, как и вы, — уверуют, что Иисус и есть ваш долгожданный Мессия, — сказал он, — вы не отвратитесь от одной религии и не обратитесь к другой, что бы вам ни говорили. Вы просто обретаете своего Мессию, вот и все. Можно было бы сказать, что вы становитесь совершенны. Все, что вы учили, все, что вам говорили всю вашу жизнь, — лишь основа для вашего принятия Мессии и того, что Он для вас сделал.

Бизон перешел к рассказу о пути к спасению, растолковывая этим голодным и мучи-

¹ Евангелие от Матфея, 10:28.

мым жаждой людям, что надо просто сказать Господу — да, мы признаем, что Иисус есть Мессия.

— Он грядет не только затем, чтобы отомстить за Иерусалим, но и ради спасения ваших душ, ради прощения ваших грехов, чтобы даровать вам жизнь вечную с Господом.

— Наоми! — крикнул Чань. — Иди-ка посмотри!

Она подошла к нему как раз в тот момент, когда Карпати давал интервью Си-эн-эн Мирового Сообщества. Понятно было, что Армагеддон еще не грянул, но потентат уже восседал верхом на огромном черном жеребце и размахивал мечом таким широким и длинным, что от одного его веса человек поменьше вылетел бы из седла. На нем были сапоги до середины бедра и кожаный комбинезон, и он постоянно ухмылялся.

— Мы до зубов вооружены по последнему слову технологии, и мощь наша несравненна, — кричал он репортерше, которая из всех сил тянула микрофон к нему вверх. — Я много месяцев посвятил разработке стратегического плана, и он безупречен! Теперь я могу вдохновлять войска личным примером, перелетая от одного места дислокации к другому. Верхом на вороном коне я станов-

люсь зримым напоминанием того, что победа недалеко и скоро она будет у нас в руках.

Ждать недолго, мои братья и сестры по Мировому Сообществу, мы воцаримся как победители! Я вернусь и восстановлю свой престол как владыка-победитель. Мир наконец-то станет един! Можно заранее возрадоваться!

По мере того как распространялось известие о том, что сам Цион Бен-Иегуда проповедует евреям у Стены Плача, туда стало стекаться все больше народу.

— Писание рассказывает нам о тех событиях, что скоро произойдут! — говорил он. — Вслушайтесь еще раз в слова Петра: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»¹.

¹ Второе Соборное послание апостола Петра, 3:10—14.

Вот оно, обещанное нам! Вот чего мы ждем! Сколько поколений мы молились о мире? Скоро, после битвы, к нам придет вечный мир!

Мессия вернется как Царь Царей. Он обещал вернуться, победить сатану и установить тысячелетнее царство, возродить Израиль и сделать Иерусалим столицей навечно!

Поскольку около миллиарда последователей Мессии уже покинули эту землю, а после исчезновений, произошедших семь лет назад и предсказанных две тысячи лет до того, многие евреи и неевреи обратились к Иисусу Христу как к истинному Мессии.

Наш собственный пророк Иоиль предсказал эти дни. Слушайте слова Священного Писания: «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего. И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь»¹.

Вы и есть эти остальные, народ Израиля. Обратитесь ныне к Мессии! Слушайте же дальнейшее пророчество Иоиля и сами

¹ Книга Иоиля, 2:28—32.

посмотрите, не описывает ли оно нам день нынешний: «Ибо вот, в те дни и в то самое время, когда Я возвращу плен Иуды и Иерусалима, Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами и землю Мою разделили»¹.

Это огромное всемирное войско, которое враг, князь мира сего, называет Объединенной армией Мирового сообщества, двинется со своего плацдарма и пройдет по той самой долине Иосафат, о которой пишет Иоиль, и, когда они увидят, что не смогут повергнуть город-убежище, битва снова выплеснется в эту долину.

Рэйфорду пришлось повернуть обратно. Он ничего не мог сделать, находясь в воздухе над армией Антихриста. Он понимал, что именно отсюда двинется огромное войско, разделившись на две и одну треть, а потом воспоследует неминуемый марш-бросок на Петру.

Он полагал, что до того, как вступить в бой, в лучшем случае им придется идти почти целый день. Однако две трети армии, брошенные на Иерусалим, вступят в сражение уже через несколько часов.

¹ Книга Иоиль 3:1—2.

* * *

Бизон отвечал на вопросы, молился вместе с людьми, все время пытаюсь по ходу дела слушать Циона, у которого словно бы второе дыхание открылось.

— День Господень грядет, — говорил он. — И чтобы среди вас не осталось сомневающихся, позвольте мне рассказать вам, что говорят пророчества о том, что произойдет после того, как армии мира соберутся у Армагеддона — что, как мы знаем, как раз сейчас и происходит. Многие ли из вас знают, сколько миротворцев и блюстителей нравственности были созваны сюда? Вижу, многие знают. У нас нет иллюзий. Они собираются, чтобы уничтожить нас.

И все же в Писании говорится, что, когда они соберутся здесь, настанет время седьмому ангелу вылить свою чашу. Знаете, что это значит, люди Израиля? Высыхание Евфрата было судом шестой чаши, двенадцатым из судов Господних с момента Восхищений.

Суд седьмой чаши будет последним, и знаете, что случится потом? Когда эта чаша будет вылита, то, как говорится в Библии, «из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!». Почти то же самое изрек беспорочный Агнец Божий, умирая на кресте: «Свершилось».

«И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не

бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!»¹

Позвольте предостеречь вас, соотечественники. Это землетрясение охватит весь мир. Подумайте об этом! Библия говорит: «И всякий остров убежал, и гор не стало»². Гор не стало! Вся суша земного шара сравняется с уровнем моря! Кто сумеет пережить такую катастрофу?

Пророчество говорит, что потом «и град, величиною в талант, пал с неба на людей»³. Возлюбленные мои, талант — это где-то сто семьдесят пять фунтов! Кто когда слышал о таком граде? Градины будут убивать на смерть мужчин и женщин! И Писание говорит о том, что люди будут хулить Господа, поскольку «язва от него была весьма тяжкая». Что же, я вам скажу — так оно и будет! Обратитесь и расскажите не откладывая! Встаньте в ряды воинства Божьего, а не армии врага!

Знаете ли вы, что случится здесь, прямо здесь, в Иерусалиме? Он останется единственным в мире городом, который не пострадает от страшного, невиданного доныне человеком землетрясения. Библия говорит: «И город великий распался на три части» — это Иерусалим — «и города языческие пали»⁴.

А это, братья мои, добрая весть. Иерусалим станет еще прекраснее, еще славнее!

¹ Откровение, 16:18.

² Откровение, 16:20.

³ Откровение, 16:21.

⁴ Откровение, 16:19.

Он будет подготовлен к его роли — роли новой столицы тысячелетнего царства Мессии.

Толпа на Храмовой горе все росла по мере того, как расходились вести о проповеди Циона. Сотни — а вскоре и тысячи людей — рыдали в голос, падали на колени, раскаивались перед Богом, провозглашая Иисуса Христа Мессией и предавая себя в руки Царя Царей.

Бизон страшно устал, но продолжал помогать Циону. Он был изумлен тем, сколько людей, в плоть и кровь которых с детства вошла их национальная древняя религия, в конце концов поняли, что Иисус Христос соответствует всем ветхозаветным пророчествам о грядущем Мессии.

Цион продолжал громогласно возглашать:

— Как мы узнаем, когда начнется? Всему этому будет предшествовать разрушение Вавилона. Да, разрушение Вавилона! Слушайте: «И Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его»¹.

Ужасно! Это сбудет страшно! Этот нечестивый город слишком долго испытывал терпение и милосердие Господа, и Он не удержит Свой гнев. И проклятия тьмы недостаточно для Господнего гнева. Он допустит, чтобы город этот был сокрушен, разорен и разрушен всего за час. Так велика будет беда, которая постигнет его, что эхо ее услышит весь мир и все народы будут оплакивать гибель великой столицы мира.

¹ Откровение, 16:19.

* * *

Зная, что время быстро истекает, и помня обещание Бизона Кенни, Рэйфорд передал по радио в Петру, чтобы Абдулла принес мальчика к вертолетной площадке. Он немного поката-
л его на вертолете — просто поднялся и опу-
стился, что Кенни всегда очень нравилось.

Рэйфорд был рад, что мальчик не спра-
шивает о собранных наспех отрядах, кото-
рые Джордж и Колючка размещали по пе-
риметру вокруг скального города. Из того,
что Рэйфорд видел к северу от Иерусалима,
было понятно, что несколько тысяч солдат
Петры не имеют ни единого шанса выстоять
против такого чудовищного перевеса.

Пару часов Рэйфорд провел с Кенни, за-
тем пошел проводить Джорджа и его боевой
отряд.

* * *

— Мак, быстрее, — сказал Отто. — Я по-
лучил сообщение от коллеги по двусторон-
ней связи, но она почти не может говорить.

Когда Мак прибежал к жилищу Отто, он
услышал, как женщина пытается переска-
зать то, что случилось.

— Не знаю, сколько у нас осталось вре-
мени, — говорила она, задыхаясь, — но пора
уходить.

— Откуда вы знаете? — спросил Мак.

— От ангела, — ответила она.

— Вы уверены?

— Светлый, белый, сияющий, большой, очень большой. Это был мужчина, по крайней мере, вот этот конкретно был мужчина. Он был настолько светел, что рассеивалась даже тьма этого города. Было так светло, как будто тут по-прежнему бывает полдень.

— И что он сказал?

— Он говорил так громко, что все его слышали. Никогда ни слова не забуду. Он сказал: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее»¹.

— Двигаемся, мэм. Соберите всех на взлетной полосе, и если услышите еще о каких-то группах верующих — их тоже ведите сюда.

— Это не все, сэр.

— То есть?

— Я услышала еще один голос с неба. Он сказал: «Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ее»².

¹ Откровение 18:2—3.

² Откровение 18:4—5.

* * *

— У меня едва хватает людей, чтобы окружить это место, — сказал Себастиан.

Рэйфорд старался не смотреть Джорджу в глаза.

— Я не знаю, что сказать. Насколько понимаю, от нас и не ожидается, что мы удержимся.

— Но я не хочу, чтобы мои люди пострадали, капитан. Я бы лучше расставил бойцов на высотах, и мы бы хоть кого-нибудь да уделали.

— Посмотри на дело вот под каким углом, Джордж. Именно сюда и должен в первую очередь прийти Иисус. И мы можем оказаться среди первых, кто станет свидетелем Его Явления во Славе.

— Вы расскажите это боевому отряду, который враги превышают в соотношении тысяча к одному. Они могут оказаться на небесах прежде, чем Иисус сюда спустится.

* * *

Мак понятия не имел, чего ему ожидать в Новом Вавилоне, так что в последний момент приказал также и Лайонелу подогнать большой самолет. Он прикинул, что вдвоем они смогут эвакуировать человек двести.

Когда они приземлились возле дворца, они застали там совершенно невероятную картину. Тьма ушла, но бедняги, оставшиеся в границах города, просто не знали, что с этим делать. Они пробыли во тьме и страданиях так долго, что были совершенно сбиты с толку и никак не могли прийти в себя. Большинство людей по-прежнему слонялось вокруг, спотыкаясь и налетая на углы.

Но зато самолетов ожидали более полутора сотен верующих, которые встретили их прилет радостными криками. В сумках и коробках они несли свои пожитки. Они жаждали взобраться на борт, потому процесс пошел быстро и легко. Мак и Лайонел загрузили самолеты, развернулись и начали разгон именно в тот момент, когда в город ворвались две армии.

Прежде чем Мак успел выйти из воздушного пространства Нового Вавилона, в небеса поднялся черный дым. Мак где-то с час кружил над районом вместе с Лайонелом, а их пассажиры наблюдали за тотальным уничтожением великого города. В течение шестидесяти минут все здания города были сровнены с землей, и Мак понял, что все жители перебиты. Когда таинственные армии, вторгнувшиеся с севера и северо-запада, ушли, весь мегаполис полыхал. К тому времени, как Мак развернулся в направлении Петры, от Нового Вавилона остался только прах и пепел.

* * *

Чань в смятении смотрел репортаж Си-эн-эн МС о беспорядках в рядах Объединенной армии Мирового Сообщества. Силы Карпати, похоже, были вынуждены атаковать те национальные контингенты, которые, получив вооружение из Аль-Хиллы, просто опьянели от сознания собственной силы. Большинство союзников Николае объединились, чтобы раздавить сопротивление, и когда они собрались у Армагеддона, уже все они в результате внушения демонов Карпати или событий войны были готовы вместе выступить против Бога.

Армия разраслась настолько, что выплеснулась за пределы долины Мегиддо и потекла на север, юг, запад и восток, мимо Иерусалима в направлении Эдома. По некоторым оценкам, в ее состав входила невообразимая конная армия численностью более двухсот тысяч всадников. Съемки с борта самолета Си-эн-эн МС могли показать не более миллиона или около того солдат одновременно, но такие снимки передавали десятками.

Чань почувствовал, что часть населения Петры охватила паника. Смотревшие новости люди просто не могли представить, как можно выстоять против такой чудовищной массы врагов. Те, кто не смотрел новости, слышали их от других, и весть быстро распространилась по всему лагерю. Многие

бросились на высоты, откуда было видно тучи пыли и темные массы медленно надвигающихся по пустыне людей, животных и боевых машин.

Хаим воспользовался этой возможностью, чтобы собрать людей вместе, прямо перед вечерней манной.

— Дорогие мои люди. Братья и сестры мои во Христе! Не падайте духом. Не бойтесь. Я слышал потрясающие вести из Иерусалима, где брат наш Цион с великой отвагой проповедует Евангелие Господне с большим успехом, о чем с радостью вам и сообщаю.

Всего десять минут назад я разговаривал с очень усталым, но все еще очень занятым Кэмероном Уильямсом. Он говорит, что тысячи людей раскаялись в грехах своих и обратились к Христу, признав Иисуса из Назарета Мессией. Слава Вседержителю, Творцу неба и земли!

Люди в воодушевлении радостно кричали, плакали и воздевали к небу руки.

— Мы все знаем, — сказал Хаим, — что теперь должно случиться. Новый Вавилон пал, он был полностью уничтожен в течение часа согласно пророчеству. Теперь в нашем пророческом календаре осталось всего два события, друзья мои. И первое?..

— Суд седьмой чаши! — кричали ему в ответ люди.

— И последнее, хвала Господу?

— Явление во Славе!

— Мы служим великому Господу Авраама, Исаака и Иакова, — завершил Хаим. —

Избавителю Седраха, Мисаха и Авденаго. Мы пережили пламена Антихриста, мы были избавлены от сетей охотника. Не страшитесь. Стойте крепко и узрите спасение Господне, которое он совершит над вами. Ибо враг, которого вы увидите сегодня, вскоре исчезнет навсегда. Господь будет сражаться за вас, и мир пребудет с вами.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В Иерусалиме стемнело, но Храмовая гора по-прежнему кишела народом. Бизон подумал, что у Циона усталый и измученный вид, потому он отошел и направился туда, где они спрятали сумки, чтобы принести какой-нибудь еды. Но сумки исчезли. Он быстро вернулся туда, где проповедовал Цион, но теперь уже у него самого голова кружилась от голода.

— Мне нужно чем-нибудь накормить рабби! — крикнул он.

— Я в порядке! — ответил Цион и продолжил свою речь.

— Кто-нибудь, помогите, пожалуйста. Что-нибудь перекусить. Хлеб, яблоко.

— Пять хлебов и пару рыбок? — предложил кто-то, и все засмеялись.

Пожилой человек бросил Бизону яблоко. Другие передали ему каравай, теплый и с хру-

стящей корочкой. Кто-то пожертвовал кусок сыра. Еще кто-то дал пару апельсинов.

— Помогите мне убедить этого упрямца прерваться и перекусить! — сказал Бизон, и люди стали упрашивать Циона хотя бы присесть. Он послушался.

Теперь Цион скорее разъяснял, чем проповедовал, жуя и глотая еду в перерывах между ответами на вопросы.

— Я и не знал, что так проголодался, — говорил он. Он посмотрел на Бизона. — Я благодарен тебе, друг мой. — Кто-то передал ему бутылку с водой, и он сделал глубокий глоток.

Внезапно кто-то поднял вверх обе руки, требуя внимания, и толпа замолчала. В воздухе ясно слышался гул приближающейся армии. Бизон ощутил дрожь земли всем своим телом.

— Надо найти для рабби укрытие, — сказал кто-то. — Потом встретимся здесь.

Цион начал было протестовать, но слушатели стали большими группами расходиться, так что они с Бизоном последовали их примеру. Их отвели в массивное каменное строение, которое могло легко вместить тысячу человек. Около половины этого количества столпилось перед входом.

— Что нам делать, когда враг придет? — спросил кто-то. — Против нас врагов больше, чем против Гедеона.

— Мы сделаем то, что сможем, — ответил Цион. — Если вы хоть чуточку поняли, что я пытаюсь сделать сегодня. Я хочу увлечь в

Царство Мессии как можно больше моих сородичей-евреев прежде, чем все будет кончено. И потому я хочу, чтобы как можно больше возможных кандидатов осталось в живых. Если вы согласны с моей миссией, то идите прямо в город и призывайте как можно больше людей присоединиться к нам. Враг начнет захватывать Иерусалим и уводить людей в плен, но я уверен, что главная его цель — Старый город. Ничто так не будет льстить гордыне Карпати, как мысль, что он может ворваться в этот священный город и устроить тут свою штаб-квартиру!

Если он начнет атаку до того, как вы вернетесь, унесите в сердце все, что вы тут узнали, и расскажите всем, кого знаете. Им не нужно возвращаться сюда, чтобы вознести молитву верности и войти в Царствие Мессии.

Кто-то выкрикнул:

— Лучше бы они вернулись сюда уже приняв решение и с оружием в руках!

— Это да, — ответил Цион.

* * *

Как зачастую бывало, когда Кенни проводил ночь у Рэйфорда, мальчика почти невозможно было заставить заснуть, если только он не укладывался головой на грудь дедушки. Рэйфорд осторожно улегся на маленькую раскладушку, предназначенную для ребенка, и протянул к нему руки. Кенни забрался

на раскладушку и пристроил головку прямо под подбородком Рэйфорда.

Рэйфорд боролся с усталостью, не желая засыпать, пока Кенни задавал вопросы, пел, молился.

— Мама на небесах, — сказал Кенни.

— Это верно. И нам не хватает ее, правда?

— Мне грустно.

— И мне тоже.

— Скоро мы ее увидим.

— Очень-очень скоро, Кенни. — Рэйфорд знал, что Бизон показывал ему календарь.

— Завтра?

— Возможно. Или через день. Через несколько дней.

— Деда, а где небеса?

— Там, где Бог.

— А Бог с мамой?

— Да.

— А Иисус?

— И Иисус тоже.

— Я хочу, чтобы они пришли сюда.

— Уже скоро.

Рэйфорд договорился с Присциллой Себастиан, что она придет за Кенни перед рассветом, когда Рэйфорд должен будет уйти, чтобы присоединиться к войскам, защищающим периметр.

Вскоре Кенни перестал болтать и шевелиться, и его дыхание стало глубоким и ровным. Рэйфорд помолился за него и подождал еще несколько минут прежде, чем тихонько выбраться из-под него.

Через несколько минут Рэйфорд лег на собственную койку у противоположной стены комнаты и стал смотреть на мальчика. Как бы радовалась Ирэн своему внуку! Если бы Кенни родился в другое время, через год он пошел бы в школу. Интересно, подумал Рэйфорд, какое образование будет в тысячетлетнем царстве?

Ему еще было любопытно, как все будет устроено в тысячетлетнем царстве. Будут ли они с Бизоном и Кенни стареть, в то время как Ирэн, Рэйми и Хлоя останутся в том же возрасте, в котором они попали на небеса? А как быть с Амандой? Он боялся, что будет неловко чувствовать себя при встрече с женой, но какое все это имеет значение, если с ними рядом будет Иисус?

У Рэйфорда так давно не было передышки, что он даже не позволял себе роскоши предаваться этим мечтам. Каково это — увидеть Явление во Славе и действительно оказаться рядом с Христом? Сейчас Рэйфорда испытывал эмоции куда более сильные, чем в молодые годы, и часто от мыслей о переменах, которые случились в нем благодаря Христу, у него перехватывало дыхание.

Представить себе, что безгрешный Сын Божий заботится о нем настолько сильно, что умер за его грехи... Рэйфорд до сих пор с трудом это понимал. И возможность поблагодарить Его, поклониться Ему, Ему Самому... Тысяча лет. Затем вечность. Он даже и не пытался себе представить, на что могут быть похожи небеса.

В предрассветный час в Иерусалиме Бизона и Циона взял к себе на постой пожилой человек по имени Шивте. У него было двое сыновей сорока с небольшим лет. Все они были плотными крепкими людьми с негромким голосом.

Как только жена Шивте отворила дверь на стук мужа, она сразу же побледнела и чуть не упала в обморок.

— Хвала Господу! Хвала Господу! — воскликнула она. — Вы же Цيون Бен-Иегуда! А у вас... — добавила она, глянув сначала на мужа, затем на своих сыновей. — У вас печать Божья на лбу! Вы, наконец, можете видеть мою?

Они заулыбались и закивали, по очереди обнимая ее.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказал Цيون. — Наши пожитки исчезли, и провизии про запас у нас не осталось.

— У нас тоже нет провизии про запас, — сказала им жена Шивте. — Но есть одеяла и кое-что поесть на сегодня.

— Господь воздаст вам, — сказал Цيون.

— Уже воздал, — сказала женщина. — Увидеть вместе с моими мужчинами вас под крышей моего дома — уже довольно для меня. Смиренно предлагаю свой кров слугам Божиим.

— Расскажите, как вы пришли к Мессии, сударыня, — сказал Цيون.

Она грузно села.

— Это все Михей, — ответила она, и Цион с Бизоном переглянулись. — Я долго тянула с клеймом Карпати. Мне не хотелось его. Мои мужчины тоже не хотели. Они собирались скрываться днем, чтобы нас не заметили эмэсовцы. Но я понимала, что кому-то из нас все-таки придется принять клеймо, чтобы иметь право покупать и продавать, чтобы как-то выживать. Я была готова пожертвовать собой, но меня тошнило от одной мысли о том, чтобы поклоняться тому идолу. Простите меня.

— Продолжайте, прошу вас.

— Я была на Храмовой горе. Я была намерена пройти через эту процедуру, хотя в душе и верила лишь в одного и единственного Бога. Я просто не знала, что еще делать. Я боялась за свою бессмертную душу, но верила, что жертвую жизнью ради семьи, и более благородного деяния придумать не могла. Тогда я просто не понимала, что продала бы душу врагу. Такого не стоят даже эти люди.

Ее муж и сыновья улыбались.

— В тот день я встала в очередь, рабби, в буквальном смысле встала в очередь. Я не знала, сколько еще человек передо мной. Но я заметила какое-то движение и выскользнула из очереди. Я смотрела из задних рядов толпы. Я увидела, что пули не берут этого человека Божьего. И я сбежала домой, и мои мужчины не дадут соврать — они издевались надо мной. Они ведь одобряли мой план, чтобы один из нас — я — принял клеймо, чтобы

остальные могли прокормиться. И что нам теперь было делать?

Я сказала, что они могут выходить по ночам на поиски пропитания, но я сама собиралась узнать побольше об этом человеке Божиим. У одной из моих младших подруг был компьютер, и мы нашли ваш сайт в Интернете. Вот так я и поверила, что Иисус и есть Мессия. Так я стала изгоем в собственном доме. Мои мужчины были достаточно глубоко верующими иудайтами, чтобы сопротивляться Карпати, но принять Мессию они не были готовы.

Я пыталась их убедить, молилась, умоляла, и, наконец, мы сошлись на том, что перестанем говорить об этом. Довольно, сказали они, да и мне в любом случае с лихвой уже хватало их отказов и насмешек. Но я могла молиться за них. А Господь отвечает на молитвы. И вот вы, вот они, и на лбу у них печать Господа!

Рэйфорд спал тревожным сном. Его мучило желание связаться с Бизоном. Он на цыпочках прошел в соседнюю комнату, чтобы не разбудить Кенни, и позвонил. Спросив о том, как Кенни, Бизон сообщил ему новости.

— Замечательно, — сказал Рэйфорд. — А что сейчас Цион говорит о хронометраже событий?

— Он ожидает атаки перед рассветом. Возможно, так оно и будет.

— У нас тоже все как бы по графику, Бизон, но здесь война безнадежно проиграна.

— Вы хотите сказать, временно?

— Конечно. Но я просто не знаю, что сказать, когда вижу, как люди готовятся рисковать своей бесценной жизнью, когда могут просто оставаться внутри и...

— И ждать Иисуса?

— Именно так.

— Как бы не так, отец. Кому охота сидеть без дела? Я бы тоже хотел, чтобы Он застал меня за работой. А вы?

— Я понимаю, но видел бы ты отряд, который прикрывает периметр. Пара тысяч человек, не более того. Ну, Отто и его люди, никто из них никогда с оружием не имел дела. Ри, Минь, Лайонел, Ханна, Зик. Солдатами в полном смысле слова их не назовешь. Конечно, Мак и Смитти. Они способны постоять за себя, насчет Колючки и Джорджа вообще вопросов нет. Разве что Джордж попытается геройствовать. Он же военный до мозга костей, Бизон, ты бы посмотрел на него, как он пытается что-то сделать с тем, что у нас есть. Посмотришь на него — и прямо верится, что его забияки обязательно одержат победу, но как только он вспоминает, как мало у него людей, у него просто взгляд стекленеет.

— У вас же есть лучевики и пятидесятикалибровые стволы?

— Да, но что они против ядерного оружия?

— Все же нанесут какой-то урон. Просто продержитесь, пока небесная кавалерия не явится на помощь.

— Что?

— Думайте о грядущем дне. Иисус придет с небес верхом на коне. В буквальном смысле, так Цион говорит. С ним — десять тысяч святых. Небесное воинство.

— Слишком долго придется держаться.

— Эй, Рэйфорд!

— Да.

— Мы слышим приближение армий. А вы?

— На пути к нам — нет. Может, услышим, когда подойдут поближе. Их, однако, легко видно с высот. Очень зловещее зрелище. Я бы уже думал, как унести отсюда ноги, если бы не знал, что будет дальше.

— Словно бы смотришь запись бейсбольного матча, заранее зная счет? Верно?

— Похоже, — ответил Рэйфорд. — Такое сравнение только ты способен выдумать.

— Спасибо.

* * *

Чань не мог спать. Потому он пошел в тех-центр и сел за свой компьютер. Было около четырех утра. Рассеянно просматривая передачи Си-эн-эн МС из Хайфы, он услышал репортаж о развертывании войск.

— Верховный потентат Николае Карпати не делает тайны из своей стратегии, — ве-

щал репортер. — Похоже на то, что он желает, чтобы враги как можно скорее узнали о том, что их ждет. Я беседовал с ним прошлым вечером в его бункере, неподалеку от моря Галилейского.

— Понимаете ли, — говорил Карпати, — мы настолько превосходим их в живой силе, огневой мощи и технологии, что нам все равно, с чем мы столкнемся. Я не скрываю, что мы нацеливаемся на решение двух основных задач, которые ведут к одной цели. Мы хотим окружить город Иерусалим, где осталось большинство уцелевших евреев. И мы намерены раз и навсегда уничтожить Петру, где, словно испуганные дети, спрятался «остаток», как они сами называют этих людей.

Они знают, что мы идем, они увидят наше приближение, и вряд ли они что-то смогут нам противопоставить.

— Вы не ожидаете потерь?

— О, потери бывают всегда, — фыркнул Карпати. — Но мои люди считают честью отдать жизни ради меня и Мирового Сообщества. Я позабочусь о том, чтобы они были как следует вознаграждены. Конечно, есть вероятность, что с нашей стороны не погибнет и не будет ранен ни один человек. Это в случае, если враг поймет, что происходит, и осознает, что надежды нет никакой. Разумнее всего будет безоговорочная капитуляция, и, конечно же, я приму ее и дам им максимальную возможность сохранить лицо.

— Серьезно? И какие же обещания вы выдвинете в этом случае?

Карпати буквально взорвался хохотом и не смог дать ответа.

* * *

Рэйфорд встал, оделся и вооружился еще до рассвета. Он открыл дверь прежде, чем Присцилла успела постучать.

— Я останусь с ним, пока он не проснется, Рэйфорд. Все в порядке.

— Отлично. Спасибо, Присс. Будь как дома.

— Э, Рэй? Вы постараетесь, чтобы мой муж вернулся вечером домой, а?

— Насколько это будет зависеть от меня.

— Звучит не слишком убедительно.

— Как я понимаю, вопрос был задан серьезный. И серьезный ответ на серьезный вопрос таков — гарантий никаких. Я надеюсь, он позаботится о том, чтобы я вернулся домой.

— Он чувствует себя обязанным каждому, — сказала Присцилла, садясь.

Рэйфорд остановился у открытой двери.

— Такова цена лидерства. Он сам вызвался быть командиром.

— Словно у него был выбор.

— Это не моя инициатива, Присцилла.

— Да нет, я просто...

— Я знаю. Иногда, правда, мне кажется, что, если человек вроде меня пытается приглядывать за парнем, который знает, что

делать, он просто мешает ему. Ты, конечно, понимаешь, что даже если...

— Не говорите этого, Рэйфорд. Слишком много жен пытаются успокоить себя тем, что их мужья окажутся на небесах и через день, ну, может, через два-три вернутся назад. Не помогает.

— Но это правда.

— Я знаю. Но меня терзает не мысль о разлуке. Я думаю о том, что его ранят, что он будет страдать, что умрет тяжело.

* * *

Бизон с Ционом вместе с их хозяевами пили крепчайший и горчайший кофе, какого Бизон в жизни не пил. Снаружи было темно, хоть глаз выколи. Жена Шивте уже хлюпала носом и пыталась это скрывать.

— Кэмерон, — прошептал Цион, — я бы хотел, чтобы ты пошел с этим стариком, Шивте.

— Минуточку. Я здесь, чтобы быть твоим телохранителем, и ничьим больше.

— Сделай мне это одолжение. Я беспокоюсь за него. У него даже оружие древнее его. Сыновья уверены, что враги ворвутся с северо-запада и попытаются пройти через Дамасские ворота.

— С чего они это взяли?

— Объединенная армия, скорее всего, легко возьмет любые ворота, но Яффские воро-

та и Цитадель хорошо укреплены, и там много восставших.

— Но ведь они, — сказал Бизон, — точно так же могут попытаться взять любые ворота, и, на мой взгляд, вероятнее всего, Золотые. Ведь их главная цель — Храмовая гора, не так ли?

— Не знаю, Кэмерон. Просто сделай это ради меня, прошу тебя. Отведи старика в Цитадель. Как только устроишь его там, возвращайся и найди меня. Я буду вместе с остальными у Дамасских ворот.

Бизон скорее последовал бы своей догадке и пошел бы напрямую к Золотым воротам, но он находился здесь ради Циона, и он выполнит его просьбу. Он не знал, почему братья так подумали. Если две трети войск Карпати концентрируется вокруг Иерусалима, то им не составит большого труда овладеть крохотным Старым городом.

Как только они с Ционом и остальными тремя мужчинами вышли из дверей, они слышали стрельбу. Цион с двумя братьями поспешили на северо-запад, Бизон и Шивте на восток. Повсюду сновали повстанцы, крича о том, что им было известно. Враг был на Яффской дороге. Дамасские ворота обложены. Исторический музей Яд Ва-Шем¹, посвященный жертвам Холокоста, уничтожен. Еврейский университет, Еврейская национальная и университетская библиотека, музей Израиля пылают. На очереди Старый город.

¹ Национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма.

Тысячи людей убиты, намного больше захвачены в плен. Бизон понял, что, если слухи верны, они с Шивте окажутся, вероятно, в самом опасном месте. По сути дела, они сами загнали себя в ловушку стен Старого города.

* * *

Стратегический план Себастиана очень впечатлил Рэйфорда, хотя они оба понимали, что тактика при таком перевесе вражеских сил вообще роли не играет. Треть войск Карпати, направленных в Петру, была вооружена всевозможным оружием из арсеналов потентата. Как минимум две тысячи всадников медленно разворачивались на позиции, широко охватывая с флангов силы Себастиана и в буквальном смысле слова окружая и их, и город.

— У меня так мало лучевиков, — говорил Рэйфорду Джордж. — Если бы я знал заранее, что они начнут с этой джигитовки, я бы попросил Лайонела добыть побольше.

— А лошади-то тут при чем?

— Лошади не защищены, и всадники не могут залечь. Видите, как лениво они занимают позиции?

Рэйфорд взял полевой бинокль и посмотрел, как тысячи всадников легким галопом выезжают на позиции. Они были где-то в миле от собранных воедино сил Петры.

— Они ведут себя так, будто у них в запасе целый день.

Внезапно Джордж ожил.

— Мы дадим первый залп из этих штук, и у нас будет хотя бы временное преимущество!

— Каким образом?

— Эти кони обучены не бояться артиллерийского огня. Если мы выпустим по ним несколько пятидесятикалибровых снарядов, они, может, немного засуетятся. Может, уничтожим несколько лошадей и всадников. Но я готов поспорить, что с лучевым оружием они прежде дела не имели. Вы готовы действовать?

— Конечно.

— У меня только сотня лучевиков, но мне хватило мозгов распределить их по всем позициям по кругу. Мне нужно их расположить как можно равномернее вокруг всего города. Вы можете с этим управиться?

— Понял. Что потом?

— Прикажете всем ждать моей команды. Если мы сможем зацепить из лучевика хотя бы сотню лошадей или всадников с этого расстояния, то мы сможем вызвать давку, которая на время выведет из строя их конницу.

— Блестяще.

— Только если сработает. Дело в том, что мы должны сделать это до того, как они в точности узнают, где мы находимся. Мы сможем сразу же обратить их в бегство. Посмотрим, как им понравится, когда их преследуют по пятам.

* * *

Бизон устроил Шивте как смог внутри забитой людьми Цитадели, где решили спрятаться и более молодые, но насмерть перепуганные люди. Хотя Бизон и слышал отзвуки каких-то боевых действий на Яффской дороге, враги проигнорировали Яффские ворота именно по той причине, которую и предполагал Бизон. Затем утруждать себя больше, чем надо?

Бизон прикинул, что Дамасские ворота отсюда чуть больше чем в четверти мили, но пробиться к ним через толпу оцепеневших от страха обезумевших повстанцев было нелегко, и дорога показалась куда более длинной. И конечно, Циона с братьями нигде не было видно.

— Господи, приди быстрее!

* * *

Рэйфорд бросился к полноприводному мотовездеходу и рванул к ближайшей высоте. Примерно полчаса потребовалось на то, чтобы при помощи мотовездехода и рации равномерно распределить сотню с небольшим людей с лучевиками и скоординировать их действия.

По команде Джорджа они направят незримые лучи на врага. По существу, они прижгут мягкие ткани тела так, что боль мень-

ше чем через секунду станет невыносимой, и если всадник или лошадь не увернутся от луча, их плоть загорится.

Петру окружали несколько бригад кавалерии, так что в случае успеха результат должен был полностью ошеломить врага. План состоял в том, чтобы направлять лучи только на лошадей, чтобы те срывались с места, увлекая за собой соседних животных. Естественно, при этом лучом достанется и всадникам, особенно по ногам, что заставит их дергаться и приведет к тому же самому результату. Если же всаднику придется по корпусу, то, скорее всего, он заорет и дернет повод. И Джордж, и Рэйфорд считали, что это просто гениальный ход.

* * *

— Мусорные ворота поддаются! — крикнул кто-то. — Перебьем армию Мирового Сообщества!

Бизон молил Бога, чтобы это было неправдой. Мусорные ворота находились ближе всего к западной стене. Оттуда до Храмовой горы путь был долгий, и именно потому Бизон и предположил, что Объединенная армия выберет для штурма именно Золотые врата на восточной стороне города. Если враги прорвутся через Мусорные ворота, то смогут пробиться и через Стену Плача, чтобы добиться успеха.

Не дозвонившись до Циона по мобильному и не найдя ни его, ни братьев у Дамасских ворот, которые, видимо, некоторое время еще продержатся, Бизон бросился к Мусорным вратам, находившимся где-то в миле отсюда. По дороге он слышал страшные слухи. Если хоть чему-то из них можно было верить, то вскоре половина великого города Иерусалима будет захвачена. Но его целью было остаться в живых, пока не придут хорошие парни.

* * *

Когда Рэйфорд сообщил Джорджу, что лучевики на месте и что все ждут его команды, он вдруг понял, что до рассвета в Петре осталось менее пятнадцати минут.

— Как бы мне хотелось быть уверенным, что все мишени находятся именно там, где мне хотелось бы, прежде чем отдать приказ.

— Единственный способ это обеспечить — начать атаку стремительно, как ты и запланировал, — ответил Рэйфорд.

— Мотовездеход?

— Слишком далеко ехать. Придется огибать весь периметр.

— С вертолета?

— В точку. Если ты готов рискнуть.

— Они не поверят, что это мы, — ответил Джордж. — Кому достанет дури делать из себя такую мишень?

— Тебе.

* * *

Бизон пробежал почти половину мили и уже задыхался, когда увидел, что силы Объединенной армии наступают ему навстречу. Как же ему хотелось найти Циона и вывести его из Старого города!

Повстанцы, оглядываясь и крича, бежали мимо, спасая свои жизни. Однако Бизон заметил, что эмэсовцы не стреляют. Они шли, толкая огромный таран, который выглядел так, что Стена Плача казалась ему не помехой. И это была трагедия. Неужели после тысячи лет молитв такое священное место будет уничтожено в мгновение ока?

Внезапно все повстанцы, которые пробежали мимо Бизона, повернулись и бросились обратно. От стен эхом отдавались крики:

— Только не Стена Плача! Стена Плача! Жизни не пожалеет! Стоять насмерть!

Известие распространилось по Еврейскому кварталу и центру Старого города, и внезапно сотни стали тысячами. Бизон присоединился к вылазке. Они набрасывались на эмэсовцев, кидали камни, стреляли, сходились врукопашную. Повстанцы опрокинули тех, кто толкал таран, и развернули его в направлении Мусорных ворот.

Поскольку все больше повстанцев присоединялись хотя бы к этой кратковременной атаке, евреям удалось обратить Объединенную армию в бегство. Они толкали таран к Мусорным воротам, гнались за солдатами и,

наконец, умудрились захлопнуть ворота и подпереть их тараном изнутри. Радостный крик поднялся к небесам, а вместе с ним окрепла и уверенность повстанцев. Кто-то поставил большую группу народу стеречь ворота, а остальных отправили к Золотым и Львиным воротам.

Зачирикал телефон Бизона.

— Цион! Где вы? Я пытался дозвониться до вас!

— У меня телефон разрядился. Пришлось попросить этот. Это правда, что повстанцы отогнали армию от Мусорных ворот?

— Да! Я как раз там! Где мы встретимся?

— Знаете церковь Бичевания?

— У мусульманского квартала?

— Да, прямо к западу от него! — сказал Цион. — Спешите! Я потерял братьев.

— Ты знаешь, что в воздухе вокруг Петры у нас всегда была защита, — сказал Рэйфорд, когда они взлетели.

— Не хотел бы испытывать, так ли это, — сказал Себастиан. — Давайте просто взлетим, чтобы я мог сделать обзор на триста шестьдесят градусов и посмотреть, на месте ли еще лошади. Затем садимся.

— О нет! — воскликнул Рэйфорд. — Прямо на нас!

— Что там?

Прямо на вертолет шла ракета. Рэйфорд попытался уклониться, хотя понимал, что это бесполезно. У вертолета просто не было необходимой маневренности или скорости.

— Моя идея оказалась негодной, Джордж. Извини.

— Просто держись подальше от города, Рэй!

Рэй подумал, не сесть ли где на высотку, но если ракета была самонаводящейся, то тогда погибнут не только они двое.

Он сделал вираж и увел вертолет от линии обороны Петры, что лишь приблизило прямое столкновение с ракетой.

— Прости, Присцилла, — пробормотал Рэйфорд, закрывая глаза в ожидании удара.

* * *

Бизон не понимал, как он мог оказаться на месте встречи раньше Циона, несмотря на разницу в возрасте. Бизон понял так, что Циону до места встречи в два раза меньше идти. Он обшарил всю забитую народом церковь, но Циона так и не увидел. Вот что значит стареть.

— Врата Ирода! — крикнул кто-то, и сотни повстанцев хлынули к самым северным воротам города. В их глазах горел огонь, ибо их священному древнему городу угрожала опасность, и зрелище это было потрясающим. Наверное, и Цيون направился туда же.

Бизон просто не мог предположить ничего иного.

Ворота были всего в одной восьмой мили от церкви, но на сей раз никто не бежал. Бизона теснили со всех сторон, от стены до стены плотными рядами стояли повстанцы. Может, это к лучшему. Он уже выдохся, сердце неудержимо прыгало.

Он не мог позвонить Циону, потому что у рабби разрядился телефон. Он сумел лишь подпрыгнуть, чтобы посмотреть поверх толпы, нет ли там Циона.

Но когда он заметил Циона, ему не понравилось то место, где он его увидел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вертолет вздрогнул, но с курса не сбился.

— Я уж думал, нам конец, — сказал Рэйфорд. — Никак не могу к этому привыкнуть.

— И куда попала ракета?

— Прошла сквозь нас, как обычно.

— Ничего себе — как обычно, — ответил Себастиан. Он осматривал горизонт. — Туда.

Рэйфорд увидел клуб черного дыма примерно в миле к югу от Петры.

— Они же могли попасть в своих! — сказал Джордж и взялся за рацию. — Большой Ди-1 южному периметру, прием.

— Мак на связи, Ди. Что это было?

— Промазали по нам. Куда попали?

— В один из своих транспортов сразу за линией конницы. Наверняка есть убитые. Ведут себя очень дисциплинированно.

— Подожди, пока они не поймут, что это свои же по ним стреляли. Всем лучеви-

кам немедленно открыть огонь! — приказал Джордж.

Не прошло и нескольких секунд, как черное кольцо конницы, охватившее Петру, распалось, и кони понесли во все стороны.

— Это просто шедевр, Джордж, — сказал Рэйфорд. — Отличная работа!

— Да, думаю, конина неплохо запеклась. Слушайте, Рэйфорд, я не ошибся, вы и правда упомянули имя моей жены, когда мы чуть было не приготовились отправиться к праотцам?

— Виноват.

— В чем дело?

— Я пообещал ей присматривать за тобой по возможности.

— То есть вот так вы за мной присматриваете?

— По возможности. Как насчет того, чтобы нам снова подняться и вызвать на себя огонь — вдруг еще раз всадят ракету в своих же на той стороне?

— Рэйфорд, это несмешно.

* * *

Каждый раз, когда Бизон подпрыгивал, он видел поверх голов Циона, которого несли на плечах фанатики. Он хотел крикнуть им, чтобы они поставили его на землю, но перекричать толпу было невозможно. Чего они хотят? Чтобы его убили? Может, они

считали его героем. Может, думали, что если поставить его во главе толпы, то он воодушевит людей. Что бы там ни было, это безумие.

Бизон втянул голову в плечи и стал проталкиваться сквозь толпу, пока почти не добрался до Цiona.

— Эй! — закричал он. — Эй! Да поставьте же его на землю!

— Он поведет нас к победе!

— Он наш вождь!

— Я за него отвечаю, а вы его погубите!

Бизон схватил Цiona за щиколотку и потянул, и они выпустили его. Цион полетел вниз головой вперед. Бизон поднырнул, чтобы не дать ему рухнуть на землю, и теперь они оба упали под ноги людей. Однако, как оказалось, им еще повезло, поскольку Объединенная армия взобралась на стену над воротами Ирода и открыла огонь по толпе. Вокруг Цiona и Бизона стали падать повстанцы, ударяясь головами о мостовую. Кровь летела брызгами во все стороны.

Бизон обхватил голову Цiona и прижал к своей груди, сам втянул голову в плечи, пережидая обстрел. Кругом визжали пули, рикошетом отлетая от стен, разлетались в стороны осколки брусчатки. Бизон сидел, весь сжавшись и ожидая смертельного выстрела, который разнесет голову ему или Цionу или разворотит шею или спину.

Но они уцелели.

Когда обстрел утих, Бизон поднял Цiona на ноги и потащил к легендарному исцеляющему пруду Вифезды.

— Я не ранен, Кэмерон! Мне незачем исцеление!

«Его чуть не убили, а он еще шуточки шутит!»

Рэйфорд и Джордж приземлились и поехали на мотовездеходе к командному пункту Джорджа.

— Они просто обязаны ответить, — сказал Рэйфорд. — Но как именно и что нам делать?

— У них на позициях стоят минометы. Хочу посмотреть, удастся ли всадникам успокоить коней и вернуться на позиции. Если нет, то начнется хаос. Главное — не подпускать их к проходу Сик. Не хочу, чтобы хоть один из них подумал, что может сюда просочиться.

— Наверняка Карпати усвоил урок. Представь себе, сколько денег он потратил, пытаясь накрыть нас здесь, — сказал Рэйфорд.

— Да, но любой боевой командир считает себя лучше всех остальных, так что, кто бы тут ни командовал, он должен сам наступить на эти грабли.

— Лучевики и собственная ракета наверняка заставили их кое-что понять.

— По идее, да, — сказал Джордж. — Но зуб даю — они попытаются использовать весь свой арсенал, прежде чем сдаться.

— Чему труднее всего будет противостоять?

— Численному перевесу. Когда они начнут наступление, нас загонят внутрь.

— Где пока было безопасно.

— Верно. Но отступление — не мой метод войны. Господь защитил нас от ракеты, но разве не весело будет поджарить им задницу лучевым оружием?

* * *

Какая-то молодая женщина стояла у сооружения, похожего на пещеру, возле прудов и отчаянно жестикулировала. Бизон подтащил Циона к ней.

— Тут найдется место еще для двоих, — сказала она.

Когда они забились в укрытие, Бизон увидел, что в гулком помещении, кроме них, находится еще человек двадцать.

— Это рабби? — воскликнул кто-то.

— Я, — ответил Цион.

— Слава Богу. Когда ты ожидаешь пришествие Мессии?

— Честно говоря, я ждал Его пять минут назад. Или, вернее говоря, Он ждал меня.

— Мне хочется верить, что Он идет, чтобы дать нам сегодня победу и спасти нас.

— Он уже спас тебя, если ты готов, — ответил Цион.

— Я готов. Я просто хочу остаться в живых, когда Он придет сюда.

— И я тоже, — сказал Цион. — Но ведь мы выбрали для этого не лучшее место, верно?

— Что вы там болтаете о Мессии? — проворчал кто-то. — Мы много поколений ждали, когда Он придет и избавит нас.

Цион как мог быстро объяснил ему, что он думает на этот счет. Трое из перепуганных мужчин и молодая женщина произнесли молитву, признавая Иисуса Мессией, но скептик к ним не присоединился.

— Когда Он придет, — сказал он, — я поверю.

— «Блаженны невидевшие и уверовавшие»,¹ — сказал Цион.

Перестрелка внезапно прекратилась. Бизон выглянул наружу. Что там? Неужели пришел Мессия и одержал победу?

Мимо пробежал молодой человек с криком:

— Мы победили! Мы победили! Они отступают! Ворота закрыты!

— Подождите! Это ловушка! Не верьте им! Они просто перегруппировываются!

Соседи Бизона и Циона по убежищу вылезли наружу и стали настороженно оглядываться по сторонам, держа оружие наготове.

— Не нравится мне все это, — сказал один. — У них же есть бомбы, которыми они могут враз уничтожить нас. Что они делают?

— Играют с нами.

— Мы должны ударить в ответ! Открыть ворота и атаковать их! Перебить их во время отступления!

¹ Евангелие от Иоанна, 20:29.

— Они не отступают. Это ловушка. Они хотят, чтобы мы открыли ворота. Нам следует перегруппироваться, пока они сами перегруппировываются. Будьте наготове.

* * *

В Петре тоже было временное затишье. Рэйфорд получил звонок от Мака МакКаллама.

— Вы с Колючкой отпустите меня на минуту, Джордж? — сказал Рэйфорд. — Мак хочет, чтобы я пришел и посмотрел на кое-что.

До Мака было с полчаса ехать на вездеходе, и когда Рэйфорд прибыл, Мак рассматривал вражеские ряды в мощный бинокль.

— Мы им видны нас как на ладони, Рэй. Впрочем, как и они нам. Так чего же они ждут?

Он передал Рэйфорду бинокль.

— Вроде бы они справились с большей частью лошадей. Наверное, давка была немалая. Я знаю, Рэй, что это все устроили наши лучевики. Но сейчас-то с чего они бесятся? Не понимаю.

Рэйфорд стал рассматривать вражеские порядки. Не похоже было, чтобы лошади боялись или бесились от ожогов. Это было что-то совсем другое. Как будто всадники просто не могли заставить коней выполнять то, что они хотели.

— Это напоминает мне один стих, Рэй. Кое-что из того, чему нас учил Цион. Что там было?

— Не помню. Хочешь спросить его самого? Мне все равно надо связаться с ним и Бизоном.

* * *

Тишина была более чем неестественной. Бизон с Ционом подходили к воротам Ирода. Зазвонил телефон. Бизон ответил, затем протянул его Циону.

— Да, здесь то же самое, — говорил Цион. — У меня такое ощущение, что это затишье перед бурей. Кони? Да, Книга Захарии, глава 12, стих 4: «В тот день, говорит Господь, Я поражу всякого коня бешенством и всадника его безумием, а на дом Иудин отверзу очи Мои; всякого же коня у народов поражу слепотою». Понимаешь, Мак, может, и здесь такое случилось.

Как только Цион закончил разговор, все вокруг захотели узнать, о чем это он тут говорил. Он рассказал им.

— Давайте-ка проверим, — сказал один из них. — Рабби уверен, что Объединенная армия либо ослепла, либо вся свихнулась.

— Может быть, — сказал Цион. — Это единственное объяснение происходящему, какое приходит мне в голову.

Некоторые из мужчин помоложе стали подсаживать друг друга и забираться на стену. Двое забрались на самый верх.

— Ничего не вижу! Может, они попрятались.

— Рабби! Расскажите побольше!

Бизон глянул на Циона, тот пожал плечами:

— Я затем и пришел. Если они хотят слушать, то я хочу говорить.

Как только он начал речь, вокруг него снова собралась любопытная толпа. И, снова слушая и наблюдая за Ционом, Бизон не мог отделаться от ощущения, что быть там и тогда, где он сейчас был, — великая честь, дарованная свыше. Он ощущал, что в любой момент может увидеть Иисуса. И Хлою.

Слушать человека Божия в Божием месте в Божий час — это же такая милость, что не выразить словами! Страх? Да, конечно, он боялся. Действительно ли придет Иисус в обещанный Им час? Бизон не сомневался в этом. Но он больше не мог ждать. Просто не мог.

* * *

Вернувшись к Джорджу, Рэйфорд ничего не мог ему посоветовать.

— Не спрашивай меня, — сказал он. — Хочешь стрелять из пятидесяток — стреляй.

— С такого расстояния мы можем убивать и людей, и лошадей и даже зацепить несколько их машин, — сказал Джордж. —

Но я понимаю, что они ответят огнем. На-счет внутреннего города я не беспокоюсь. Но, опасаясь, здесь, на периметре, мы не в безопасности.

— Зачем атаковать, если ты понимаешь, что нам не победить?

— Вот именно. Но я не могу просто сидеть здесь, ждать, пока все это случится. Нам нужно хоть что-то сделать.

— Тогда пальни из пятидесятки, а то и из двух — и будет тебе дела выше крыши.

* * *

Один из тех молодых людей, что стояли на стене, прервал Циона.

— Они идут с чем-то вроде огромного мегафона! Может, хотят начать переговоры! — крикнул он.

— Никаких переговоров с дьяволом! — ответил Цион, и толпа взревела в ответ.

— Может, он предлагает перемирие!

— Перемирие, — ответил Цион, — стоит ровно столько, сколько стоит человек, сидящий напротив тебя за столом переговоров.

— Слушайте, жители Иерусалима! Говорит ваш верховный потентат!

— Долой! Долой! Наш единственный потентат — Бог Израиля!

— Заткнитесь! Выслушайте его!

— Прошу вас, послушайте меня, граждане. Я пришел с миром.

- Нет! Ты пришел с оружием!
- Давайте обсудим ситуацию!
- Слушайте! Тсс! Слушайте его!
- Я пришел предложить вам прощение.

Я готов пойти на компромисс. Я не желаю вам зла. Если вы готовы служить и повиноваться мне, то вы будете получать от тука земли, но если вы не подчинитесь мне и поднимете мятеж, вы будете преданы мечу. Я сам избавлюсь от врагов и отомщу тем, кто против меня. Я обращаю против вас руку мою и уничтожу вас.

Но зачем нам доводить до этого, граждане Мирового Сообщества! Если вы сложите оружие и впустите меня в город, я гарантирую вам мир и безопасность. Если я сосчитаю до трех и в течение пятнадцати секунд будет стоять тишина, я сочту это знаком вашего согласия на мои условия. Если за это время прозвучит хоть один выстрел, даже в воздух, то это будет знаком вашего отказа. Но я хочу вас предостеречь — половина Иерусалима уже в моих руках. Весь город будет с легкостью взят за какой-то час. Выбор за вами. Считаю до трех.

Но прежде чем Карпати успел сказать «раз», тысячи стволов выстрелили в воздух, включая оружие Бизона и Циона.

Врагу по-прежнему не удавалось снова взять под контроль лошадей и окружить Пе-

тру. Рэйфорд стоял над обрывом и смотрел в бинокль за развертыванием на позициях боевых машин Объединенной армии. Весь горизонт был затянут дымом и пылью, масса военной техники казалась черной катящейся волной, заполнявшей все пространство от горизонта до горизонта, словно ползущая лава.

— Я намерен допустить их только до этого предела, — сказал Джордж. — Затем снова лучевики и пятидесятки.

— Это все равно что голым задом цунами пугать, — ответил Рэйфорд.

Когда в Иерусалиме прекратилась стрельба, в городе снова воцарилась неестественная тишина. Объединенная армия Мирового Сообщества не стала атаковать немедленно, но Бизон почти хотел, чтобы они это сделали. Тишина выводила из себя. Он опасался, что следующим звуком будет рев товарного поезда, о котором всегда упоминают жертвы торнадо, только этот смерч будет бесконечной ордой убийц, которые втопчут Иерусалим во прах.

Но если это нужно для того, чтобы пришел Иисус — что же, пусть так и будет.

Странно, но толпа снова захотела слушать Циона, и Бизон с изумлением увидел, что рабби готов говорить.

— Еще не поздно! — кричал Цион. — Вставайте на сторону Мессии! Раскайтесь, сделайте выбор — и будете спасены!

И многие последовали его призыву.

Теперь даже Себастиан откровенно нервничал. Массы лошадей, людей и оружия надвигались на Петру, и волна эта была такой чудовищной, что, разделяясь и сливаясь вновь, она закрывала собой горизонт, пески пустыни и скалы.

Словно стая саранчи закрыла солнце. Ни один человек даже представить себе не мог численности врага. Каким-то образом они сумели собраться, преодолеть безумие и слепоту, вырваться из оцепенения. И двинулись вперед.

Они развернулись и окружили Петру со всех сторон, медленно заполняя все пространство, насколько хватало взгляда. Их передовые линии были все еще в миле от периметра, но конца им не было. Просто не хватало глаз, чтобы увидеть все эти миллионы, наступавшие и наступавшие колонна за колонной, и не было им числа.

И когда они, наконец, разместились по позициям, они просто остановились и стали ждать. Чего — никто не знал. Но даже когда они остановились, между их рядами не было ни единого промежутка, и не было конца их рядам.

— Вот это, Рэйфорд, — сказал Джордж, — вся их армия. Если мы выстрелим из всех наших пушек и каждый выстрел убьет кого-нибудь прямо на месте, мы даже бреши не сделаем в этой стене.

— А как насчет того, чтобы выехать к ним и посмотреть, не раскурит ли кто с тобой трубку мира?

— Вы слишком много смотрели телевизор, капитан.

— Нет, серьезно, как насчет того, чтобы еще раз пустить в ход лучевики? Может, хоть немного оттесним их.

— Мне кажется, будет эффект домино. Им ведь действительно некуда отступать, потому как врежутся в собственные эшелоны. Думаем, мы сможем устроить миллионную давку?

Рэйфорд покачал головой:

— Я был бы не против увидеть, что ты сможешь с ними сделать. Может, у них поутихнет желание подходить ближе.

* * *

Цион продолжал говорить, когда воздух разорвал звук, подобный взрыву бомбы, и люди стремглав бросились в укрытие. Не прошло и нескольких секунд, как пришло известие, что другой боевой таран пробил городскую стену. На сей раз Объединенная армия не стала ломиться в ворота и пробила северо-восточную стену Старого города

почти на полпути между Львиными воротами и северо-восточным углом стены.

Сотни еврейских повстанцев бросились туда, и, к ужасу Бизона, Цион рванул следом, даже не вдаваясь в обсуждения. У Бизона не осталось иного выбора, кроме как побежать за ним, пытаясь перехватить его и не пустить в схватку. Когда он догнал Циона, сражение уже шло полным ходом, и, как ни странно, казалось, что евреи снова одолевают. Они оттесняли солдат, и вокруг тарана снова закипела отчаянная рукопашная, и он чуть было не попал в руки повстанцев.

Но в тот самый момент, когда повстанцы вытеснили армию назад, за городские стены, несколько передовых рядов Объединенной армии развернулись и открыли огонь из автоматов, гранатометов и чего-то вроде базук, как показалось Бизону. Он стал отстреливаться вместе с остальными, и вторжение на краткое время захлебнулось, но он с ужасом увидел вокруг себя больше сотни убитых и раненых израильтян. Интересно, сам-то он сумел хоть кого подстрелить?

Пролом в стене на этот момент ничем пока не угрожал, потому Бизон схватил Циона, чтобы снова утащить его к прудам Вифезды. Но рабби стоял на коленях, неловко подогнув ноги. «Узи» соскользнул с его плеча, лямка была почти на локте, а сам автомат валялся на земле.

Бизон схватил его за рукав, чтобы поднять, но когда он потянул его, Цион повернулся на колене и упал на мостовую.

— Цион! Вставайте! Идем!

Но Цион лежал мешком.

— Вы в порядке? — спросил Бизон, поворачивая Циона лицом к себе.

— Кажется, нет, друг мой.

— Вы ранены?

— Боюсь, что да.

— Куда?

— Не могу сказать точно.

— Вы можете двигаться?

— Нет.

— Я понесу вас.

— Пожалуйста. Попробуйте.

У Бизона не было времени даже подумать о том, как это будет выглядеть. Он схватил автомат Циона, перекинул его через левое плечо, затем подхватил рабби под мышки сзади, согнул колени и приподнял его. Пошел спиной вперед, волоча старика по улицам. Он был рад, что стрельба прекратилась хотя бы на время.

У Бизона ныли все мышцы, когда он протаскивал своего друга где-то с четверть мили, но он не желал останавливаться, пока они не окажутся в безопасности в крохотном укрытии возле Вифезды. Он все оглядывался, чтобы видеть, свободна ли дорога, но когда он снова обернулся к Циону, он увидел, что за ним тянется широкий красный след.

Бизон остановился, чтобы осмотреть его. Он расстегнул его куртку и нашел, откуда льется кровь. Рана была не в сердце, иначе Цион был бы уже мертв. Но он потерял много крови. Она текла из груди, стекала по сол-

нечному сплетению, по животу, ползла по куртке, по брюкам и капала на мостовую.

Цион был бледен, глаза его закатывались. Бизон наклонился послушать его частое дыхание.

— Не покидай меня, друг, — прошептал он.

— Отпусти меня, Кэмерон. Найди укрытие. Неплохо умереть на улицах любимого города.

— Ты не умрешь, Цион. Ты продержишься до победы. Хорошо?

— Хотелось бы.

— Так захоти! Помоги мне!

Бизон сорвал свои куртку и рубашку, свернул рубашку в комок и затолкал в рану. Дыра была величиной почти с кулак Бизона.

— Я должен отнести тебя в укрытие, — сказал он. — Сможешь продержаться еще несколько футов?

— Я уже ничего не чувствую, Кэмерон. Иди. Прошу тебя.

— Я не оставляю тебя здесь.

— Иди, иди. Я ненадолго здесь останусь. Мы оба это знаем.

— Я отнесу тебя в убежище.

— Не делай этого ради меня.

— Я делаю это ради себя.

Бизон понимал, что этим Циону не поможет. Рубашка вывалилась из раны, оттуда потоком хлынула кровь. Цион застонал. Жизнь покидала его. Взгляд его угасал, глаза закрывались, губы посинели. Его начала бить дрожь.

Бизон с трудом втащил его в убежище и попытался снова остановить кровь, но Цион протянул к нему дрожащие слабые руки. Ухватил Бизона за одну руку и притянул к себе:

— Оставь, друг. Прошу тебя. Уже слишком поздно.

— Я не хочу потерять тебя, Цион!

— Пригнись поближе, — прошептал он. — Слушай меня. — Сейчас он с трудом, хрипло дышал, еле выговаривая слова. — Я могу теперь сказать... как и Павел... «Ибо я уже становлюсь жертвою... и время моего отшествия настало... Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил... а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный... и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его»¹...

— Цион, не уходи! Останься со мной!

— Кэмерон... ради Иисуса... моя жена и дети... навек...

Себастиан приказал еще раз пустить в ход лучевики, и Рэйфорд был должен признать, что это было что-то с чем-то — пере-

¹ Второе послание к Тимофею святого апостола Павла, 4:6—8.

довая линия попятилась, крича от боли, и волна хаоса разошлась по толпе на многие мили. Колючка уже приготовил пятидесятикалибровые стволы на случай контратаки, но ее не последовало. Все становилось еще более странным. Осажденный город с миллионным населением казался горошинкой в море врагов, которые словно бы ждали чего-то, чтобы раздавить его.

Телефон Рэйфорда зазвонил, и по номеру он понял, что это Бизон.

— Слушаю.

Бизон говорил глухо и через силу.

— Он погиб.

— Цион?

— Пуля в грудь. Я ничем не смог помочь.

— Возвращайся, Бизон. Мы пошлем за тобой кого-нибудь.

— Они не пробьются. И я не могу бросить здесь Циона.

— Бизон! Очнись! Он мертв! Мне тоже тяжело это говорить, ты же сам сказал что ничего не мог сделать, а теперь уже точно ничего не поделаешь.

— Никто не пробьется сюда, и я не могу себе представить, как отсюда выбраться.

— Ты в порядке?

— Честно говоря, я такого не предполагал.

— Держи телефон наготове. Не делай глупостей. Скоро все кончится.

* * *

Бизон сложил ноги Циона. Застегнул куртку, чтобы скрыть смертельную рану, сложил его руки, сплетя пальцы так, чтобы они лежали на груди. Пригладил волосы Циона, закрыл ему глаза и последний раз посмотрел ему в лицо.

— Ты почти достиг цели, друг мой, — сказал он. Он набросил свою куртку на грудь и голову Циона.

Схватив оба автомата, он бросился к воротам Ирода, где двое молодых повстанцев стояли на удобной точке наблюдения. Это было не самое безопасное место, и, конечно, это никак не соответствовало совету Рэйфорда не делать глупостей. Но Бизон просто не знал, что еще можно сделать.

* * *

Мак слушал по телефону сообщение с другой стороны периметра.

— Рэйфорд, если бы я попросил Себастиана на время отдать тебя нам, то, как думаешь, он согласился бы?

— Он наверняка с радостью отделался бы от меня. Сейчас спрошу.

— Что ему нужно? — сказал Джордж.

— Мак? Себастиан хочет знать, зачем я вам.

— А я не хочу ему говорить.

— Это с ним не пройдет. Ты же сам знаешь.

— Значит, я должен сказать ему правду?

— Не помешало бы.

Мак прошептал:

— Мне просто надо с кем-то поговорить. Смитти в двух сотнях ярдов к западу от меня, Отто меня достал. К тому же, кроме шуток, нам тут лишний солдат не повредит. Мне бы очень пригодился мотовездеход, чтобы проверять моих солдат в восточном и западном секторе. У вас там столько же карпатиевских войск, сколько и у нас?

— Им несть числа, Мак.

— Я лично рассчитываю на скорейшее появление Иисуса. Но пока Он не пришел, может, хотя бы ты придешь?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Взобраться на стены Старого города, особенно здесь, у врат Ирода, было непросто. Бизон был еще далеко не стариком, но двое повстанцев, которые уже находились там, были как минимум лет на пятнадцать моложе его. Они стали кивать ему и показывать куда-то вперед.

Объединенная армия собиралась на Иерихонской дороге и в садах, где по традиции предполагалось место гробницы Иисуса. Пехота растянулась по всей длине дороги, насколько хватало взгляда, — от музея Рокфеллера справа до церкви Святого Стефана за садами, вплоть до улицы Хэйл а-Андаса.

Бизон с двумя повстанцами были совсем на виду, но врагов, казалось, это совершенно не волновало. Бизон гадал — придет ли Иисус только в разгар сражения или может по-

явиться в любой момент? Он надеялся, что остатку в Петре не придется узнать о смерти Циона вплоть до Явления во Славе.

Бизона беспокоили войска, сосредоточившиеся позади музея Рокфеллера. Там было чересчур тихо, они словно бы пытались не слишком попадаться на глаза. И рассмотреть их было труднее. Он заметил движение, но оно было каким-то неспешным. Надо будет присматривать за тем районом.

Бизон посмотрел на небо. Он ожидал, что пришествие Иисуса возвестит черная туча, которая закроет солнце, и земля содрогнется. И все это должно случиться одновременно, и когда он позволил себе сосредоточиться на этой мысли, ему показалось, что воздух искрит от напряжения.

Себастиан велел Рэйфорду «пойти и поддержать Мака за ручку».

— Черт, порой он ведет себя как старая баба. Но ничего, подождет. По дороге зайдите к Чаню. Вы можете подняться наверх, заехать в город и спуститься, чтобы не ехать кружным путем.

— А что с Чанем?

— Просто встряхните его. Последние дни он разговаривает со мной так, что понятно, что ему куда больше охота на передовую, чем торчать в техцентре. Скажите ему, на-

сколько его работа ценна для нас, и все такое. Вы же сами знаете, что это правда.

Дорога, которую предложил Себастиан, оказалась труднее, чем ожидал Рэйфорд. Он очень хорошо теперь водил машину, но местность была непростая. Ему приходилось то и дело притормаживать и понижать передачу, и пару-тройку раз он натыкался на скалы, которые не давали ему проехать дальше. Приходилось ставить мотовездеход на нейтралку, сдавать назад и пытаться проехать другим путем.

Когда он добрался до техцентра, он был совсем вымотан и с радостью воспользовался передышкой.

* * *

В Старом городе люди тихо переговаривались и решали, что дальше делать. Бизон заметил несколько групп особенно молодых повстанцев, которые пробирались к стенам. Ему нравились его наблюдательный пункт и обзор, но идея расположить передовые линии на стене по всей ее протяженности ему не казалась очень удачной. Чем дольше он наблюдал, тем яснее становилось, что кто-нибудь тоже должен прийти к такому выводу.

В центре города до сих пор было немало людей, способных сражаться, но все это были пожилые мужчины и женщины. Луч-

шие бойцы, подростки и мужчины от двадцати лет, занимали позиции поверху стены. Какая-то мысль все не давала покоя Бизону. Эта позиция была уязвима, она годилась для случая «все или ничего». Ему лично больше по душе был вариант, дававший выбор, но именно лично ему. Бизона никто не назначал на должность командующего обороной всего города.

* * *

Чань смирился со своей ролью, но все равно он был благодарен Рэйфорду за его слова и за то, что тот выкроил минутку, чтобы навестить его. Подошла Наоми, и все трое усьелись перед монитором компьютера Чаня.

— Мы все уверены, что скоро настанет Тысячелетнее Царство, — сказал Рэйфорд. — Не позднее чем завтра. Вот потому так важно, чтобы здешнее население не знало, что случилось с Ционом.

— А что с Ционом?

— Он убит.

— Нет!

Рэйфорд рассказал им то, что узнал от Бизона. Наоми закрыла лицо руками, и хотя Чань пытался ее утешить, он и сам был раздавлен горем.

— А с Бизоном все в порядке?

— Пока да, но они были в очень опасном месте, и Бизон до сих пор там.

— А мы можем его оттуда вытащить?

— Вряд ли риск будет оправдан. Он человек очень самодостаточный. Как и все, он попытается сохранить жизнь евреям и, конечно, свою тоже до того момента, которого мир ждет тысячи лет.

Чань показал на экран, и они стали смотреть последние новости канала Си-эн-эн МС.

— Потентат Мирового Сообщества Николае Джетти Карпати собрал самую большую в истории человечества армию. Как вы можете видеть на этом снимке с высоты птичьего полета, Объединенная армия Мирового Сообщества включает в себя всех солдат, весь подвижной состав и вооружение, которое имелось в мире. Неисчислимое войско покрывает весь Израиль от равнины Мегиддо на севере до Боцры в Эдоме на юге и тянется на восток почти на всю ширину той территории, которая некогда называлась Святой Землей.

Наземные силы поддерживаются с авиационных баз вплоть до Кипра и авианосцами Средиземного моря, и военно-десантные корабли находятся как в Суэцком заливе, так и в бухте Акаба в Красном море.

В этот час одна треть сил Карпати окружает Петру в Эдоме на юго-востоке Иордании, последнее убежище мятежников-иегудаитов. Глава департамента разведки и безопасности Мирового Сообщества Сухайль Акбар говорит, что сам Цион Бен-Иегуда прячется в этом месте, и хотя цель

Объединенной армии — полное уничтожение мятежного гнезда, живой предводитель мятежников будет ценной добычей.

Остальные две трети Объединенной армии брошены на захват Иерусалима. Потентат Карпати лично сообщает, что почти половина города занята и захват Старого города — лишь вопрос времени.

Чуть раньше состоялась пресс-конференция, на которой потентат, прямо с седла, вдохновлено рассказывал нам о возможном исходе сражения.

На экране появилось лицо Карпати.

— Мы уверены, что это два последних гнезда мятежа в мире, — сказал он, — и как только они будут уничтожены окончательно и наши враги разбегутся, мы увидим наяву то, о чем так долго мечтали, — мир и гармонию во всем мире. В истинном мировом сообществе нет места мятежу. Если бы наше правительство не было великодушным или не делало все в первую очередь для граждан, то тогда могли бы быть причины для недовольства. Но мы всегда старались создать истинную утопию для общества.

Очень печально, что дошло до того, что мы вынуждены ради этой великой цели проливать кровь. Но мы сделаем то, что должно.

Кто-то спросил:

— Но ваша армия такова, что может многократно уничтожить мятежников.

— Отличное замечание, — сказал Карпати, ерзая в поскрипывающем седле. — Но в борьбе за мир никакие усилия не могут быть

лишними. Мятежные группировки оказались чрезвычайно живучими. Мы на высшем уровне решили, что на сей раз ради полной уверенности мы не должны им оставить ни малейшего шанса. Мы используем все, что нам необходимо, все, что у нас есть, чтобы достичь успеха.

— Есть ли хоть крупица правды в слухах, что вы с избытком вооружили армию на случай неожиданной помощи оппозиционерам со стороны их Бога?

Карпати рассмеялся:

— Меня не волнуют сказки, но, даже если у них и есть какая-то сверхъестественная поддержка, с нашей военной мощью им не сравниться. Даже без оружия мы можем просто задавить их числом, постоянно пополняя наши ряды. Но вот как-то вышло, что мы еще и вооружены самым лучшим оружием последнего поколения.

— Но почему бы не покончить с ними разом? Чего вы ждете?

— Я человек мира. Я всегда верил прежде всего в дипломатию и переговоры. Я всегда оставляю возможность для мирного урегулирования вопроса. Я надеялся, что огромность наших сил заставит противников мира сесть за стол переговоров. Но наше терпение истякло. Они совершенно не заинтересованы в разумном решении вопроса, потому мы готовы употребить все необходимые средства. Так что теперь это лишь вопрос времени.

* * *

К полудню, когда солнце поднялось высоко, Бизон сильно проголодался. Он осторожно спустился со стены туда, куда волонтеры приносили еду для бойцов. Быстро проглотил немного фруктов, хлеба и сыра и снова поднялся на стену. Похоже, армия тоже взяла перерыв, чтобы перекусить. Бизон жалел, что у повстанцев не было крупнокалиберного оружия. Возможно, внезапная атака нанесла бы хоть какой-то урон врагу. С другой стороны, спящий великан — добрый великан, и, возможно, стоит все оставить как есть.

Но ждать, пока противник ударит, было нестерпимо. Но пока передовая линия проходит поверху стен, хотя бы внезапной атаки у эмэсовцев не получится.

* * *

Рэйфорд начал спускаться к другой стороне Петры. Это оказалось еще труднее, чем подниматься наверх. Он задержался у Чаня и Наоми чуть дольше, чем намеревался, так что Мак наверняка уже высматривает его, а Джордж думает, что он уже на месте.

Со своей высоты он хорошо видел армию, находившуюся в миле от него. Он потянулся за телефоном, чтобы заверить Мака, что

едет, когда вдруг увидел, что что-то происходит. Передовые линии противника оттягивались назад — наверное, Джордж еще раз приказал пустить в ход лучевики.

На сей раз, однако, несмотря на возникший хаос, Объединенная армия не оставила удар без ответа. Рэйфорд услышал ответные выстрелы, подобные грому тысячемильной грозовой тучи. Он достаточно знал о снарядах, чтобы понять, что войска Карпати находятся еще далеко вато для навесного минометного обстрела. Снаряды будут падать, не долетая до периметра Петры.

Но он ошибся. Может, эти минометы были больше, чем обычные гладкие короткоствольные. Снаряды перелетали через периметр и теперь падали вокруг него. Когда один взорвался прямо перед ним, Рэйфорд чуть не вылетел из-за руля. Схватившись свободной рукой за руль, он увидел, как из окна вылетел его телефон и, ударившись о камень, полетел вниз с обрыва.

Его мотовездеход не слушался управления. Рэйфорда подбросило в воздух, и Рэйфорд понял, что летит, цепляясь одной рукой за руль. Приземлился он очень жестко, машина подскочила и полетела в сторону. В голове у него было только одна мысль — расшибется он или нет? Вскоре и этого выбора не осталось. Машина еще раз подбросила его, и на сей раз он выпустил руль. Ударившись о землю и перекатившись, он увидел, как мотовездеход разваливается на ходу, а потом врежется в скалу и летит в долину.

Рэйфорд напомнил себе, что не следует пытаться остановить собственное падение. Он свернулся клубком и попытался расслабиться, изо всех сил борясь с естественным инстинктом. Склон был слишком крутым, скорость слишком высокой, чтобы себя контролировать. Лучшее, что он мог сделать, — подыскать местечко для падения помягче.

Взрыв примерно в десяти футах справа от него оглушил его и отбросил в сторону. Рэйфорд ударился виском о камень и услышал что-то вроде гула воды, когда покатился по колючкам. Хотя выглядели они устрашающе, все же они были помягче того, обо что он ударился.

Рэйфорд сумел переместить вес, когда полетел в колючие заросли, потому падение его замедлилось. Вот тогда он и понял, что это за звук текущей воды. С каждым ударом бешено бьющегося сердца из раны на виске его кровь била на шесть футов.

Он зажал рану ладонью и ощутил напор крови. Он прижал ладонь изо всех сил и понял, что может хоть немного замедлить потерю крови. Но теперь он был в опасности — в смертельной опасности. Никто не знал, где он находится в настоящий момент. У него не было связи, не было транспорта. Он даже не хотел осматривать свои раны — по сравнению с дыркой в голове все они были просто пустячными. Ему надо было найти помощь — и быстро, — иначе через несколько минут с ним будет кончено.

Руки Рэйфорда были в ссадинах, он ощущал острую боль в обоих коленях и лодыж-

ке. Он свободной рукой подтянул брючину и тут же пожалел об этом. С лодыжки словно было срезано мясо и часть кости.

Сможет ли он идти? Осмелится ли хотя бы попробовать? Он был слишком далеко от любой точки, куда мог бы добраться ползком. Он подождал, пока сердцебиение успокоится и вернется душевное равновесие. Он сейчас где-то в миле от Мака и его людей, и увидеть их он не может. Назад, наверх, ему не взобраться. Он сел на корточки, одной рукой отчаянно пытаясь зажимать рану, чтобы не истечь кровью.

Попытался встать. Слушалась только одна нога — именно та, которая практически осталась без лодыжки. Наверное, на второй была сломана берцовая кость. Он пытался прыгать, но наклон был таким, что его опять понесло вперед. И на сей раз он снова потерял контроль над собой. Он пытался прыгать, чтобы не упасть, но с каждым прыжком лишь набирал скорость. Но руку от виска он не отнимал и старался делать все, чтобы в конце концов не упасть на что-то более твердое.

— Господи, самое время Тебе явиться.

* * *

Чань почувствовал, что что-то вот-вот начнется. Ему удалось перехватывать сигналы от геостационарных спутников, поддерживавших связь в многомиллионных войсках.

Они были готовы начать наступление, и командование должно было об этом узнать.

Он позвонил Джорджу.

— Ждите наступления в течение шести десяти секунд, — сказал он.

— Нас уже обстреливают, — крикнул в ответ Джордж. — Или ты имел в виду другое?

— Да, они сейчас двинутся.

— Рэйфорд у тебя?

— Да, был недавно. Он едет к Маку.

— Спасибо. Позвони Маку, ладно? Я проинформирую остальных.

Чань перезвонил Маку и сообщил то же самое.

— Эй, — сказал Мак, — я не могу дергать Себастиана, а Рэй что-то задерживается.

— Он в пути, — сказал Чань.

Он позвонил Бизону.

— Ждите наст...

Но связь прервалась. Он перезвонил. Ответа не было.

— Они идут! Они идут!

Бизон услышал крик молодого повстанца в тот самый момент, как зазвонил его телефон и он заметил, как из-за музея Рокфеллера прямо на него полетел зажигательный снаряд. Он увидел, как Объединенная армия двинулась сразу со всех направлений как раз в тот момент, когда прижал к уху телефон.

Бомба ударила в стену как раз перед ним и отскочила.

Он узнал голос Чаня за мгновение до того, как взрыв проделал дыру в стене. Камни и шрапнель полетели во все стороны, изрешетив весь его правый бок. Телефон был разбит, он выронил «узи». Когда камни под ним поехали, он понял, что что-то не так с его бедром и шеей.

Одного из подростков, что стояли рядом с ним, подбросило в воздух и швырнуло на мостовую. Бизон был намерен падать вместе со стеной. Он потрогал шею и ощутил текущую кровь. Он не имел медицинского образования, но предположил, что что-то перебило его сонную артерию. Это было серьезное ранение.

Когда стена начала заваливаться, он балансировал и переступал ногами, чтобы не упасть, но одной рукой ему приходилось зажимать рану. «Узи» соскользнул на левый локоть, но когда он упер его во что-то, чтобы держать равновесие, автомат соскользнул вниз. Бизон был смертельно ранен, безоружен, он падал.

А враг наступал.

* * *

Рэйфорд мог остановить падение только свободной рукой, не осмеливаясь отнять другую руку от раны в виске. Его подбородку досталось не меньше, чем его запястью, пока

он скользил по склону с наклоном примерно сорок пять градусов. Идти он не сможет. Остается только ползти и пытаться выжить.

* * *

Бизон попал ногой в трещину неустойчивого каменного блока и полетел головой вперед. Он повис вниз головой с внутренней стороны шатающейся стены Старого города. В его бедре была рваная рана, которая тоже кровоточила. Кровь прилила к его голове.

* * *

Даже в техцентре скального города Чань ощутил дрожь земли от шага миллионов солдат, надвигавшихся на Петру. Он переключался с одного на другое, пытался делать звонки. Сколько же еще Господь будет терпеть, прежде чем пошлет сюда Царя и Победителя?

* * *

Борясь с подступающим беспамятством, он осторожно пытался осторожно продвигаться вперед, опираясь одной рукой, а вто-

рой зажимая рану. С каждым дюймом склон казался все круче, земля все больше уходила из-под него. С каждым ударом сердца, с каждым толчком крови, с каждым приступом боли он все больше сомневался, что все это имеет смысл. Важно ли ему остаться в живых? Зачем? Ради кого?

— Иисус, приди же!

Голова кружилась все сильнее, боль терзала его. Наверное, ему еще и пробило легкие. Дыхание выходило со свистом, мучительно, болезненно. Первым признаком конца стала безумная пляска сердца. Оно то скакало, то останавливалось, то трепетало. Слишком большая потеря крови. Не хватает для питания мозга. Слишком мало кислорода. Вялость была сильнее паники. Погрузиться в беспамятство, отдохнуть...

И он сдался. Легкие готовы были лопнуть. Сердце задрожало и остановилось. Кровь перестала бить фонтаном, растекаясь лужицей.

Он ничего не видел широко открытыми глазами.

— Господи, прошу Тебя...

Он услышал приближение вражеской армии. Он ощущал его. Но вскоре он перестал ощущать что бы то ни было. В жилах не осталось крови, в легких не осталось воздуха. Его тело обмякло.

Он умер.

ЭПИЛОГ

«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

Евангелие от Матфея 24:29—30

Карта на стр. 7

KEY LOCATIONS FOR ARMAGEDDON
АРМАГЕДДОН. ОПОРНЫЕ ТОЧКИ

City — город

City (modern name) — город (современное название)

Mountain peak — горная вершина

Cyprus — Кипр

Mediterranean Sea — Средиземное море

Haifa — Хайфа

Mt. Carmel — гора Кармель

Megiddo — Мегиддо

Sea of Galilee — Галилейское море

Jerusalem — Иерусалим

Dead Sea — Мертвое море

Bozrah — Аль-Басра (Боцра)

Edom — Эдом (Идумея)

Petra — Петра

Sinai — Синай

Gulf of Suez — Суэцкий канал

Gulf of Aqaba — залив Акаба

Red Sea — Красное море

Plains of Israel — долина Изреель (Изреельская долина, Ездраелон)

Valley of Armageddon — долина Армагеддон

Карта на стр. 8 (верх)

JERUSALEM — OLD CITY
ИЕРУСАЛИМ — СТАРЫЙ ГОРОД

Rockefeller museum — музей Рокфеллера

Hel Ha Handasa — Хель ха-Андаса

Herod's gate — ворота Ирода

Suleimon Road — улица Соломона (Сулеймана)

Double Pool of Bethesda — двойной бассейн Вифесды

Lion's gate — Львиные врата

Temple mount — Храмовая гора

Golden gate (Closed) — Золотые ворота (закрыты)

Dome of the Rock — Купол Скалы

Jaffa gate (Wall Section demolished) — Яффские ворота (часть стены разрушена)

Citadel — Цитадель

Jaffa Road — улица Яффо (Яффская дорога)

Wailing Wall — Стена Плача

Jericho Road — Иерихонское шоссе

Zion gate — Сионские ворота

Dung gate — Мусорные ворота

Карта на стр. 8 (низ)

MIDDLE EAST СРЕДНИЙ ВОСТОК

Turkey — Турция

Caspian Sea — Каспийское море

Mediterranean Sea — Средиземное море

Syria — Сирия

Jordan — Иордания

Iraq — Ирак

Al Hillah — Аль-Хилла

Baghdad — Багдад

Iran — Иран

Egypt — Египет

Red Sea — Красное море

Saudi Arabia — Саудовская Аравия

Persian Gulf — Персидский залив

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.Christian Writers Guild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

ДВЕНАДЦАТЫЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Многовековая история человечества, запятнанная войнами, грехами и смертью, подходит к концу вместе с явлением Царя Царей. Иисус Христос нисходит к ждущим его людям, чтобы принять участие в сражении в долине Армагеддон. В романе «Явление во Славе» рассказывается о том, как закончились семь лет Скорби, что выпали на долю всех оставленных на земле после Восхищения.

Заказать книгу «ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

АРМАГЕДДОН — одиннадцатый роман серии «LEFT BEHIND®».

Отряд Скорби собирается на Ближнем Востоке в предверии самой грандиозной битвы в истории человечества. Неизвестно кому из героев удастся добраться до поля боя, ибо над каждым из них нависла серьезная опасность.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ТИМ ЛАХЭЙ

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Не просто художественный вымысел.

Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0517-6

www.Leftbehind.ru